Среди Киргизовъ и Туркменовъ на Мангышлакѣ.

Р. Карутцъ.

Изд. А. Ф. Девріена.

Р6 4/125
801-11
776

Р. КАРУТЦЪ.

СРЕДИ КИРГИЗОВЪ и ТУРКМЕНОВЪ

НА МАНГЫШЛАКѢ.

Переводъ *Е. ПЕТРИ.*

Съ 32 отдѣльными таблицами, 61 рисункомъ въ текстѣ и картой.

42180

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко. Спб., Англійскій пр., 28.

Государственная
ордена Ленина
56084-48
11/68

Предисловіе.

„Всѣ туркмены происходятъ съ Мангышлака". Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Мервѣ услыхалъ эту традицію, я твердо рѣшилъ отправиться туда, къ предполагаемымъ источникамъ этого интереснаго народа. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, говорилъ я себѣ, тѣмъ свободнѣе туркмены отъ персидскаго вліянія, вызваннаго продолжительной диффузіей со стороны сосѣдей и насильственной трансфузіей аламановъ, тѣмъ чище, будетъ слѣдовательно, ихъ тюрко-татарскій типъ.

Лѣтомъ 1903 года мнѣ удалось выполнить свое намѣреніе. Правда, я встрѣтилъ при этомъ совершенно другія условія, чѣмъ я ожидалъ, и столкнулся не столько съ туркменскими, сколько съ киргизскими народными элементами, но эта перемѣна программы оказалась, какъ потомъ выяснилось, только въ пользу моихъ этнологическихъ наблюденій,— киргизскія, именно, данныя и послужили поводомъ къ опубликованію результатовъ моего путешествія.

Кто хочетъ заняться киргизами, или въ болѣе широкомъ объемѣ—тюрко-татарами вообще, не долженъ упустить изъ виду старыя описанія такого ученаго, какъ Палласъ, или подробныя изслѣдованія такого ученаго, какъ Радловъ, но при всемъ громадномъ ихъ значеніи изслѣдованія эти, что вполнѣ естественно — не всегда могутъ удовлетворить запросамъ современной этнографіи. Иногда же они нахо-

дятся въ разногласіи съ тѣми данными, которыя получаются теперь, особенно относительно западной части области кочеванія киргизовъ; сравненіе и тѣхъ и другихъ данныхъ было бы, поэтому, небезполезно. Прежде всего, однако, мы нуждаемся въ матеріалѣ. Вотъ почему я издаю собранный мною матеріалъ, хотя онъ охватываетъ сравнительно незначительную часть той обширной области, о которой идетъ рѣчь, и относится къ сравнительно короткому періоду наблюденій; издаю его въ убѣжденіи, что много еще перспективъ откроется здѣсь передъ этнографомъ, и въ надеждѣ, что мои замѣтки послужатъ для нѣкоторыхъ поводомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Рихардъ Карутцъ.

Любекъ, октябрь 1810.

Отъ переводчика.

Считаю долгомъ выразить здѣсь свою искреннюю признательность академику В. В. Радлову за любезное согласіе проредактировать приводимыя въ настоящемъ переводѣ киргизскія слова и названія, а равно и за необходимыя указанія относительно ихъ транскрипціи.

На стр. 88—94, въ описаніи дѣтскихъ игръ, въ пословицахъ и загадкахъ, на основаніи указаній В. В. Радлова были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, за которыя также приношу свою сердечную благодарность.

Е. Петри.

ГЛАВА I.

На Мангышлакъ.

Лѣто 1909 года привело меня въ третій разъ въ русскій Туркестанъ.

Проѣздъ черезъ Москву, Саратовъ и Астрахань освѣжилъ старыя воспоминанія. Не явилась для меня новой и кипучая жизнь на Волгѣ, тѣмъ не менѣе я былъ пораженъ ея развитіемъ за послѣдніе годы, особенно Царицыномъ и Саратовомъ съ ихъ сильнымъ стремленіемъ превратиться изъ полудеревни-полугорода въ европейскій городъ; многочисленныя нѣмецкія имена и вывѣски разныхъ фирмъ указываютъ, быть можетъ, на происхожденіе этого стремленія. Судоходство я также нашелъ болѣе оживленнымъ, хотя при тогдашнемъ застоѣ на мировомъ рынкѣ дѣло не обходилось, само собою, и безъ жалобъ на плохія времена. Въ непрерывной смѣнѣ проносились предо мною, какъ и раньше, картины Волги, величественные срочные пассажирскіе пароходы, широкія грузовыя суда, безчисленные буксиры съ шестью, восемью баржами въ два ряда, гигантскіе плоты (табл. 1), бѣляны съ искусно нагроможденными дровами, плывущія внизъ по теченію и направляемыя при помощи каменнаго лота, который волочится по дну, рыбацкія лодки и мелкія парусныя

суда, баржи на пристаняхъ съ ихъ характерными національными типами, бойкими торговцами, суетящимися пассажирами, зѣваками, грызущими сѣмечки. Все это придаетъ Волгѣ столько разнообразія, интереса и оживленія, что поѣздка, несмотря на всю свою продолжительность и однообразіе, не кажется ни скучной, ни монотонной. Кто хочетъ видѣть Россію, не долженъ ограничиться Москвой — не говоря уже, само собою, о Петербургѣ — нужно отправиться на Волгу и поѣздить нѣсколько дней на ея комфортабельныхъ пароходахъ, чтобы вернуться домой съ запасомъ новыхъ и цѣнныхъ впечатлѣній, которыя могли бы исправить многія сужденія о нашей восточной сосѣдкѣ, о ея экономическихъ задаткахъ, о политическихъ тайнахъ ея прошлаго и настоящаго.

Еще глубже запечатлѣлся во мнѣ при этой новой поѣздкѣ ландшафтъ Волги. Живописныхъ мѣстъ въ общепринятомъ смыслѣ она представляетъ немного и то только на сѣверѣ, между Самарой и Казанью, или еще дальше вверхъ по теченію. Тутъ правый берегъ круто подымается, образуя величественныя высоты съ отдѣльными зубчатыми конусообразными вершинами, покрытыми лѣсомъ и прорѣзанными глубокими ущельями. Рѣка, прокладывая себѣ дорогу крутыми изгибами, выдвигаетъ здѣсь на сцену все новыя кулисы и въ безпрерывной смѣнѣ развертываетъ предъ глазами всю прелесть своихъ картинъ, а пышныя краски осенней листвы придаютъ имъ еще особое очарованіе.

Но большею частью, особенно на югѣ, взоръ встрѣчаетъ одно только, почти безграничное, однообразіе. Лѣвый берегъ цѣлыми часами замыкается непрерывной низкой стѣной лѣса; кое гдѣ только стѣна эта раздвигается, чтобы пропустить быстро сбѣгающій въ Волгу ручеекъ, да изрѣдка мелькнутъ вдали надъ лѣсомъ зеленые или синіе куполы русскихъ церквей и остроконечные минареты татарскихъ мечетей;

или же тянется часами голая степь; когда же ее смѣнитъ песчаное предгоріе съ низкимъ кустарникомъ или паркообразный ландшафтъ съ разбросанными по немъ березовыми рощами, то проходятъ снова цѣлые часы прежде, чѣмъ эта картина уступитъ мѣсто другой. Такое же постоянство свойственно и правому берегу, которымъ южно-русская „черноземная" возвышенность спускается къ Волгѣ, съ его разорванными крутыми стѣнами, его вычурно размытыми склонами, производящими впечатлѣніе застывшихъ морскихъ волнъ, съ его столовыми плато и желтой каймою дюнъ.

Вся эта мирная простота волжскаго ландшафта окутана какимъ-то своеобразно-свѣтлымъ и яснымъ воздухомъ, придающимъ ему поразительную красоту. Каждое время года имѣетъ здѣсь свою прелесть. Осенью я видѣлъ воду гладкой, тяжело-текущей, какъ расплавленный свинецъ, съ глубокими, рѣзкими отраженіями; воздухъ былъ такой прозрачной ясности, что каждая ива на лугахъ, каждая глыба на рыхломъ обрывѣ берега, далекія очертанія высотъ и близкія ущелья казались одинаково пластично-осязаемыми. И эта ясность производила тѣмъ большее впечатлѣніе какой-то холодной тишины и уединенія, что она окутывала мѣстность, лишенную красокъ и прелести разнообразія. Лѣто приноситъ съ собою безоблачные восходы солнца надъ степью, дивныя голубыя небеса, блѣднѣющіе къ горизонту свѣтлыми, ослѣпительно яркими оттѣнками; сверкающую безчисленными переливами, залитую свѣтомъ, легкую голубую рябь Волги, и удивительнѣе всего — закаты. Ихъ краски сравнивали съ красками Нильской долины, и дѣйствительно: прозрачность воздуха порождаетъ здѣсь необыкновенныя, чарующе-прекрасныя явленія. И когда ночь уже спускается на молчаливые берега, на небѣ зажигаются отдѣльныя звѣзды, на западѣ долго еще горитъ полоса заката. Не менѣе дивны и восходы луны, равно какъ

и безлунныя ночи, въ темнотѣ которыхъ сверкаетъ лишь иногда съ берега мерцающій свѣтъ маяка, скользнувъ по шалашамъ, землянкамъ и пещерамъ, въ которыхъ устраиваютъ свои „казенныя квартиры" сторожа маяковъ.

Изъ Астрахани тендеръ доставляетъ ѣдущихъ на Каспій въ восемь часовъ къ Девяти-футовому рейду, пловучему городу изъ старыхъ баржъ, гдѣ пассажиры пересаживаются на пароходы, ѣдущіе въ Баку или Красноводскъ. Черезъ двѣнадцать—тринадцать часовъ пути показывается сѣверо-западная оконечность полуострова Мангышлакъ, — плоскогоріе съ отвѣсными стѣнами и крутизнами, на краю котораго бѣлый маякъ указываетъ судну фарватеръ.

У самаго полуострова мы сворачиваемъ къ югу и входимъ въ гавань небольшого поселенія — Николаевскаго, возникшаго, благодаря развившемуся по этимъ берегамъ рыболовному промыслу. Рыболовство въ этихъ мѣстахъ ввели уже издавна туркмены, и еще до послѣдняго времени здѣсь были въ ходу примитивные костяные рыболовные крючки, а затѣмъ и желѣзные, домашняго производства. Въ настоящее время въ рукахъ русскихъ здѣшнее рыболовство развивается въ доходную статью вывоза, хотя два лѣтнихъ мѣсяца, во время которыхъ уловъ запрещенъ, и четыре мѣсяца зимнихъ холодовъ уменьшаютъ на половину время занятія этимъ промысломъ.

Жаркая, пыльная дорога ведетъ отъ пристани мимо двухъ небольшихъ соляныхъ озеръ, которыя при тихой погодѣ кажутся темносиними, при вѣтрѣ же, благодаря, какъ полагаютъ, изобилію въ нихъ инфузорій, принимаютъ удивительную темно-розовую окраску*); озера эти доставляютъ столовую соль населенію и разсолъ для рыбнаго промысла.

*) См. также *Zaleski* „La vie des steppes Kirghises". Paris. 1865, p. 43.

Соль просто выгребается со дна, сбрасывается кучами и затѣмъ увозится. Кромѣ того, мѣстное населеніе пользуется этими озерами также и для лѣчебныхъ цѣлей: здѣсь устроены примитивныя купальни, гдѣ соединеннымъ дѣйствіемъ концентрированнаго раствора соли и интенсивныхъ солнечныхъ лучей лѣчатся ревматизмы.

Четыре версты пути, и мы у первыхъ домовъ форта Александровскаго, административнаго центра Мангышлака, въ сокращеніи—фортъ Александра или просто Фортъ. Широкая улица, залитая ослѣпительнымъ солнцемъ и покрытая густымъ слоемъ мучнистой пыли, состоящей изъ песку и продуктовъ вывѣтриванія мягкаго известняка, тянется у подножія скалистаго кряжа, на высотѣ котораго бѣлыя крѣпостныя стѣны окружаютъ казармы, церковь и административныя учрежденія. Скромные одноэтажные дома, построенные изъ добываемаго здѣсь изъ краевъ плато известняка, татарскіе и армянскіе дворы, персидскія лавки, туркменскія мастерскія окаймляютъ улицу съ обѣихъ сторонъ. Съ востока надъ ней царитъ скала, на которой маленькое подражаніе памятнику Александра II напоминаетъ о русскомъ походѣ въ Хиву. Чугунная доска носитъ имена принадлежавшихъ къ штабу дѣйствующей арміи офицеровъ. Отсюда на Каспій открывается великолѣпный видъ, который въ часы захода можетъ вознаградить за цѣлый день ожиданія. Здѣсь я впервые убѣдился, что море, дѣйствительно, можетъ быть пурпуровымъ. Какъ часто я самъ употреблялъ этотъ эпитетъ, слышалъ его отъ другихъ, но въ немъ всегда чувствовалось преувеличеніе подъ очарованіемъ новизны. Лишь здѣсь онъ оправдался на самомъ дѣлѣ, когда послѣ заката все море, отъ берега до самаго горизонта, затянулось дивно сверкавшимъ пурпуровымъ покровомъ, такимъ своеобразно чуждымъ подъ свѣтло-голубымъ небомъ. Широкія свѣтло-зеленыя полосы

протянулись по небу, а надъ ними клубились тяжелыя черныя облака съ краями, загорѣвшимися темнымъ огнемъ въ невидимыхъ лучахъ скрывшагося солнца.

На южномъ своемъ концѣ улица переходитъ въ проѣзжую дорогу, которая расходится въ двѣ стороны. Одна сворачиваетъ къ юго-востоку въ степь, другая вьется между моремъ и краемъ плато по ровной, то узкой, покрытой галечникомъ, то широкой песчаной мѣстности, взбирается затѣмъ вверхъ на плато и сливается съ первой.

Почва всюду состоитъ изъ очень мягкаго известняка, который, распиленный на куски, употребляется въ Форту, какъ я уже упомянулъ, какъ строительный матеріалъ. Въ степи, подъ вліяніемъ дождя и вѣтра, онъ мѣстами выступаетъ на поверхность мощными залежами; здѣсь колеса арбъ и телѣгъ, поддерживающихъ сношенія между Фортомъ и Киндерли, врѣзали въ него глубокія, гладкія, какъ отъ ножа, борозды. По краямъ плато, благодаря атмосфернымъ вліяніямъ, известнякъ размытъ въ причудливыя формы и образуетъ пещеры, ямы, дыры и ходы, которые, нагромождаясь мѣстами въ видѣ террасъ, превращаются, благодаря сохранившимся остаткамъ наружныхъ стѣнъ, въ цѣлыя галлереи, поддерживаемыя колоннами и пилястрами (таб. 2). Когда такія опоры обваливаются, рушатся также и нависающія массы, и ихъ громадныя глыбы постепенно распадаются и распыляются. Мѣстами разрушеніе начинается на нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ плато, получаются параллельныя ему глубокія трещины, которыя даютъ каньоноподобныя образованія (таб. 2); или же оно прорываетъ трещины, направленныя перпендикулярно къ берегу; трещины эти, расширяясь въ дикія ущелья или покрытыя галечникомъ котловины, спускаются къ уровню степи узкими лощинами или широкими крутыми уступами. Такія размытыя долины врѣзы-

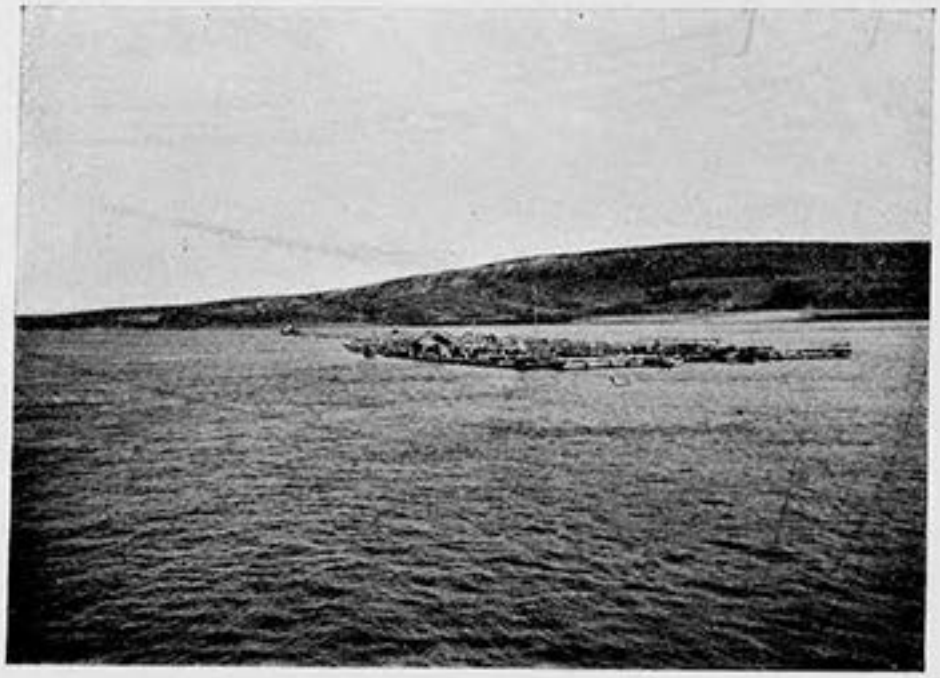
ваются далеко въ глубь степи, и въ ихъ стѣнахъ образуются часто пещеры и мрачныя расщелины, напоминающія дымоходы.

Величіе этихъ образованій выразилось въ легендахъ. Сынъ моего киргизскаго проводника, интеллигентный юноша, посѣщавшій шесть лѣтъ русскую школу въ Асхабадѣ, предложилъ показать мнѣ недалеко отъ своего аула пещеру, которая будто бы не имѣетъ конца, и въ которую никогда еще не проникалъ ни одинъ киргизъ и ни за что на это не рѣшился-бы. Въ этой пещерѣ живетъ змѣя, такой величины, какъ тѣ большія змѣи, что ѣдятъ людей, и у этой змѣи огромныя сокровища. Есть тамъ еще большой, глубокій колодезь, самый большой и глубокій изъ всѣхъ колодцевъ; изъ этого колодца дуетъ по временамъ такой ураганъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ тогда пройти мимо пещеры. Мы захватили спички и свѣчи изъ моего багажа и отправились верхомъ. На половинѣ подъема по вывѣтрившейся стѣнѣ долины мы достигли входа въ пещеру; я отправился впередъ, за мной слѣдовалъ киргизъ, довольный своимъ маленькимъ приключеніемъ, но не совсѣмъ свободный отъ страха, навѣяннаго бабушкиными сказками. Предъ нами былъ узкій ходъ, полъ котораго шелъ сначала ровно и прямо, а затѣмъ сталъ извиваться и вести вверхъ, то подъ наклономъ, то ступенями; мѣстами же онъ вдругъ круто сворачивалъ внизъ, заставляя насъ все время скользить и карабкаться. Густой мучнистый слой изъ распавшихся горныхъ породъ покрывалъ его. Галечникъ и перегораживавшіе дорогу камни затрудняли движеніе. Нѣсколько разъ, когда мы думали, что достигли уже конца, ходъ велъ дальше круто вверхъ въ видѣ дымовой трубы, и мы на четверенькахъ ползли дальше. Наконецъ, сверху въ пещеру проникъ лучъ свѣта, и я увидѣлъ, что верхній конецъ „дымохода" пересѣкался высокою про-

дольною трещиною и, такимъ образомъ, сообщался съ внѣшнимъ міромъ.

Итакъ мы имѣли здѣсь, слѣдовательно, дѣло просто съ продуктомъ грандіознаго размыванія. При этомъ находили себѣ отчасти подтвержденіе и всѣ фантастическіе разсказы, такъ какъ черезъ продольную трещину вѣтеръ могъ свободно проникать въ этотъ подземный лабиринтъ и затѣмъ вырываться впереди со свистомъ и ревомъ, наводившимъ страхъ на людей, какъ все имъ непонятное. Нужно къ этому прибавить еще отдававшійся отъ стѣнъ узкихъ ходовъ шумъ крыльевъ и крикъ птицъ, свившихъ себѣ здѣсь гнѣзда, дѣйствительныя происшествія со змѣями, играющими вообще большую роль въ сказкахъ и суевѣріяхъ киргизовъ, народную молву, которая все разукрашивала, устную передачу отъ поколѣнія къ поколѣнію — и вотъ легенда живетъ и по сей день, и едва ли мое открытіе разрушитъ ее.

Когда мы ѣхали обратно, молодой киргизъ съ гордостью заявилъ мнѣ, что онъ радъ, что побывалъ въ пещерѣ, въ которую до того не вступала нога человѣческая, что теперь онъ знаетъ, что пещера имѣетъ конецъ, но что дома онъ все-таки разскажетъ, что видѣлъ большую змѣю. При этомъ онъ скромно сознался, что одинъ и безъ свѣта онъ все же не пошелъ бы туда. Немного погодя онъ замѣтилъ почти робко, съ трогательно-прекраснымъ инстинктомъ сожалѣнія объ утерянномъ дѣтскомъ вѣрованіи: „а вѣдь жалко, собственно, что мы нашли конецъ пещеры“. Дома онъ, дѣйствительно, разсказалъ, что видѣлъ змѣю, всѣ ему повѣрили и усердно ухватились за эту исторію; одна дѣвочка стала утверждать, что годъ тому назадъ одинъ ребенокъ видѣлъ тамъ золотыя вещи, но, возвращаясь, ужъ не нашелъ ихъ больше; другая разсказывала съ блестящими глазами, какъ еще недавно одинъ человѣкъ хотѣлъ взять изъ пещеры покрывала и халаты,



Плотъ на Волгѣ.

но не могъ туда войти, а старикъ, слушая ее, качалъ при этомъ головой, говоря, что сокровища принадлежатъ змѣѣ, и она никого къ нимъ не подпускаетъ. Если бы мой юноша вздумалъ разсказать правду, что никакой змѣи и никакихъ сокровищъ онъ не видѣлъ, а видѣлъ конецъ пещеры, никто ему не повѣрилъ бы, да и самъ онъ подъ конецъ убѣдилъ бы себя: „а вѣдь пещера все-таки можетъ быть не имѣетъ конца" — и легенда продолжала бы существовать.

Масса наваленныхъ всюду камней доставляетъ матеріалъ для многочисленныхъ каменныхъ сооруженій, встрѣчающихся на Мангышлакѣ вблизи побережья, какъ то: круги, четырехугольники и помѣщенія въ родѣ ящиковъ — какъ остатки молитвенныхъ мѣстъ и могильниковъ, — зимніе загоны для скота (таб. 3), засады для птицелововъ, оборонительныя укрѣпленія изъ временъ туркмено-киргизскихъ усобицъ, дорожные столбы, разные путевые знаки и огражденія заброшенныхъ полей. О могилахъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ. Путевые знаки представляютъ столбы изъ нагроможденныхъ камней и должны указывать путнику на близость колодца или жилыхъ мѣстъ. Безпорядочно набросанные камни, монотонныя сѣрыя краски, бездорожье, снѣга, заметающіе всякій слѣдъ, затрудняютъ оріентированіе въ этой степи, что естественно привело къ сооруженію подобныхъ путевыхъ знаковъ. Круги, на которые указываютъ какъ на молитвенныя мѣста, представляютъ сложенные въ кругъ камни, въ одномъ мѣстѣ образующіе болѣе широкую и высокую кучу, долженствующую изображать родъ алтаря.

Такіе круги насчитываютъ не болѣе ста лѣтъ; назначеніе ихъ — защищать священное мѣсто отъ дѣтей и скота; они имѣютъ въ діаметрѣ около пяти метровъ и вмѣщаютъ приблизительно пятнадцать человѣкъ (таб. 3). Относительно одного круга, находящагося подъ крѣпостными стѣнами форта

я получилъ очень странное объясненіе: онъ служилъ будто бы въ прежнія времена основаніемъ для палатокъ отдыхавшихъ здѣсь каравановъ [1]). Недавно кто-то по аналогіи съ подобными же сооруженіями въ Африкѣ высказалъ предположеніе, что камни нашихъ кромлеховъ могли служить сидѣніемъ при совѣщательныхъ собраніяхъ, — объясненіе, въ сравненіи съ принятыми, слишкомъ простое, но тѣмъ не менѣе заслуживающее вниманія. Кто видѣлъ обширныя пространства, покрытыя обломками горныхъ породъ въ областяхъ эрозій или, напр., усѣянныя камнями Корнуэльскія равнины и знаетъ, какую роль въ повседневной жизни номада играютъ камни, тотъ можетъ понять его. Къ сферѣ такихъ естественныхъ, простыхъ, реальныхъ объясненій многихъ явленій, къ которымъ должно было бы чаще прибѣгать народовѣдѣніе, относится и то, что камни служили основаніемъ для палатокъ; это объясненіе при извѣстной достовѣрности многихъ традицій вообще также заслуживаетъ вниманія.

Упомянутыя выше оборонительныя сооруженія состоятъ изъ каменныхъ валовъ или изъ естественныхъ ущелій, отгороженныхъ поперечной стѣной; засады птицелововъ представляютъ родъ башни или круговой валъ, для сооруженія которыхъ пользовались естественными оградами.

[1]) Этотъ самый кругъ камней изображенъ Залѣскимъ въ его трудѣ „La vie, des Steppes Kirghises", Paris 1865, на таблицѣ „La Baie de Nowo-Pietrowsk"; на стр. 43 онъ замѣчаетъ: „Entre la forteresse et ces petits lacs se trouve encore un vieux cimitière kirghize". Мнѣ неизвѣстно, указали ли раскопки на то, что здѣсь было кладбище, или такое предположеніе было сдѣлано на основаніи внѣшняго впечатлѣнія или на основаніи преданія; я оставляю въ сторонѣ, кто правъ: мой ли киргизъ или нынѣшнее поколѣніе, придумавшее такое простое объясненіе для этихъ сложенныхъ камней. Мнѣ оно кажется въ высшей степени неправдоподобнымъ, такъ какъ эти камни для киргизовъ не представляютъ ничего особеннаго и объясняются ими обыкновенно на основаніи ихъ традицій.

Мягкостью горныхъ породъ можно объяснить тотъ фактъ, что на скалахъ часто попадаются рисунки; они встрѣчаются въ мѣстахъ, служащихъ приваломъ для пастуховъ, какъ обычная ихъ забава въ часы досуга; мотивы этихъ рисунковъ заимствованы изъ окружающей среды и являются выраженіемъ интересовъ художника, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, пастушеская жизнь: овцы цѣликомъ, овечьи рога, верблюды — вотъ наиболѣе распространенные мотивы.

Внутренность Мангышлака представляетъ степную область, частью равнинную, частью волнистую, съ широко отстоящими грядами холмовъ, такъ что кажется, что находишься на плоской тарелкѣ, края которой образуютъ горизонтъ; иногда же мѣстность понижается и образуетъ широкія долины, дно которыхъ представляетъ рельефъ холмовъ, остроконечныхъ вершинъ и бугровъ, а склоны выдвигаются въ видѣ отроговъ или же отступаютъ въ видѣ размытыхъ ущелій и овраговъ. Ни деревца, ни куста не видно надъ короткой, пучковидной засохшей травой этой почвы, содержащей, должно быть, еще меньше влаги, чѣмъ на востокѣ Арала, гдѣ мнѣ случалось видѣть въ такое время года еще обширныя пространства съ высокими волнующимися травами, наполняющими ночной воздухъ своими мягкими душистыми ароматами. На сколько глазъ можетъ видѣть, тянутся вдаль эти зеленыя равнины; разсѣянные по нимъ аулы, пасущіяся стада — все сливается въ одинъ общій тонъ; едва рисуются ихъ силуэты, часы уходятъ за часами, ни малѣйшее измѣненіе этой картины не балуетъ пытливаго взора. Но однообразіе это лишь относительное. Если представить себѣ степь, какъ одно географическое цѣлое, простирающееся отъ Каспія до Алтая на сорокъ градусовъ долготы и пятнадцать широты, то это, конечно, не будетъ одна безконечная, покрытая травами, равнина. Кромѣ упомянутыхъ уже котловинъ, за которыми

далѣе на востокъ слѣдуютъ другія такія-же пониженія почвы, мы встрѣчаемъ высохшія русла рѣкъ, которыя весною и осенью на короткое время наполняются водою, затѣмъ цѣлыя области, подвергающіяся періодическимъ наводненіямъ — такъ, напр., линія Оренбурго-Ташкентской ж. д. должна была сдѣлать изъ-за этого большую дугу, — затѣмъ летучіе пески и дюнныя пространства, песчаныя пустыни, бѣлыя солончаковыя степи, лёсовыя области, покрытыя травами холмистыя съ плоскими вершинами пространства и голыя пустынныя плоскогорія съ рѣзко очерченными контурами. Вся эта пестрая смѣна, хотя и не представляетъ нигдѣ особой прелести ландшафта, даетъ все же путешественнику разнообразіе впечатлѣній. Отъ нея зависитъ весь укладъ жизни кочевника, его хозяйство, направленіе и время его кочевокъ. Континентальный климатъ гонитъ его со стадами лѣтомъ на сѣверъ, зимою на югъ, состояніе травъ и содержаніе воды въ колодцахъ регулируютъ передвиженіе ауловъ въ предѣлахъ болѣе или менѣе большихъ областей.

Лѣто здѣсь жаркое, полуденные часы, когда вѣтеръ не приноситъ ни малѣйшей прохлады, пышутъ томительнымъ зноемъ, солнце жаритъ безпощадно, а палящій воздухъ ослѣпительно рѣетъ надъ почвой и полонъ обманчивыхъ миражей: пасущаяся лошадь кажется кибиткой, пучокъ травы вырастаетъ въ дерево, кучка верблюжьяго помета—въ скалу, а камни заброшеннаго кладбища превращаются въ громадныя города и крѣпости; на горизонтѣ, какъ по волшебству, появляются цѣлые острова, озера и лѣса и наполняютъ прекрасными иллюзіями душу путника, незнакомаго съ этими явленіями. Но удушливые полуденные часы вознаграждаются удивительными красками вечерней и утренней зари, когда небо сверкаетъ своимъ великолѣпіемъ, а фіолетовыя тѣни обволакиваютъ далекія высоты и низины.

По главнымъ путямъ, по которымъ идетъ сообщеніе, создались настоящія дороги, какъ упомянутыя уже дороги между фортомъ Александровскимъ и Киндерли, въ другихъ же мѣстахъ встрѣчаешь едва намѣченныя тропы, по которымъ слѣдуютъ всадники и кочующіе аулы. Часто, однако, цѣлыми днями не встрѣтишь ни малѣйшаго замѣтнаго слѣда какой-либо тропы, и предъ путешественникомъ простирается гладкая равнина, покрытая травою, и представляется загадкой, какъ можно оріентироваться въ этой степи. Но туземецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, какъ и повсюду въ мірѣ, особые признаки и свои личныя воспоминанія; кромѣ того, нѣкоторые аулы, чтобы легче отыскать свои кибитки или колодцы, устраиваютъ на возвышеніяхъ изъ камней знаки, на подобіе столбовъ; послѣ ухода аула знаки эти оставляются на мѣстахъ, часто даже удерживаютъ свое названіе и служатъ для общаго пользованія, какъ путевые знаки. Туземцы для оріентированія прибѣгаютъ также къ лунѣ, солнцу и звѣздамъ; такъ, напримѣръ, они знаютъ сѣверную полярную звѣзду, какъ неподвижный пунктъ.

Приведу здѣсь нѣкоторыя примѣты погоды, которыя мнѣ сообщилъ одинъ киргизъ. Если въ зимнюю ночь на ясномъ небѣ много звѣздъ, то это указываетъ на теплую погоду, если ихъ мало — на холодную. Если зимою при восходѣ и закатѣ солнца рядомъ съ нимъ покажутся два свѣтлыхъ мѣста, то будетъ холодно, вѣтренно и пойдетъ снѣгъ. Если солнце и луна окружены кольцами, то будетъ дурная погода. Послѣ жаркаго лѣта слѣдуетъ холодная зима. Если зимою на пути къ колодцу лошади и верблюды веселы, прыгаютъ и играютъ, то это означаетъ дурную погоду.

Населеніе Мангышлака состоитъ изъ киргизовъ и туркменовъ и распредѣляется въ настоящее время такъ, что послѣдніе занимаютъ прибрежную полосу, шириною отъ десяти

до двадцати верстъ, и доходятъ на сѣверѣ до форта Александровскаго; киргизы же занимаютъ остальное, значительно большее, пространство. Но не всегда это было такъ. По преданію здѣсь раньше жили монголы—воспоминаніе, должно быть, о кипчакскомъ царствѣ Батыя, внука Чингисъ-Хана, которое простиралось отъ Россіи до Аральскаго моря и заключало въ себѣ Усть-Уртскую возвышенность; затѣмъ здѣсь поселились туркмены, пришедшіе изъ Туркестана. Объ этомъ я слышалъ слѣдующее преданіе:

Въ Туркестанѣ жилъ нѣкогда святой, пользовавшійся большимъ почетомъ. Этому позавидовали два богатыхъ купца, донесли на него хану, обвинивъ его въ кражѣ скота, и потребовали его наказанія. Ханъ призвалъ къ себѣ святого и разсказалъ ему, въ чемъ его подозрѣваютъ; святой спокойно отвѣтилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, можно поискать, у него ли украденная корова, пусть ханъ самъ придетъ къ нему съ обоими купцами и все осмотритъ. И съ этимъ онъ отправился домой. Тѣмъ временемъ обвинители сами привели якобы украденную корову въ домъ святого. Когда ханъ и купцы пришли къ нему, какъ было условлено, святой вышелъ къ нимъ и предложилъ обвинителямъ пойти самимъ поискать корову. Они такъ и сдѣлали, ханъ и святой остались на дворѣ ожидать. Купцы долго не возвращались. За ними послали слугъ; но эти послѣдніе, вернувшись, заявили, что не нашли въ домѣ никого, кромѣ двухъ большихъ собакъ. Въ то же мгновеніе эти животныя выскочили, бросились въ домъ обоихъ богатыхъ купцовъ и стали разрушать и убивать у нихъ и во всемъ городѣ все, что имъ попадалось навстрѣчу. Испуганный ханъ спросилъ святого, что дѣлать. Этотъ послѣдній отвѣтилъ: „только бѣгствомъ можно спастись, весь городъ долженъ выѣхать, а собакамъ нужно кидать каждый день по молодой дѣвушкѣ,—только тогда остальные люди останутся

въ живыхъ". Такъ и было сдѣлано. Все населеніе выѣхало, собаки бѣжали сзади, и каждое утро имъ бросали связанную дѣвушку. Такъ прибыли бѣглецы въ Хиву, гдѣ часть ихъ спряталась въ лѣсахъ и тамъ осталась, другая же, бо́льшая часть отправилась дальше, преслѣдуемая собаками, продолжавшими получать каждый день свою жертву. Наконецъ, они пришли къ границамъ Мангышлака, гдѣ имъ пришлось перейти большое плоскогоріе. Собаки не отставали. Тутъ очередь дошла до одной дѣвушки, которую очень нѣжно любилъ ея братъ; послѣдній не захотѣлъ разстаться съ нею и когда, по обыкновенію, ее утромъ оставили связанной на мѣстѣ стоянки, онъ спрятался, захвативъ съ собою лукъ съ пятью стрѣлами, и убилъ собакъ въ то время, какъ они бросились на свою жертву. Такъ освободились люди отъ заговора и радостные пришли на Мангышлакъ. Мѣсто, на которомъ братъ, движимый любовью къ сестрѣ, совершилъ свой подвигъ, назвали по имени стрѣлка и его пяти стрѣлъ: „бешъ-окту́-тунгаша" („Пять-Стрѣлъ-Тунгаша").

Какая доля исторической правды лежитъ въ основѣ этой легенды, мы не беремся разбирать; она, во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что не Мангышлакъ, какъ мнѣ разсказывали въ Мервѣ, является колыбелью туркменовъ, т.-е. мѣстомъ монголо-тюрко-арійскаго смѣшенія, давшаго этотъ народъ, но что ядромъ послѣдняго является продуктъ туркестанскаго оазиса, къ которому присоединились въ не очень значительномъ количествѣ тюрко-татарскія наслоенія; что арійскій элементъ новыми притоками изъ Персіи не столько собственно опредѣлился, сколько освѣжился, усилился, возобновился его первоначальный иранскій характеръ; что Мангышлакъ не является страною туркменовъ, а лишь туркменской колоніей, если можно такъ выразиться, не источникомъ жизни этого народа, а только станціей на его пути, не на-

чаломъ, а лишь эпизодомъ его исторіи. Съ такимъ взглядомъ согласуется и антропологическій типъ туркмена, который въ своихъ главныхъ чертахъ указываетъ на Бухару и таджиковъ, персидскія же и тюрко-татарскія черты—приблизительно равныя количественно—проявляются лишь, какъ вкрапленія; не идетъ въ разрѣзъ съ этимъ и упадокъ земледѣлія, которое туркмены принесли съ собою изъ иранскихъ оазисовъ, но которое они забросили въ новой странѣ подъ гнетомъ неблагопріятныхъ почвенныхъ условій и подъ вліяніемъ политическихъ перемѣнъ; вполнѣ вяжется съ этимъ взглядомъ и ихъ тяготѣніе къ Хивѣ, которая представляетъ для туркменовъ родъ экономическаго и духовнаго центра. Традиція, сообщенная мнѣ въ Мервѣ, оказалась новѣйшаго происхожденія, ей незнакомы столь важныя для исторіи древнѣйшія времена; она, правда, ввела меня въ заблужденіе, но, идя по слѣдамъ этой традиціи, я, къ счастью, не встрѣтилъ разочарованія. Напротивъ того, путешествіе это доставило мнѣ важныя для моихъ цѣлей наблюденія надъ передвиженіями народовъ, все еще имѣющими мѣсто въ этомъ самомъ западномъ изъ отроговъ средне-азіатской степной области.

Мангышлакъ былъ, такимъ образомъ, лишь нѣкоторое время въ исключительномъ владѣніи туркменовъ, которые жили на сѣверѣ до береговъ сильно врѣзывающагося здѣсь на востокъ Каспійскаго моря. Названіе мѣстности Бузачи связываютъ съ именемъ предводителя одного изъ ихъ родовъ. Они основывали даже города по образцу хивинскихъ, если вѣрить разсказамъ о развалинахъ въ Каратау, около двухсотъ верстъ къ юго-востоку отъ форта Александровскаго. Я самъ этихъ развалинъ не видѣлъ, такъ какъ болѣе богатый аулами сѣверный округъ казался мнѣ болѣе интереснымъ для моихъ этнографическихъ цѣлей; но судя по описаніямъ, это не что иное, какъ развалившіяся глиняныя

Разрушеніе края плато.

Образованіе трещинъ на Мангышлакѣ.

постройки туркестанскаго типа. Тамъ же были сдѣланы также и разрозненныя археологическія находки; между прочимъ, были найдены монеты, явная цѣнность которыхъ произвела впечатлѣніе даже среди киргизовъ и послужила поводомъ къ новымъ легендамъ. Такъ, напр., нѣкто видѣлъ сонъ, будто къ нему явился старый человѣкъ съ длинной бородой и предложилъ ему указать мѣсто, гдѣ искать золото; онъ не обратилъ вниманія на этотъ сонъ. Но сонъ повторился во второй и въ третій разъ, тогда киргизъ отправился въ указанное мѣсто, сталъ копать и нашелъ плоскій камень, подъ которымъ при постукиваніи чувствовалась пустота, и гдѣ, дѣйствительно, оказались деньги. Или: есть открытое мѣсто съ большимъ камнемъ, о которомъ издавна ходила молва, что подъ нимъ погребенъ богачъ, и недалеко отъ него спрятаны его сокровища. Одному человѣку приснилось, что онъ найдетъ этотъ кладъ на краю тѣни, бросаемой камнемъ; онъ сталъ копать и дѣйствительно нашелъ деньги.

Сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ разсказываютъ, въ страну явились съ сѣвера киргизы, побѣдили послѣ долгихъ войнъ туркменовъ и погнали ихъ передъ собою на западъ и югъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Астрахань, другіе въ Хиву и въ Красноводскъ; часть же стянулась къ побережью, а остальные принесли повинную и поселились среди новыхъ господъ. Это было еще сорокъ кибитокъ — любимое число въ разсказахъ тюрко-татаръ, имѣющее вообще значеніе „много“.

При этомъ столкновеніи киргизы были болѣе агрессивнымъ, болѣе свѣжимъ тюркскимъ народомъ, съ болѣе чистою кровью, и физически стояли выше туркменовъ. Закаленные, какъ сталь, чистые кочевники, они взяли верхъ надъ своимъ изнѣженнымъ городскою культурою и кровосмѣшеніемъ врагомъ и продолжаютъ дѣлать это и понынѣ, оттѣсняя все

больше туркменовъ. Правда, туркмены считаютъ себя выше, они, напримѣръ, женятся на киргизкахъ только въ крайнемъ случаѣ и никогда не выдаютъ за киргизовъ своихъ дочерей; они и по нашимъ понятіямъ выглядятъ, несомнѣнно, аристократичнѣе; высокая стройная фигура, спокойная увѣренность, тонкія черты лица, болѣе густая борода, и прежде всего великолѣпные большіе глаза выдаютъ въ туркменѣ иранца. Но въ расовой борьбѣ все это ему не послужило ни къ чему. Киргизъ беретъ надъ нимъ верхъ. Тамъ, гдѣ оба сталкиваются въ степи, дѣло не обходится безъ ссоры, и туркменъ всегда уступаетъ съ гордымъ хладнокровіемъ. Если бы русское правительство не внесло сюда политическаго умиротворенія, біологическій процессъ на Мангышлакѣ уже давно, вѣроятно, разрѣшился бы окончательно.

Рис. 1. Киргизская мѣховая шапка.

О значеніи слова „киргизъ“, о которомъ, какъ извѣстно, много спорили, я слышалъ двѣ версіи. Одна изъ нихъ говоритъ такъ: У одного человѣка было сорокъ дочерей. Такъ какъ онъ былъ очень богатъ, и, соотвѣтственно этому, жениху пришлось бы платить высокій калымъ, то никто не хотѣлъ на нихъ жениться; тогда онъ прогналъ дочерей въ лѣсъ, гдѣ онѣ питались кореньями. Пришли разбойники, увидѣли дѣвушекъ и спросили ихъ, кто онѣ; „кыркъ-кызъ“ (сорокъ дѣвушекъ) отвѣтили онѣ.

Разбойники взяли всѣхъ сорокъ дѣвушекъ въ жены; отъ нихъ и происходятъ киргизы.

По другому преданію киргизы издревле жили въ степи и долгое время не приходили въ соприкосновеніе съ городскою культурою сосѣдей. Когда же это случилось, и люди въ городѣ спросили ихъ, кто они, они отвѣтили: „кыръ-гызъ“ („бродящіе по степи“, по ихъ собственному толкованію, которое я не могу провѣрить этимологически) *).

*) Здѣсь очевидное недоразумѣніе: не „киргизъ“ означаетъ „бродящіе по степи“ а слово „казакъ“, какъ себя называютъ на самомъ дѣлѣ киргизъ-кайсаки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. „Кайсакъ“ — испорченное „казакъ“. Имя „киргизъ-кайсаки“ присвоено европейцами казакамъ; дѣйствительные же киргизы живутъ по склонамъ Тянь-шаня и извѣстны подъ именемъ кара-киргизовъ (черныхъ киргизовъ); къ этимъ послѣднимъ и относится первая легенда. Ред.

ГЛАВА II.

Туркмены и киргизы.

Кто видѣлъ туркменовъ Мервскаго оазиса, тотъ будетъ сильно разочарованъ ихъ соплеменниками на Мангышлакѣ. Ни въ одеждѣ и украшеніяхъ, ни въ устройствѣ ихъ кибитки онъ не найдетъ печати той своеобразной, отличающейся зажиточностью и оригинальностью культуры, которая привлекла его въ Мервѣ; даже физическій обликъ туркмена кажется здѣсь инымъ: благодаря неблагопріятному вліянію ухудшенныхъ экономическихъ условій, въ связи съ усиленнымъ притокомъ тюрко-татарской крови, онъ потерялъ здѣсь характерную смѣсь достоинства и эластичности и значительную долю своей красоты, особенно въ складѣ лица и формѣ глазъ. На мужчинахъ это больше замѣтно, чѣмъ на женщинахъ, которыя и здѣсь, повидимому, сохраняютъ свой типъ болѣе чистымъ (таб. 4). Потеря внѣшняго достоянія туркменовъ также значительно ускорилась подъ современнымъ вліяніемъ русской эры и прежде всего татарства. Когда я спрашивалъ, почему не носятъ уже больше прежнихъ красивыхъ высо-

кихъ шапокъ, мнѣ отвѣчали: „татары носятъ маленькія и высмѣиваютъ насъ, когда мы появляемся въ нашихъ большихъ шапкахъ, а мы не хотимъ заводить ссоры". Изъ этого самооправданія, впрочемъ, видно, насколько туркменская національность потеряла здѣсь свою устойчивость, хотя главную причину этого молчаливаго признанія превосходства татарина нужно искать въ понятномъ различіи между городомъ и деревней. Мѣховая шапка — тамъ, гдѣ она вообще еще сохранилась и появляется при экстренныхъ случаяхъ — не достигаетъ здѣсь той внушительной высоты, которая на югѣ производитъ впечатлѣніе „удлиняющаго ростъ убора" и значительно способствуетъ гордому виду своего обладателя; она здѣсь низкая, въ видѣ горшка (таб. 5) или беретта или же совершенно татарской формы: цилиндрическая съ гладкими краями (табл. 6). Большею же частью шапка замѣняется пестрымъ платкомъ, небрежно повязаннымъ вокругъ головы,— уборъ, который, на-ряду съ чистою длинною тонкою шалью бухарца, едва-ли заслуживаетъ названіе тюрбана. Встрѣчается иногда также и феска. Голова бреется по монгольскому обычаю.

Татарское вліяніе модифицируетъ не меньше и халатъ, который въ своей красивой хивинской формѣ, также какъ и высокая шапка, здѣсь встрѣчается рѣдко; онъ здѣсь короче, достигаетъ только до колѣнъ, а затѣмъ окончательно уступаетъ мѣсто татарскому бешмету. Лѣтомъ часто обходятся совершенно безъ халата, довольствуясь рубашкой и штанами.

Женщины носятъ башмаки, штаны, платье, напоминающее рубашку, и еще короткій плащъ, который накидывается на голову (таб. 4), при чемъ край, обрамляющій лицо, дѣлается болѣе плотнымъ и образуетъ надъ лицомъ какъ бы зонтикъ; туркменка никогда не разстается съ этимъ платьемъ, ни при

работѣ, ни при ѣдѣ, ни даже тогда, когда совершаетъ свой туалетъ, хотя оно ей постоянно мѣшаетъ и ей приходится его то и дѣло отстранять. При встрѣчѣ съ чужими туркменка прикрываетъ имъ лицо. Волосы заплетаются въ косы, къ которымъ въ видѣ украшеній подвѣшиваются цѣпочки и монеты, а иногда и вещи, имѣющія практическое назначеніе, какъ, напр., ключъ отъ сундука, въ которомъ хранятся деньги, украшенія и платья, или же кусочекъ сахару, какъ испытанное средство привлечь къ себѣ любовь ребенка. Дѣти, по большей части, носятъ только рубашку, на которую иногда надѣвается еще короткая курточка, вышитая по спинѣ; мальчики часто до трехъ — четырехъ лѣтъ бѣгаютъ совсѣмъ нагишомъ.

У женщинъ при мнѣ былъ въ модѣ желтый платокъ, который подвязывался подъ подбородкомъ въ видѣ салфетки такъ, что оба верхніе угла приходились надъ ушами и придерживались тесьмою, идущею вокругъ лба и затылка (таб. 4). Изъ украшеній я видѣлъ кольца въ правой ноздрѣ (таб. 16), татарскія кольца на пальцахъ и изрѣдка браслеты; но я ни разу не видѣлъ дорогихъ шейныхъ или налобныхъ бляхъ, или повязокъ, какія носятся въ Мервѣ. Въ сундукахъ, быть можетъ, еще хранятся разныя фамильныя сокровища, которыя носятся при какихъ либо особыхъ случаяхъ; кое-что по моей просьбѣ показывали и мнѣ (таб. 6), но все это было новой работы. У дѣтей я встрѣчалъ ожерелья изъ овечьихъ позвонковъ, называемыхъ „мончукъ“ (бусы *), которыя я принялъ за амулеты, но которыя не имѣютъ, какъ мнѣ объяснили, никакого спеціальнаго значенія.

Туркмены обладаютъ стройной фигурой, хотя и не столь красивой и сильной, какъ ихъ южные соплеменники. Среди

*) Ред.

женщинъ часто попадаются красивыя лица съ тонкими чертами, отличающіяся въ юности миловидною мягкостью, а къ старости импонирующія своею суровою важностью. Монгольская примѣсь здѣсь рѣдко встрѣчается и также, естественно, бросается въ глаза, какъ наоборотъ среди киргизовъ—слѣды туркменской крови,—смѣшеніе, относящееся еще ко временамъ прежнихъ усобицъ. Туркмены сознаютъ эту примѣсь и ставятъ ее въ эстетическомъ отношеніи не высоко,—они предпочитаютъ большіе круглые глаза и находятъ уродливыми узкіе „калмыцкіе глаза", какъ они ихъ называютъ; узкіе носы съ высокой переносицей также находятъ предпочтеніе предъ приплюснутыми и широкими. Бѣлокурые волосы мнѣ приходилось встрѣчать лишь изрѣдка.

Здѣшніе туркмены принадлежатъ къ двумъ различнымъ родамъ, Игдиръ и Абдаллъ,—имена, ведущія свое начало отъ какихъ нибудь прежнихъ военачальниковъ или святыхъ; но первоначальная организація ихъ распалась. Раньше, еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, каждый родъ, состоявшій не менѣе, чѣмъ изъ пятнадцати кибитокъ, имѣлъ своего начальника, „бека", который, кромѣ своего патріархальнаго вліянія, пользовался еще правомъ какъ бы районнаго государя и взималъ съ чужихъ дань за разрѣшеніе проживать или кочевать въ его округѣ. Въ старинныхъ семьяхъ—я встрѣтилъ одну такую семью, гордившуюся своими четырнадцатью поколѣніями—титулъ бекъ удержался еще и по сю пору и прибавляется къ имени старѣйшаго въ родѣ, не связывая, впрочемъ, съ собою какихъ либо другихъ прерогативъ, кромѣ полагающихся вообще главѣ аула, такъ какъ ему и вообще оказывается личный почетъ, у него останавливаются пріѣзжіе гости и т. п.

По мѣсту жительства и по условіямъ жизни можно различать прибрежныхъ и степныхъ туркменовъ. Первые по пре-

имуществу рыбаки, живутъ весь годъ на одномъ мѣстѣ и только зимою передвигаютъ для большей защиты отъ вѣтра свои кибитки вплотную къ склону плато. Они ловятъ рыбу старинными костяными и собственнаго издѣлія желѣзными удочками и забрасываютъ сѣти, къ которымъ весною привязываютъ каменныя грузила, осенью же, напротивъ того, оставляютъ плавать на поверхности. Туркмены, кромѣ того, еще птицеловы. Для приманки большихъ птицъ они держатъ у себя маленькихъ птичекъ, которыхъ ловятъ при помощи разбрасываемыхъ кусочковъ мяса; этихъ птичекъ привязываютъ къ шнурку и сажаютъ подъ натянутую на кольяхъ сѣтку, которую можно опускать, дергая за шнурокъ. Самъ птицеловъ прячется за каменную ограду и высматриваетъ добычу. Подражаніемъ птичьимъ голосамъ онъ сманиваетъ съ горъ крупную птицу и тотчасъ накидываетъ сѣть, какъ только она нападетъ на маленькую птичку. На лисицъ и волковъ они ставятъ ловушки изъ каменныхъ плитъ.

Наконецъ, туркмены занимаются въ скромныхъ размѣрахъ скотоводствомъ, держатъ нѣсколькихъ верблюдовъ, овецъ и козъ, доставляющихъ имъ молоко, мясо и шерсть.

Женщины, по обычаю старины, изготовляютъ ковры (таб. 7). Техника при этомъ состоитъ въ слѣдующемъ: подъ навѣсомъ, который подпирается кольями, веслами или рѣшетками отъ кибитокъ, горизонтально натягивается на землѣ основа, нити для которой сучатся изъ верблюжьей или козьей шерсти; четыре женщины въ рядъ, сидя съ поджатыми ногами передъ основой, работаютъ коверъ слѣдующимъ образомъ: онѣ берутъ каждый разъ по двѣ нитки основы, одну верхнюю и одну нижнюю, кладутъ ихъ передъ собою на ладонь, затѣмъ обводятъ цвѣтную ворсовую нить сначала петлею вокругъ лѣвой нити основы, потомъ кладутъ въ петлю правую нить основы и затѣмъ затягиваютъ петлю. Это дѣлается съ такою быстротою,

Зимній загонъ для скота.

Старинное туркменское молитвенное мѣсто.

Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина

что почти невозможно услѣдить за руками и только ловкость, съ которой перерѣзывается при помощи ножа въ правой рукѣ нитка въ тотъ самый моментъ, какъ петля затянута, можетъ еще конкуррировать съ нею. Время-отъ-времени черезъ основу проводятся три уточныя нити, двѣ тонкія и одна толстая,—онѣ сучатся исключительно изъ верблюжьей шерсти— и плотно прибиваются при помощи распространеннаго по всей Передней Азіи и сѣверной Африкѣ гребневиднаго берда (рис. 2) *). При этомъ женщины развиваютъ такую силу, что нужно самому это видѣть, чтобы понять прочность такъ называемыхъ настоящихъ ковровъ. Бердо высоко заносится и затѣмъ со всею силою со свистомъ опускается внизъ на уточныя нитки, и это продолжается въ равномѣрномъ тактѣ минутъ пять, десять.

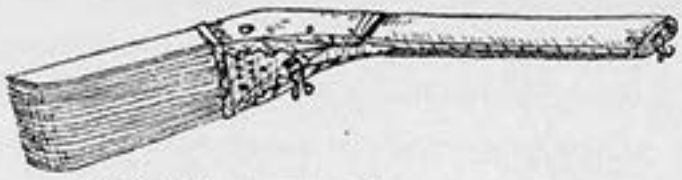


Рис. 2. Туркменское бердо для ковровъ.

Затѣмъ сработанная часть ковра низко подстригается ножницами, и работа идетъ дальше. Мнѣ никогда не приходилось слышать при этомъ рабочихъ пѣсенъ,—ихъ, говорятъ, не существуетъ. На изготовленіе ковра около трехъ метровъ длиною и полутора метровъ шириною четыре женщины употребляютъ мѣсяцъ, и онъ оцѣнивается теперь значительно выше, чѣмъ прежде,—отъ восьмидесяти до ста рублей. При общемъ подъемѣ цѣнъ съ этимъ можно было бы въ концѣ-концовъ примириться, тѣмъ болѣе, что техника осталась такой же превосходной, какъ въ старину, — но увы, этого нельзя сказать

*) Всѣ изображенные въ этой книгѣ этнографическіе предметы составляютъ собственность автора и большею частью выставлены въ музеѣ народовѣдѣнія въ Любекѣ.

про краски и узоръ! Краски покупаются въ лавкахъ Форта, представляютъ собою европейскій химическій продуктъ и ничего общаго не имѣютъ съ устойчивостью противъ свѣта и съ благородными стушеванными нюансами прежнихъ растительныхъ экстрактовъ. Ужасная желтая краска и кричащая ярко-синяя оскорбляютъ взоръ и будятъ грустныя воспоминанія о коврахъ южныхъ номадовъ въ областяхъ Мерва, Пенде, Белуджистана; дивная бѣлизна, получаемая отъ тщательно промытой шерсти молоденькихъ бѣлыхъ барашковъ, яркій пурпуръ и густой, темный, мечтательно-глубокій синій цвѣтъ связываются въ нихъ въ такіе восхитительные мотивы. Узоры также измѣнились къ худшему: въ строгія геометрическія фигуры и послѣднія стилизаціи стараго времени вкрались неспокойные, уродливые, спутанные завитки, могущіе сойти за персидскіе мотивы, въ которые европейская культура вдохнула новую жизнь, но лишила всей прежней ихъ прелести.

Характернымъ для упадка ковроваго производства является то возмутительное нерадѣніе, благодаря которому гибнутъ послѣдніе дѣйствительно отличные и старые образцы; на моихъ глазахъ они валялись по угламъ, изорванные въ клочья, и мнѣ удалось пріобрѣсти только единственный относительно сохранившійся экземпляръ, который, при своихъ необыкновенныхъ размѣрахъ въ пять на два съ половиною метровъ, поражалъ превосходной гармоніей узора и благородствомъ своихъ красокъ.

Кромѣ ковровъ, которые ткутся по верхней сторонѣ и низко подстригаются, работаются еще другіе безъ ворса, у которыхъ нитки вяжутся снизу и оставляются длинными, такъ что узоръ образуется всею длиною гладко натянутыхъ нитей; такіе ковры (паласы*) служатъ для повседневныхъ надобно-

*) Перев.

стей, какъ обыкновенныя настилки въ юртахъ. Кромѣ того женщины изготовляютъ сумки на стѣны и двойныя дорожныя сумки, которыя перекидываются поперекъ лошади. Эти сумки работаются на ткацкомъ станкѣ такимъ образомъ, что одна половина длины ткется, т.-е. черезъ основу пропускаются уточныя нитки изъ верблюжьей шерсти и плотно прибиваются, другая же половина работается, какъ коверъ, и низко подстригается. Первая половина гладкая, вторая съ узоромъ. Готовая вещь перегибается на серединѣ и первая половина образуетъ заднюю, вторая — переднюю часть сумки. При двойныхъ сумкахъ поступаютъ точно такъ же, съ тою только разницею, что основа дѣлится по длинѣ на четыре части, изъ которыхъ двѣ наружныя вяжутся, какъ коверъ, двѣ же внутреннія ткутся; первыя обѣ перегибаются внутрь, и двойная сумка готова.

Внутри страны, гдѣ, правда, туркмены, какъ было уже упомянуто, не переходятъ къ востоку за предѣлы узкой полосы, они главнымъ образомъ скотоводы (по примѣру киргизовъ), держатъ овецъ, козъ, верблюдовъ и лошадей, и кочуютъ отъ одного колодца къ другому, смотря по содержанію въ нихъ воды и по состоянію травъ. Земледѣліе едва можетъ быть принято въ расчетъ. Если аулъ на своемъ пути встрѣтитъ мѣстность, гдѣ дождь оставилъ въ почвѣ достаточный запасъ влаги, то онъ, конечно, посѣетъ просо или пшеницу, которая поспѣваетъ въ одинъ, въ два мѣсяца. Послѣ жатвы аулъ отправляется дальше. Поля не становятся собственностью ни аула, ни отдѣльнаго лица, — кто первый является, тотъ становится хозяиномъ поля. Туркмены, повидимому, не отличаются способностями къ земледѣлію; мнѣ разсказывали, что хлѣба часто погибаютъ, и это обстоятельство заставляетъ многихъ отказываться отъ обработки земли. Зерно для посѣва получается изъ Хивы или Красноводска. Туркмены, оче-

видно, растеряли тѣ познанія, которыя они принесли съ собою изъ своей туркестанской родины, извѣстной своими оросительными сооруженіями; это произошло тѣмъ легче, что сѣверъ не пользовался регулярнымъ притокомъ персидскихъ рабовъ, отлично знакомыхъ съ земледѣліемъ,— южные соплеменники сѣверныхъ туркменовъ своими разбойничьими набѣгами направляли его въ оазисъ Мерва. Нашествіе киргизовъ, потеря людей и разореніе полей въ долгіе годы усобицъ съ своей стороны способствовали паденію земледѣлія.

Остатки примитивнаго собирательнаго хозяйства традиція хранитъ еще при посредствѣ дѣтей, которыя выкапываютъ съѣдобныя коренья, хотя дѣтямъ это служитъ больше спортомъ и забавою, чѣмъ дѣйствительною потребностью. Конечно, можетъ случиться, что исключительныя голодныя времена заставятъ и взрослыхъ вспомнить дѣтство, и собираніе корней и клубней изъ забавы превратится въ горькую нужду, но обыкновенно обходятся продуктами скотоводства. Здѣсь вліяніе киргизовъ было, очевидно, благодѣтельно. Болгарскій ёгуртъ всегда былъ знакомъ всѣмъ тюркскимъ народамъ, у туркменовъ онъ употребляется подъ тѣмъ же именемъ; у киргизовъ его замѣняетъ „айранъ“ *). Его приготовляютъ весною, съ марта приблизительно по май, изъ овечьяго молока, которое нѣсколько вваривается, затѣмъ охлаждается до шестнадцати градусовъ, смѣшивается съ небольшимъ количествомъ стараго молока и накрывается потеплѣе. Въ теченіе ночи молоко бродитъ и становится густой массой, которую ѣдятъ ложкой. Егуртъ былъ всегда извѣстенъ туркменамъ,

*) Киргизы употребляютъ айранъ также въ сухомъ видѣ подъ названіемъ „крутъ“. Скисшее овечье или коровье молоко скатываютъ въ комки, величиною въ кулакъ, и высушиваютъ на солнцѣ, разложивъ на цыновки. Въ дорогѣ крутъ незамѣнимъ; разведенный водою онъ служитъ въ одно и то же время напиткомъ и ѣдой. Перев.

кумысъ же, кислое кобылье молоко, они переняли, какъ я полагаю, отъ киргизовъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что кумыса нѣтъ ни на югѣ, ни на востокѣ, т.-е. ни въ оазисахъ, ни въ политическомъ и религіозномъ центрѣ туркменовъ—Хивѣ; затѣмъ—что его не пьютъ муллы, если они набожны, что въ оазисахъ запрещено конское мясо, тогда какъ на Мангышлакѣ оно дозволено и, наконецъ, что въ ходу поговорка: „киргизъ на Мангышлакѣ употребляетъ кумысъ какъ пищу, туркменъ — для утоленія жажды". Такимъ образомъ на Мангышлакѣ на сторонѣ киргизовъ было не только право сильнаго, но и вліяніе ихъ, какъ національности, болѣе способной къ хозяйству, болѣе приспособленной къ окружающей средѣ. Есть отдѣльные аулы, которые можно различить какъ туркменскіе или киргизскіе лишь по носу ихъ хозяина, по головному платку ихъ женщинъ. Я подчеркиваю „отдѣльные аулы", ибо въ большинствѣ случаевъ взглядъ, брошенный на цыновки, покрывающія кибитки, или внутрь кибитки, достаточенъ, чтобы не осталось никакихъ сомнѣній относительно національности ея хозяина. Какъ ни спѣшитъ киргизъ подъ нивеллирующія ножницы культуры, и какъ ни скоро пробьетъ часъ его національной особенности, но характернымъ остается и по сю пору многое изъ его культурнаго достоянія. Поэтому, гораздо большій интересъ по сравненію съ туркменомъ представляетъ для этнографа киргизъ. Но этнографу слѣдуетъ спѣшить, ибо процессъ нивеллировки идетъ гигантскими шагами *).

*) Ссылаюсь хотя бы на русскій аршинъ, вытѣсняющій прежнія киргизскія мѣры длины. Изъ разспросовъ я узналъ слѣдующія изъ нихъ: биръ-эли = шириною въ одинъ палецъ; ик'-эли = шириною въ два пальца; утчъ-эли = шириною въ три пальца; тёртъ-эли = шириною въ четыре пальца; кулашъ (у Радлова: — „Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій" С.-Петербургъ. 1891 — 1911. Изъ. Имп. Академіи Наукъ — кулатчъ = сажень) = разстояніе

За этнографическими національными особенностями послѣдуютъ, по-моему, и антропологическія, хотя здѣсь процессъ будетъ совершаться относительно медленнѣе. Я допускаю, что ясная картина этой нивеллировки лежитъ еще въ далекомъ будущемъ, я знаю, что многимъ покажется невозможнымъ и безцѣльнымъ рисовать себѣ эту картину, что многіе вообще не допускаютъ возможности такого сліянія, а предполагаютъ и въ дальнѣйшемъ ту же мозаику, и даже вѣроятность растворенія уже создавшихся однородностей; я не хочу также касаться здѣсь разныхъ политическихъ перспективъ, шансовъ или мечтаній, я желалъ бы только высказать вынесенное изъ неоднократныхъ наблюденій убѣжденіе въ томъ, что процессъ амальгамированія между арійскими и монгольскими элементами, имѣющій мѣсто въ области такъ называемыхъ тюрко-татарскихъ народовъ уже въ сущности тысячелѣтія, а съ тринадцатаго столѣтія перекинувшійся и на восточную Европу, не прекратился и въ настоящее время и будетъ продолжаться и въ будущемъ. Говорятъ о новой американской расѣ, въ аналогичномъ смыслѣ будутъ современемъ говорить о біологическомъ процессѣ въ Россіи, о новомъ русскомъ типѣ, физическій и психическій обликъ котораго спаялся изъ славянскихъ, германскихъ, семитическихъ, финскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ и армянскихъ элементовъ имперіи. Въ этомъ культурная задача Россіи и ея всемірное значеніе. Я вѣрю въ то и въ другое.

Что въ крови киргиза слились востокъ и западъ, напи-

при растянутыхъ рукахъ между концами пальцевъ обѣихъ рукъ; тушъ-ара = = полъ кулаша; карысъ = разстояніе между большимъ пальцемъ и мизинцемъ (равно какъ и между большимъ и другими пальцами, кромѣ указательнаго (прим. ред.); сюемъ = разстояніе между большимъ и указательнымъ пальцемъ; сынык-сюемъ = сломанное сюемъ = разстояніе между большимъ и согнутымъ указательнымъ пальцемъ.

сано на его лицѣ, хотя буквы этого письма не всюду одинаковы и распредѣлены неравномѣрно. Въ общемъ мнѣ кажется, что женщина сохранила монгольскій характеръ въ болѣе чистомъ видѣ и играетъ здѣсь ту же роль, какъ и туркменка по отношенію къ туркестанскому типу; мнѣ приходилось видѣть плоскія лица и косые глаза почти такого же рѣзко-выраженнаго типа, какъ у калмыковъ (таб. 8), узкій разрѣзъ глазъ при высокой спинкѣ носа, широко разставленные глаза при вдавленной переносицѣ, сильно развитыя и выдающіяся скулы, дѣлающія лицо широкимъ и полнымъ и бросающимся въ глаза даже тамъ, гдѣ въ остальномъ лицо поражаетъ скорѣе кавказскимъ складомъ. Встрѣчаются, однако, и отступленія отъ монгольскаго типа, заставляющія забывать одежду и среду и могущія даже опытному антропологу представить затрудненія при опредѣленіи расы или національности. Среди мужчинъ мы встрѣчаемъ тѣ же градаціи, хотя крайности монгольскаго типа попадаются рѣже (таб. 9). Сами киргизы отлично сознаютъ эти отклоненія отъ чистаго типа: мой проводникъ относительно рабочаго, смотрѣвшаго за верблюдами, широкая голова котораго меня поразила, сказалъ: „это настоящій киргизъ", желая этимъ указать на отличіе его отъ своей собственной семьи, которая была нечистой крови.

Монгольскія пятна мнѣ приходилось наблюдать у двухлѣтнихъ киргизскихъ дѣтей. Женщины отличаются небольшимъ ростомъ; коренастыя среди нихъ также часты, какъ и стройныя, мужчины въ общемъ отъ средняго до большого роста, крѣпкаго сложенія, съ великолѣпной мускулатурой и сильной шеей и затылкомъ. Встрѣчаются, впрочемъ,—также и среди женщинъ — отдѣльные случаи непомѣрной тучности, но на это не обращается особаго вниманія; о толстякѣ, правда, говорятъ: „этотъ человѣкъ съѣлъ много баранины и

ѣздилъ много верхомъ" — въ понятіи киргиза и то и другое нераздѣльно, если хочешь быть сильнымъ — но къ толщинѣ относятся индифферентно, безъ порицанія или насмѣшки. Кожа у киргизовъ въ общемъ свѣтлая, часто даже бѣлая, волосы черные, борода рѣдкая, ротъ большой, челюсть безукоризненная въ отношеніи расположенія, цвѣта и неиспорченности зубовъ.

Изъ этого видно, что преобладающая мясная пища сама по себѣ такъ же мало способствуетъ, какъ и вредитъ хорошему качеству зубовъ, какъ и преобладающая растительная (Восточная Азія) или смѣшанная пища (Туркестанъ, Африка); также точно и уходъ за зубами не можетъ имѣть въ этомъ отношеніи рѣшающаго значенія, если сопоставить темнокожаго, старательно чистящаго свои зубы, и монгола, который въ лучшемъ случаѣ по обязанности мусульманина небрежно сполоснетъ свой ротъ послѣ ѣды или удалитъ соломенкой застрявшіе между зубами кусочки пищи. Если составъ пищи вообще имѣетъ вліяніе, то я склоненъ обвинить главнымъ образомъ нашъ хлѣбъ во вредномъ вліяніи на зубы и желудокъ, хотя, конечно, наша челюсть должна разсматриваться лишь, какъ часть всего организма. Мужчины бреютъ голову, при чемъ, какъ вообще на Востокѣ, такъ и на Дальнемъ Востокѣ, не употребляютъ никакого мыла, а лишь усиленно трутъ водой. Надъ губами волосы подстригаются, а на подбородкѣ, подъ мышками и на остальныхъ мѣстахъ тѣла ихъ вырываютъ. Дѣвочкамъ протыкаютъ уши серебряной иглой, которую либо оставляютъ въ мочкѣ уха, либо замѣняютъ шелковинкой, пока не зарубцуются края ранки; это дѣлается между третьимъ и двѣнадцатымъ годомъ; прибѣгаютъ къ этому раньше лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мать долго остается бездѣтной и уже перестаетъ разсчитывать на увеличеніе семейства, когда, слѣдо-

Туркменская дѣвушка.

Туркменская женщина.

СССР

вательно, ребенкомъ особенно дорожатъ и надѣются, что эта процедура хорошо повліяетъ на его здоровье и обезпечитъ ему жизнь. Протыканіе ноздри не практикуется.

Одежда у обоихъ половъ состоитъ изъ высокихъ сапогъ, штановъ, всунутыхъ въ сапоги, рубашки и халата, который лѣтомъ и въ кибиткѣ снимается, въ дорогѣ же опоясывается вокругъ таліи шалью, а у мужчинъ также и украшеннымъ серебромъ кожанымъ поясомъ. Женская рубашка шьется большею частью изъ пестрой матеріи, имѣетъ впереди длинный разрѣзъ, открывающій грудь, доходитъ до пятъ и стягивается шарфомъ вокругъ таліи только при работахъ внѣ дома или при особыхъ случаяхъ, какъ празднества, гости. Халатъ все больше принимаетъ форму татарскаго бешмета и все рѣже попадается превосходный халатъ восточныхъ киргизовъ, сшитый изъ узкихъ домотканныхъ полосъ изъ верблюжьей шерсти, по краскамъ и прочности дѣлающій честь ихъ женамъ. Не видать уже почти на мужчинахъ и шапки на подобіе шлема, придающей такой воинственный видъ ихъ соплеменникамъ на востокѣ отъ Аральскаго моря и такъ поразительно напоминающей своей остроконечной формой античныя изображенія скиѳскихъ варваровъ (фиг. 1); они довольствуются теперь татарской мѣховой шапкой или даже пестрымъ платкомъ, который долженъ изображать тюрбанъ. Изрѣдка лишь попадаются еще шапки съ разрѣзанными на подобіе крыльевъ полями, халаты изъ сшитыхъ вмѣстѣ овчинъ (прежде изъ лошадиныхъ шкуръ)*) и кожаные штаны. Рѣдки также здѣсь на западѣ и высокіе сапоги съ необычайно высокими и острыми каблуками, какіе — той же самой формы, какъ и въ прежніе вѣка—продаются еще и понынѣ на восточныхъ базарахъ. Дѣвушки обматываютъ вокругъ

*) См. P. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches. St. P. 1771. I. Tafel. VIII.

головы сложенный шалью красный платокъ, женщины повязываютъ голову, въ видѣ тюрбана, длиннымъ бѣлымъ платкомъ, который отъ затылка идетъ внизъ черезъ уши, закрывая переднюю часть шеи и обрамляя такимъ образомъ лицо. Кромѣ того встрѣчается еще головной уборъ, плотно облегающій голову и переходящій сзади на затылкѣ въ широкій платокъ, а спереди въ узкую полосу, идущую подъ подбородкомъ. Такіе головные уборы попадаются рѣдко, мнѣ пришлось встрѣтить ихъ только два раза, и мнѣ сказали, что это самый старинный уборъ, относящійся еще къ тому времени, когда строже соблюдался запретъ показывать свои волосы. Едва-ли въ этомъ приходится сомнѣваться, такъ какъ, просматривая рисунки въ сочиненіяхъ прежнихъ писателей, мы встрѣчаемъ подобные уборы на изображеніяхъ киргизскихъ женщинъ, такъ, напр., у Палласа (l. c.). Сходство ограничивается, однако, только плотно прилегающей къ головѣ формой, на самомъ же дѣлѣ это лишь туго обмотанный вокругъ головы платокъ, а не упомянутый уборъ. Относительно происхожденія этого послѣдняго я ничего не могу сказать; онъ придаетъ лицу что-то монашеское и въ обоихъ случаяхъ, когда я его видѣлъ, это были молодыя и красивыя женщины, которымъ онъ очень былъ къ лицу (таб. 10). Волосъ при этомъ не видно; обыкновенно же ихъ заплетаютъ въ двѣ свободно висящія косы, которыя удлиняютъ еще подвѣшиваніемъ ремешковъ, украшенныхъ монетами.

Во всѣхъ описаніяхъ киргизовъ говорится объ ихъ крайней нечистоплотности, — и не безъ основанія, если понимать чистоплотность въ принятомъ у насъ смыслѣ. Не безъ содроганія я вспоминаю всѣ тѣ ужасныя антигигіеническія и неаппетитныя положенія, въ которыя мнѣ приходилось попадать, и я съ ужасомъ думаю о тѣхъ перспективахъ, кото-

рыя связаны съ проникновеніемъ европейскихъ инфекціонныхъ болѣзней въ кибитку номада. Но не слѣдуетъ быть несправедливымъ. Гигіеничность нашихъ гостиницъ и парикмахерскихъ и у насъ довольно недавняго происхожденія, а пекарни и кухни далеко не всегда могутъ съ честью выдержать ревизію. Чистоплотность понятіе относительное и, наконецъ, каждый дѣлаетъ не больше того, что онъ можетъ дѣлать.

Киргизы дѣлаютъ, что могутъ, хотя успѣхъ не всегда налицо или не лишенъ извѣстнаго комизма. Уходъ за тѣломъ совершается въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ излишкомъ песку, недостаткомъ воды и особенностями кочевнической жизни, но онъ далеко не всегда въ пренебреженіи. Объ этомъ заботятся предписанія ислама. Многіе, когда представляется къ тому случай, купаются, всѣ содержатъ въ чистотѣ руки и ноги; обычай выдергивать на тѣлѣ волосы предупреждаетъ загрязненіе. Когда я подарилъ, однажды, одному маленькому мальчику перочинный ножикъ и сталъ наблюдать, что онъ съ нимъ будетъ дѣлать, то первое, что я увидѣлъ, было то, что онъ началъ чистить свои ногти, а затѣмъ уже принялся стругать дерево. Это характеризовало, конечно, взрослыхъ, которыхъ этотъ мальчикъ только копировалъ. Когда родители няньчатся со своими дѣтьми и чистятъ ихъ, ищутъ у нихъ въ волосахъ и подъ мышками, то они вычищаютъ имъ также глаза, ротъ и носъ; если они при этомъ сбрасываютъ выдѣленія на полъ кибитки или плюютъ, — любимое занятіе, въ которомъ они конкурируютъ съ русскими, испанцами, южными французами и итальянцами, — то сверху бережно насыпается кучка песку. Кто печетъ, рѣжетъ животное, нарѣзаетъ и дѣлитъ готовое мясо, моетъ, какъ и всякій другой, до и послѣ ѣды свои руки. Но что вытираніе, слѣдующее за этимъ умываніемъ, уничтожаетъ всѣ его слѣды, киргизу не

приходитъ на умъ, между тѣмъ это вытираніе — при чемъ нужно здѣсь замѣтить, что стряхиваніе послѣ умыванія капель воды съ рукъ считается неприличнымъ и оскорбительнымъ для хозяина — является для европейца самымъ тяжелымъ испытаніемъ. Если представить себѣ самое худшее, что только можетъ нарисовать воображеніе, о томъ, — какъ выглядитъ это полотенце, откуда оно вытаскивается, на что употребляется, сколько народу и какъ долго имъ пользовалось, — все это будетъ еще далеко отъ дѣйствительности.

Кто хочетъ испытать, что значитъ содрогаться, долженъ посидѣть съ киргизами за ихъ столомъ, гдѣ много благихъ намѣреній примѣняется съ такимъ же результатомъ. Чайныя чашки послѣ употребленія вымываются въ остаткахъ ихъ содержимаго и вытираются все тѣми же, употребляемыми на общія нужды, полотенцами; передъ употребленіемъ чашки вылизываются, вытираются и ставятся на скатерть, которую разстилаютъ на полу и которая служитъ въ одно и то же время столомъ, скатертью и кладовой. Остатки отъ кусковъ сахару, — а ихъ не мало, такъ какъ ни одинъ киргизъ, будь то взрослый или ребенокъ, не беретъ сразу куска сахару или хлѣба, прежде чѣмъ онъ не переберетъ сначала всѣ куски подрядъ, не повертитъ ихъ нѣсколько разъ въ своихъ рукахъ и потомъ уже откуситъ кусочекъ — всѣ эти остатки, а ближе къ побережью и остатки хлѣба, завязываются въ скатерть и сохраняются до слѣдующей трапезы. Скатерть въ этихъ примитивныхъ помѣщеніяхъ не можетъ, само-собою, оставаться такой чистой, какъ въ нашихъ бѣльевыхъ шкафахъ, но киргизъ въ этомъ не виноватъ. Онъ не подозрѣваетъ также, что при такой чисткѣ чашекъ и мисокъ его бережливость идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ чистоплотностью. „Ничто не должно пропадать“, — вотъ здѣшняя аксіома; киргизъ остерегается сполоснуть остатки молока, пока паль-

цами можно добыть еще хоть что нибудь, или завязать мѣхъ съ кумысомъ прежде, чѣмъ губы не спасли послѣдней драгоцѣнной капли; а послѣ ѣды, руки моются не раньше, чѣмъ будетъ приложено все стараніе втереть въ сапогъ или башмакъ прилипшее къ пальцамъ сало, чтобы оно такимъ образомъ не пропало даромъ.

О загрязненіи пескомъ можно составить себѣ понятіе, если принять во вниманіе сквозную рѣшетчатую постройку юрты. Въ вѣтрѣ въ степи нѣтъ недостатка; иногда вѣтеръ переходитъ въ вихрь, и съ яростью налетаетъ на аулъ; тогда всѣ начинаютъ метаться, на юрту набрасываютъ веревки, къ которымъ подвѣшиваютъ камни, и затѣмъ крѣпко затягиваютъ ихъ. Внутри кибитки наливаютъ на полъ вдоль стѣнъ воду для того, чтобы задержать пыль, которая несется цѣлыми тучами, или въ видѣ смерча, и вдувается въ кибитку. А чего только не содержится въ этой пыли, поднятой съ загрязненной почвы аула! Верблюды, овцы и собаки находятъ въ рѣшеткахъ юрты слишкомъ заманчивые углы, чтобы не тереться объ нихъ и не счищать свою грязь, которая попадаетъ затѣмъ черезъ рѣшетку въ самую кибитку. Къ этому присоединяются выдѣленія человѣка и животныхъ и всякіе отбросы. Номады не знаютъ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ; напротивъ того, весь лошадиный, козій и верблюжій пометъ тщательно собирается и служитъ топливомъ. Здѣсь, для степи, не легко было бы издать полицейскія предписанія. Что здѣсь не мѣсто презрительному осужденію или равнодушному пожиманію плечами, доказываетъ слѣдующій разсказъ: „Однажды жили мулла и вдова. Мулла старался почаще ходить къ вдовѣ, чтобы у нея кушать. Люди это, конечно, скоро замѣтили и стали его спрашивать, почему онъ это дѣлаетъ. Онъ имъ ничего не отвѣчалъ, и люди шушукались, смѣялись и пришли къ самому естественному предположенію, что между муллой

и вдовой завязалась любовь; но мулла все-таки отмалчивался. На самомъ же дѣлѣ, онъ ходилъ туда потому, что ни у кого не было такъ чисто, какъ у вдовы; деревянныя миски и чайныя чашки блестѣли отъ чистоты, а кушанья были такія вкусныя, какъ ни у кого другого. Такъ продолжалось нѣкоторое время. Но вдругъ мулла пересталъ приходить, вдова напрасно спрашивала себя, чѣмъ она могла его обидѣть, и совсѣмъ опечалилась. Но увы, мулла не показывался больше. Однажды она его встрѣтила и стала пытать, почему онъ къ ней больше не приходитъ. Тотъ сначала отнѣкивался, наконецъ признался, что прежде онъ такъ часто приходилъ къ ней покушать потому, что въ ея кибиткѣ было все такъ чисто и миски такія аппетитныя, но что съ нѣкотораго времени все измѣнилось и миски стали грязными. „Развѣ мулла не знаетъ", спросила его женщина, какое большое несчастье постигло ее: — „вѣдь околѣли обѣ мои собаки, которыя раньше такъ хорошо вылизывали мои миски, что мнѣ совсѣмъ не приходилось ихъ чистить!"

О другихъ чертахъ характера киргизовъ мнѣ не хотѣлось бы говорить. Я жилъ среди нихъ не годы и сносился съ ними при посредствѣ переводчика, а мои наблюденія и отдѣльные случаи не даютъ мнѣ еще права составить вполнѣ правильное сужденіе. Будущая исторія психологіи народовъ зарегистрируетъ, по всей вѣроятности, какъ классическій примѣръ этнологическихъ сужденій, грубыя, почти юмористическія противорѣчія въ современныхъ воззрѣніяхъ на японскую душу, напримѣръ,—я не хотѣлъ бы обогатить ея казуистику поспѣшными обобщеніями относительно характера киргизовъ. Если бы я могъ рискнуть привести здѣсь кое-что изъ личнаго опыта, то было бы излишне говорить объ ихъ гостепріимствѣ, такъ какъ слишкомъ извѣстна эта добродѣтель номадовъ, — объ его формахъ я буду говорить въ другомъ

мѣстѣ. Хочу здѣсь лишь упомянуть, что у меня не пропала ни одна частичка изъ моего багажа, что никто у меня не просилъ милостыни, никогда никто на меня не посмотрѣлъ враждебно. Я не могу ставить въ вину киргизамъ, что легкое пріобрѣтеніе этнографическихъ предметовъ въ отдаленныхъ аулахъ становилось затруднительнымъ, и, въ концѣ-концовъ, благодаря до смѣшного непомѣрнымъ требованіямъ, совершенно невозможнымъ, какъ только я попадалъ въ болѣе плодородную область, въ которой аулы слѣдовали одинъ за другимъ въ близкомъ разстояніи; киргизы сопровождали насъ въ этихъ случаяхъ изъ аула въ аулъ и за неизбѣжнымъ блюдомъ баранины, въ угоду хозяину, подстрекали его и взвинчивали цѣну. Конечно, это было непріятно, но вѣдь и у насъ дѣло обстояло бы не иначе. Однажды проводникъ спросилъ меня, не страшно ли мнѣ. „Чего мнѣ бояться? вѣдь я среди киргизовъ", отвѣтилъ я. „Да, но русскіе всегда имѣютъ при себѣ ружья и револьверы, когда приходятъ къ намъ, а у васъ нѣтъ ничего". Я думаю, что у себя дома мы не такъ безопасны, какъ среди киргизовъ на Мангышлакѣ. Старое гостепріимство и русское войско гарантируютъ, при господствующемъ здѣсь мирномъ настроеніи, безопасность также и чужестранцу. Случается, правда, что, пріѣзжая въ аулъ, встрѣчаешь недовѣрчивые взгляды, и тебя съ нѣкоторой непріятной пытливой обстоятельностью разспрашиваютъ о причинахъ и цѣляхъ твоего пріѣзда. Но помимо легко понятнаго любопытства, здѣсь играетъ роль тайный страхъ предъ русской администраціей, боязнь, что ты ею подосланъ съ какою-либо цѣлью. Какъ только киргизы успокаивались, лицо ихъ опять прояснялось, и на немъ появлялось выраженіе веселой привѣтливости, что составляетъ, очевидно, основную черту ихъ характера. На этомъ сходятся всѣ сужденія о характерѣ киргиза; я присоединяюсь къ нимъ, какъ въ этомъ

такъ и въ томъ, что на склонность киргиза къ грубымъ шуткамъ, остротамъ и поддразниванію смотрятъ какъ на проявленіе его добродушнаго веселаго нрава.

Формой хозяйства киргизовъ на Мангышлакѣ является скотоводческое кочевничество. Земледѣліе практикуется лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, большею частью бѣдняками; его не считаютъ почетнымъ занятіемъ. Только въ степи начинаешь понимать весь тяжелый смыслъ ветхозавѣтнаго слова „Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ свой“,—слово, которое могло вылиться лишь у сына свободной культуры, номада, — и со вздохомъ спрашиваешь себя: „когда же старый завѣтъ снимется съ насъ, научившихся давно уже познавать все благородство и всю благость труда?“ Далѣе на востокъ земледѣліе среди киргизовъ встрѣчается все чаще, какъ указываютъ Радловъ и Швартцъ, хотя и тамъ оно имъ въ сущности чуждо и привилось лишь благодаря туркестанскимъ народамъ, готовыми полями которыхъ они воспользовались и отъ которыхъ черезъ плѣнныхъ переняли земледѣльческія познанія. На Мангышлакѣ земледѣліе процвѣтаетъ скудно и приноситъ развѣ лишь столько, чтобы прибавить немного крупы къ молоку. Если васъ угощаютъ хлѣбомъ — у зажиточныхъ или въ береговой области, — то зерно или муку, ужъ навѣрное, купили въ Александровскомъ фортѣ или получили изъ Хивы, куда съ этою цѣлью время-отъ-времени аулы посылаютъ своихъ представителей, собирающихся въ караваны.

Такую же второстепенную роль играетъ и охота, которая отчасти направлена противъ животныхъ, угрожающихъ стадамъ, отчасти служитъ развлеченіемъ, какъ и у насъ. На лисицъ и волковъ ставятся ловушки изъ наложенныхъ другъ на друга камней въ видѣ небольшихъ помѣщеній: туда кладется приманка, и какъ только животное коснется ея, опу-

Туркмены.

ЛЕНИНА ★ ГОС. Б-КА СССР им.

скается камень, который запираетъ животному выходъ. Чтобы привлечь дичь, подражаютъ голосамъ животныхъ; такъ, напр., чтобы заманить лисицу, проводятъ по натянутому конскому волосу кускомъ бумаги или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, подражая писку мыши. Лисицъ и зайцевъ травятъ собаками, кромѣ того на зайцевъ и различныхъ птицъ охотятся съ соколами; этихъ послѣднихъ ловятъ еще птенцами, откармливаютъ въ кибиткѣ мясомъ, живыми тушканчиками и приручаютъ къ человѣку, послѣ чего ихъ постепенно дрессируютъ для охоты. Голова покрывается извѣстной кожаной шапочкой, которую снимаютъ передъ самымъ взлетомъ, когда дичь уже въ виду. Иногда киргизъ охотится также съ ружьемъ за голубями, орлами, всевозможными водяными птицами и дикими козами; противъ этихъ послѣднихъ пускается въ ходъ иногда и хитрость: охотникъ надѣваетъ на себя мѣхъ для того, чтобы незамѣтно подкрасться поближе къ козѣ.

Само собою, что у веселыхъ, болтливыхъ, любящихъ пошутить киргизовъ, дѣло не обходится и безъ охотничьихъ небылицъ; у нихъ есть даже нѣчто въ родѣ охотничьяго языка, но мнѣ удалось относительно этого узнать лишь немногое. Если кто нибудь встрѣтитъ волка, онъ говоритъ: „я видѣлъ дурной ротъ“, а зайца въ лежкѣ называютъ „сильнымъ ртомъ“.

Въ связи съ охотой—хотя она сюда въ строгомъ смыслѣ и не относится—упомянемъ объ „оружіи“ пастуховъ, о пращѣ изъ шерсти, изъ которой мечутся камни, и о длинной шерстяной веревкѣ, служащей для отпугиванія волковъ, для чего пастухъ раза два кружитъ ею надъ головою и затѣмъ съ силою ударяетъ въ сторону, какъ кнутомъ, при чемъ получается громкій, рѣзкій, какъ изъ пистолета звукъ.

Главнымъ же занятіемъ и собственно источникомъ дохода является скотоводство: стада составляютъ для кирги-

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР

зовъ ихъ капиталъ и доходъ, ихъ гордость, радости, счастье и—несчастье. Да, и несчастье, такъ какъ одностороннее исключительное занятіе скотоводствомъ ставитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, все на одну карту, а вмѣстѣ съ этимъ и все существованіе киргиза въ непредвидимую зависимость отъ случая. Моръ, недостатокъ корма, холода губятъ стада. О плохихъ временахъ киргизъ обыкновенно не думаетъ и не запасается на случай нужды; все, что мнѣ удалось узнать относительно этого, это то, что нѣкоторые туркмены запасаются верблюжьимъ и лошадинымъ пометомъ, какъ топливомъ, на зиму, какъ я это видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у киргизовъ по Сыръ-Дарьѣ (табл. 12). Кормомъ для скота также не запасаются, что иногда ведетъ къ значительной убыли, а иногда и къ полной потерѣ скота, а слѣдовательно и къ окончательному обѣднѣнію, тѣмъ болѣе ужасному, что оно наступаетъ всегда неожиданно. Если у обѣднѣвшихъ имѣются зажиточные родственники, то они могутъ взять у нихъ нѣсколько животныхъ взаймы и такимъ образомъ постепенно снова стать на ноги; въ противномъ же случаѣ обѣднѣвшіе вынуждены идти въ работники, чтобы накопить себѣ денегъ на покупку скота, и такимъ образомъ положить основаніе новому благосостоянію. Скотъ и благосостояніе—нераздѣльны въ понятіи киргиза; употреблять заработанныя деньги на что либо иное, какъ покупка скота, не въ обычаѣ киргиза; стадо даетъ необходимые для его существованія припасы, оно же наполняетъ главнымъ, образомъ, его внутреннюю жизнь, даетъ ему сознаніе своей силы и обезпеченность, приноситъ ему положеніе и вліяніе,—оно дѣлаетъ изъ него человѣка. Каждый стремится, поэтому, приращивать этотъ важный въ матеріальномъ и въ соціальномъ отношеніи капиталъ, и въ этомъ смыслѣ здѣсь господствуетъ еще принципъ накопленія, форма хозяйства, какую

описалъ Гольдштейнъ*). Правда, здѣсь дѣло не заходитъ такъ далеко, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки, гдѣ скорѣе будутъ терпѣть голодъ, чѣмъ убьютъ здоровое животное, однако, и жадный къ мясу киргизъ щадитъ свое стадо, не давая пропадать втунѣ не только больному, но и околѣвшему скоту. Положимъ, что сами киргизы отрицали не разъ, что ѣдятъ околѣвшихъ животныхъ, признаваясь только въ томъ, что убиваютъ больное животное незадолго предъ его смертью и ужъ, конечно, кладутъ въ котелъ; но, повидимому, вѣрно и то, что и павшими животными киргизы не брезгуютъ. При нуждѣ жертвуютъ также здоровымъ животнымъ; особенно, когда дѣло касается гостепріимства: тутъ не знаютъ никакихъ ограниченій, диктуемыхъ скупостью; „заколоть барана" — это первый долгъ, какъ только появится въ гости чужой.

Итакъ, принципъ накопленія господствуетъ еще и въ настоящее время на Мангышлакѣ. Туркмены выражаютъ его слѣдующимъ образомъ: „богатый охотнѣе платитъ деньгами, чѣмъ скотомъ, кредиторъ охотнѣе беретъ скотъ, чѣмъ деньги, а если кто-нибудь получитъ деньги, то онъ старается купить на нихъ поскорѣе скотъ". Золото, къ которому мы стремимся и которымъ мы дорожимъ, здѣсь — скотъ еще и по настоящее время. Серебряный рубль отправляется скорѣе въ косы женщинъ, чѣмъ въ сундукъ, въ плавильникъ странствующаго ювелира, дѣлающаго изъ него кольца, пояса, веретена, скорѣе, чѣмъ въ кошель мужчины. Но новая эра захватываетъ и эту сторону киргизской жизни, какъ и остальныя. Кибиточный налогъ заставляетъ копить деньги, а въ послѣднее время, благодаря развитію промышленности на Каспіѣ, поднимается также и экспортъ степной области; наплывъ наличныхъ денегъ долженъ вызвать здѣсь

*) Globus, т. 93.

къ жизни новое денежное хозяйство, хотя бы большая часть доходовъ и шла покуда на пріобрѣтеніе того же скота.

Я упомянулъ выше о случайностяхъ, которымъ подвержено скотоводство въ степи. Изъ болѣзней, главнымъ образомъ, указывали на воспаленіе легкихъ у лошадей, верблюдовъ и овецъ. Здѣсь въ ходу кровопусканіе, для чего ножемъ дѣлается разрѣзъ подъ глазомъ, у лошадей кромѣ того еще на нёбѣ и на ухѣ. Другой тяжелой стороной здѣшняго хозяйства является недостатокъ воды *) и зависимость отъ колебаній количества воды въ искусственныхъ колодцахъ; послѣ дождя вода въ этихъ послѣднихъ обильна и хорошаго вкуса, послѣ же продолжительной засухи ея бываетъ мало, при чемъ она мутная и горькая. Колодцы вырубаются въ мягкомъ камнѣ, отъ половины до трехъ четвертей метра въ діаметрѣ и отъ восьми до десяти и болѣе метровъ въ глубину, и временами такъ наполняются, что уровень воды достигаетъ отъ двухъ до трехъ метровъ надъ дномъ. Для выбора мѣста не руководствуются, повидимому, никакими опредѣленными свѣдѣніями относительно свойства почвы; просто слѣдуютъ совѣту стариковъ и копаютъ наудачу. Колодцы, во избѣжаніе засариванія, покрываются по возможности камнями, хотя вполнѣ предостеречь колодезь отъ загрязненія трудно; поэтому принято приблизительно черезъ каждые три мѣсяца ихъ вычищать; конечно, я не хочу этимъ сказать, что такіе періоды правильно соблюдаются, или что для этого имѣются спеціальные люди, я хочу только сказать, что въ такой періодъ времени колодцы обыкновенно уже настолько загрязнены, что расположившіеся у такого

*) Значеніе дождя для киргиза, всецѣло зависящаго отъ урожая травъ, характеризуется его отвѣтомъ на вопросъ „былъ ли здѣсь дождь?“ Онъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, земля промокла только на два пальца въ глубину“ или „да, земля промокла на четыре пальца въ глубину“.

колодца аулы, чтобы имѣть возможность пользоваться водою, вынуждены бываютъ взять на себя эту работу. Очищеніе колодца происходитъ слѣдующимъ образомъ: человѣкъ спускается въ колодезь, затыкаетъ тряпкой дыру величиною въ два кулака, черезъ которую притекаетъ вода, и, послѣ того, какъ вся вода при помощи ведра вычерпана, очищаетъ дно колодца отъ грязи, глины, песка и т. д. Послѣ этого тряпка удаляется и колодезь снова начинаетъ наполняться.

Ведра — какъ и у другихъ номадовъ, напр. бедуиновъ — состоятъ изъ куска овечьей шкуры, собранной на подобіе кошеля, край котораго утолщенъ прикрѣпленнымъ къ нему толстымъ шерстянымъ шнуркомъ. Этотъ шнурокъ проходитъ черезъ четыре отверстія на концахъ двухъ перекрещивающихся деревянныхъ палокъ, связанныхъ крѣпко въ мѣстѣ перекрещиванія и назначенныхъ для того, чтобы держать раздвинутыми края кошеля. Къ нимъ прикрѣплена еще однимъ концомъ, вмѣсто ручки, короткая толстая палка, къ другому концу которой привязана болѣе или менѣе длинная веревка, на которой ведро спускаютъ въ колодезь. Веревка эта также шерстяная. Большею частью пастухи, дѣвушки, словомъ тотъ, кто поитъ скотъ, разставивъ широко ноги, спускаютъ на веревкѣ ведро въ колодезь, и, поднявъ его наверхъ наполненнымъ, хватаются за ручку, чтобы удобнѣе вылить изъ него воду въ стоящее возлѣ корыто (таб. 13). Въ окрестностяхъ Форта надъ болѣе глубокими колодцами устраиваютъ приспособленіе, состоящее изъ двухъ балокъ, укрѣпленныхъ камнями, или изъ одного раздвоеннаго на верхнемъ концѣ столба съ подвѣшаннымъ колесомъ, имѣющимъ по периферіи желобокъ, по которому скользитъ веревка ведра. Свободный конецъ этой веревки привязанъ къ сѣдлу лошади; чтобы вытянуть наполненное ведро, сѣдокъ отъѣзжаетъ рысью отъ колодца, останавли-

вается затѣмъ на извѣстномъ разстояніи, пока воду изъ ведра выливаютъ, и затѣмъ медленно, шагомъ снова возвращается, слѣдуя за движеніемъ веревки, которая съ ведромъ скользитъ обратно въ колодезь (таб. 13). Доставка воды въ аулъ возложена на дѣтей и женщинъ; ее приносятъ въ небольшихъ боченкахъ, которые либо привязываются къ лошади, либо носятся на спинѣ при помощи повязки, идущей черезъ лобъ.

Хозяйство номада регулируется безводностью степи и зависимостью отъ колодцевъ. Стадо не можетъ оставаться на какомъ либо мѣстѣ дольше, чѣмъ тамъ имѣется трава и вода; какъ только и того, и другого становится мало, скотоводъ вынужденъ отправляться дальше. При этомъ въ предѣлахъ извѣстнаго района господствуетъ полная свобода, каждый можетъ переходить, куда хочетъ, и изъ колодца поитъ тотъ, кто первый пришелъ; никакихъ отмежеванныхъ пастбищъ не существуетъ. Однако, если взять всю обширную степную область, какъ географическую единицу, то извѣстныя разграниченія имѣются. Мангышлакскіе киргизы номадизируютъ отъ Уральска на сѣверѣ до Красноводска на югѣ, отъ восточнаго берега Каспія до западнаго берега Аральскаго моря или отъ Форта до Хивы и не переходятъ за эту линію. О Тургайской степи, которая начинается по ту сторону этой линіи и по которой кочуютъ между Оренбургомъ, Тургаемъ и Аму-Дарьей другіе роды, здѣсь имѣются лишь самыя смутныя представленія.

Предметъ киргизскаго скотоводства составляютъ овцы, козы, лошади и верблюды. Рогатаго же скота, равно какъ и ословъ, здѣсь не держатъ; ословъ можно повсюду встрѣтить у южныхъ туркменовъ, на сѣверѣ же они попадаются мало — вѣроятно, благодаря туркменамъ—и служатъ иногда пастушкамъ для верховой ѣзды. Какъ домашнихъ животныхъ,

держатъ для защиты ауловъ и стада собакъ, но далеко не въ такомъ количествѣ, какъ у бедуиновъ; затѣмъ заводятъ кошекъ противъ мышей и охотничьихъ соколовъ, о которыхъ уже шла рѣчь. На первомъ планѣ стоитъ овца, истинный источникъ жизни киргизовъ, отдающая все съ себя и себя самое своему господину. Она доставляетъ ему мясо и молоко для питанія, навозъ для топлива, шкуры для одежды и утвари, кости для орудій, игрушекъ и амулетовъ, шерсть для войлока, шнурковъ, поясовъ; ея желудокъ служитъ, какъ сосудъ для воды и молока, — словомъ у овцы не остается ничего, чего бы ни использовалъ человѣкъ и что бы онъ могъ замѣнить другимъ.

Овецъ пасутъ однѣхъ или вмѣстѣ съ козами, большими стадами, принадлежащими часто различнымъ владѣльцамъ, отмѣчающимъ своихъ животныхъ особыми клеймами. Киргизы, благодаря приспособленности къ окружающей средѣ и къ формамъ своего хозяйства, пріобрѣли отличный глазъ и узнаютъ своихъ животныхъ также и безъ всякаго клейма, особенно лошадей и верблюдовъ. На берегу Бузачи очень часто цѣлыми мѣсяцами верблюды остаются безъ присмотра, и мнѣ говорили, что хозяева всегда узнаютъ своихъ животныхъ даже безъ клейма, хотя для большей вѣрности клеймо обыкновенно накладывается. Овцамъ съ этою цѣлью вырѣзываютъ изъ ушей треугольные куски, у лошадей на ушахъ дѣлаютъ зубцы различной формы, а у верблюдовъ выжигаютъ на щекахъ или ногахъ кружки или дугообразныя линіи.

Пастухи по большей части красивые, веселые мальчики, все достояніе которыхъ состоитъ въ короткомъ въ лохмотьяхъ платьѣ, разорванныхъ сандаліяхъ изъ шкуры, да развѣ еще въ сумочкѣ для корана, тростниковой флейтѣ или глиняной окаринѣ (рис. 3) и въ неизбѣжной палкѣ, служащей въ одно

и то же время оружіемъ для защиты, календаремъ и записной книжкой, такъ какъ на ней пастухи вырѣзываютъ число рабочихъ дней. Не разъ я любовался живописной картиной, полной настроенія, когда они пасли въ дикихъ ущельяхъ свои стада, наполняя мирную идиллію своего счастливаго уединенія трогательными мотивами — наслѣдіемъ пастуховъ всего свѣта, — которымъ рѣдко можетъ противустоять душа въ часы отдохновенія. Одинъ или два раза въ день они гонятъ свои стада къ аулу, чтобы женщины и дѣвушки могли подоить ихъ. Послѣднее совершается такимъ образомъ: животныхъ выхватываютъ изъ стада, весело гоняясь за ними, — это представляетъ оживленную картину — и затѣмъ держатъ ихъ за рога, пока происходитъ доеніе; большею же частью ихъ привязываютъ при этомъ на туго притянутыхъ веревкахъ къ кольямъ, вбитымъ въ землю позади кибитокъ (таб. 14). Тамъ ихъ ставятъ въ два ряда, головами другъ къ другу, а женщины съ наружной стороны этихъ рядовъ переходятъ отъ животнаго къ животному, присаживаясь передъ нимъ на корточки, чтобы подоить его. Такимъ же способомъ привязываютъ молодыхъ животныхъ для того, чтобы они не бѣгали за матками на пастбище и не высасывали тамъ молока; само собою, послѣднія протестуютъ противъ такого ограниченія своей сыновней любви и свободы и подымаютъ жалобные крики. У верблюда эти крики переходятъ въ хриплый, однообразный вой, напоминающій скрипъ несмазанной двери или оси колеса, дерущій уши и наполняющій собою всю степь.

Рис. 3.
Киргизская окарина.

Съ тою же цѣлью на маленькихъ верблюдовъ надѣвается родъ намордника, препятствующій имъ сосать матку, и состоящій изъ четырехъ палочекъ, защемляющихъ переднюю часть головы (таб. 12).

Туркменъ въ хивинскомъ халатѣ.

Туркменъ въ татарскомъ бешметѣ.

Туркменка и киргизка у очага.

Туркменка за тканьемъ ковровъ.

Для большихъ стадъ овецъ и козъ въ аулѣ не хватаетъ веревокъ для того, чтобы держать молодыхъ животныхъ подальше отъ матокъ и этимъ обезпечить молочное хозяйство. Стада, поэтому, раздѣляются, молодыя животныя отправляются на пастбище отдѣльно, и только вечеромъ, по окончаніи доенія, ихъ подпускаютъ къ маткамъ. Эти встрѣчи сопровождаются далеко разносящимися бурными изъявленіями радости и подчасъ прямо трогательны. Разными тонами, съ различнымъ темпераментомъ все тутъ мычитъ и блеетъ навстрѣчу другъ другу въ желанномъ обмѣнѣ долго сдерживаемыхъ ощущеній. Уже издали узнаютъ другъ друга мать и дитя, зовутъ, спрашиваютъ, отвѣчаютъ, бѣгутъ одинъ къ другому, на сколько ихъ несутъ ихъ тонкія ножки, встрѣчаются въ блаженной радости и издаютъ короткія счастливыя взвизгиванія; мать принимаетъ нужное положеніе и со всѣмъ наслажденіемъ своего призванія отдается кормленію; взвизгиваніе становится все рѣже и тише, пока не замретъ въ охватившемъ степь вечернемъ покоѣ. Все стадо вмѣстѣ спокойно и умиротворенно выступаетъ обратно въ степь на встрѣчу оранжевой полосѣ, въ которую послѣдніе отсвѣты солнца окутываютъ исчезающія въ голубоватой дымкѣ вершины холмовъ.

При доеніи верблюдовъ женщины становятся сбоку, въ то время какъ по другую сторону верблюженокъ въ свою очередь принимаетъ въ этомъ участіе (таб. 15). Кобылъ ловятъ арканомъ, прикрѣпленнымъ къ длинной палкѣ, и не снимаютъ его до конца доенія; женщина становится сбоку на колѣняхъ, а кто-нибудь держитъ жеребенка, пока не выдоятъ кобылу. Старыя животныя стоятъ спокойно, пока чувствуютъ на своей спинѣ палку аркана, молодыхъ же кобылъ приходится держать. Когда околѣваетъ жеребенокъ, молоко у кобылы тотчасъ же пропадаетъ, тогда какъ верблюжья матка даетъ его еще отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. Этотъ періодъ стараются

удлинить, для чего пользуются, чтобы обмануть животное, его обоняніемъ: изъ шкуры околѣвшаго верблюженка дѣлаютъ чучело или же шкуру его накладываютъ на другого и ставятъ его передъ маткой. Такимъ способомъ, говорятъ, можно поддержать молоко еще въ теченіе шести мѣсяцевъ, что составляетъ приблизительно одну треть нормальнаго времени, исчисляемаго въ шестнадцать мѣсяцевъ. Кобылы даютъ молоко, смотря по урожаю травъ, отъ двухъ до пяти мѣсяцевъ, и несмотря на то, что кобылу доятъ отъ шести до десяти разъ въ день, количество его невелико и равняется приблизительно четвертой части того, что даютъ коровы. Первый кумысъ въ году даетъ поводъ къ обильнымъ пиршествамъ, прежде всего въ честь любимаго національнаго напитка, а затѣмъ и ради привлекательнаго зрѣлища, которое доставляетъ киргизамъ первая поимка дикихъ кобылъ.

Молоко на-ряду съ мясомъ составляетъ главную пищу киргизовъ и получается, какъ мы уже говорили, отъ всѣхъ четырехъ родовъ животныхъ, овецъ, козъ, верблюдовъ и лошадей. Овечье и козье молоко либо пьется въ свѣжемъ видѣ, либо его вываривают густо — съ прибавленіемъ или безъ прибавленія крупы — или же изъ него приготовляютъ сыръ. Вваренное и прокисшее молоко соотвѣтствуетъ болгарскому ёгурту, ферментъ, заключающійся въ немъ, понижаетъ броженіе въ кишкахъ, чѣмъ способствуетъ здоровью, и, какъ говорятъ, „удлиняетъ жизнь“; у туркменовъ, какъ мы упомянули уже, оно носитъ то же названіе ёгурта, у киргизовъ ему соотвѣтствуетъ „айранъ“; сезонъ, въ теченіе котораго его готовятъ, продолжается съ весны до перваго кумыса.

Сыръ приготовляется различныхъ сортовъ, въ видѣ желтой или бѣлой твердой массы, которую ѣдятъ съ чаемъ, обмакнувъ ее предварительно въ сало, особенно охотно зимою,

почему онъ и составляетъ существенную часть припасовъ на зиму *).

Верблюжье молоко пьется въ свѣжемъ видѣ, т.-е. нѣсколько часовъ спустя послѣ доенія, когда оно уже слегка кисловато, или прибавляется къ кумысу; иногда же съ нимъ поступаютъ какъ съ кумысомъ, т.-е. взбалтываютъ. Въ первомъ своемъ видѣ это самое вкусное и нѣжное молоко, какое я когда либо пилъ; такого же мнѣнія и туземцы, которые преподносятъ его гостю, какъ особенно тонкій напитокъ.

Кобылье молоко пьется въ видѣ кумыса и то лишь лѣтомъ, между маемъ и августомъ; въ плохіе года, когда молока мало, и оно должно итти для жеребятъ, его пьютъ только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ іюнѣ или іюлѣ. Молоко выливаютъ въ мѣхи, изготовляемые изъ цѣльной овечьей шкуры и взбалтываютъ деревянной мутовкой (пискекъ**). Эта послѣдняя представляетъ палку, которая нѣсколько длиннѣе, чѣмъ мѣхъ, и которая имѣетъ на своемъ нижнемъ концѣ крестообразно насаженныя узкія планочки. Мѣхъ чистится разъ въ недѣлю т.-е. попросту изъ него выливается содержимое, чтобы очистить его отъ стараго молока, застревающаго, несмотря на тщательное сбиваніе, въ нижней части мѣха, лежащей глубже, чѣмъ отверстіе, черезъ которое кумысъ вытекаетъ. По стѣнкамъ мѣха и въ деревянныхъ чашкахъ, которыхъ никогда не чистятъ, остается еще достаточно кумысу, чтобы обезпечить броженіе новаго кумыса.

Если въ доставленіи молока принимаютъ участіе всѣ животныя киргизскаго скотоводства, то и для другого фактора питанія номадовъ — мяса — не дѣлается исключенія. Правда, молодые барашки цѣнятся выше всего, и не безъ основанія, такъ какъ нѣтъ болѣе нѣжнаго мяса, чѣмъ мясо только-что уби-

*) См. стран. 28, прим. перев.
**) Перев.

таго ягненка, приготовленнаго по киргизскому способу. Животное закалываютъ, для чего его предварительно связываютъ и кладутъ въ кибиткѣ на шкуру, кошму или какую либо другую подстилку, затѣмъ дѣлаютъ на шеѣ быстрый и глубокій разрѣзъ и даютъ крови по возможности больше вытечь. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ вытекающую при этомъ послѣднюю темную кровь собирали особо и ѣли ее въ жареномъ видѣ, теперь же, какъ противное корану, этого больше не дѣлаютъ. Послѣ того, какъ животное обезкровлено, съ него сдираютъ шкуру и разрѣзаютъ на части, причемъ костей не рубятъ, а вылущиваютъ ихъ въ суставахъ. Тутъ же дѣлается уже и первый дѣлежъ по порціямъ: сердце, почки и кишки идутъ дѣтямъ, бедра въ чашки для гостей, грудная кость предназначается для жениха. Варкой кушанья занимаются женщины, а у богатыхъ — слуги и жены послѣднихъ. Изъ дичи употребляютъ въ пищу только ту, которая питается живыми животными, а изъ птицъ, добытыхъ на соколиной охотѣ, только тѣхъ, которыя достаются живыми.

Какъ уже было упомянуто, скотоводство обслуживаетъ не только кухню, для которой доставляетъ молоко и мясо, — приносимая имъ польза гораздо многостороннѣе. Лошадей держатъ еще для завода и для верховой ѣзды, верблюдовъ—какъ вьючное животное. Кастрація совершается на третьемъ году, и, смотря по качеству жеребца, въ мерины назначается большее или меньшее число, — въ среднемъ около 10% всего количества лошадей. Объѣзжать лошадей начинаютъ на второмъ году. Сбруя состоитъ изъ небольшой четырехугольной войлочной подстилки на спину, войлочной попоны, покрывающей иногда всю лошадь, подобно праздничнымъ средневѣковымъ уборамъ лошадей на турнирахъ, затѣмъ изъ сѣдла и кожаной подушки, которая затягивается подпругой (таб. 16). Сѣдло деревянное, украшенное большею частью рѣзьбою,

на болѣе старинныхъ образцахъ съ костяною выкладкою; сѣдла, предназначенныя для маленькихъ дѣтей, снабжены спереди и сзади высокой, красиво украшенной рѣзьбою, лукою, за которую молодые наѣздники должны держаться. Съ боковъ, на ремнѣ, идущемъ черезъ сѣдло, виситъ по четырехугольному куску кожи съ тисненнымъ орнаментомъ. Стремена, ремни которыхъ протянуты черезъ разрѣзъ въ сѣдлѣ и затягиваются довольно коротко, по большей части туркестанскаго образца, при которомъ шенкеля выступаютъ впередъ надъ стременемъ; прежде стремена, какъ говорятъ, были закрытыя — вѣроятно арабскаго типа — и замѣняли въ дорогѣ сосуды для варки пищи. Они украшены насѣчкой, равно какъ и пряжки подпругъ и кольца уздечки, которыя раньше дѣлались очень большими, чтобы замѣнять въ случаѣ нужды трензель. Подковы на Мангышлакѣ не въ употребленіи. „Въ степи немного камней, наша дорога недалекая, а киргизы лѣнивы", такъ мотивировалось отсутствіе подковъ.

Верблюдъ по преимуществу вьючное животное и служитъ для перевозки кладей между степью и городами и для „перевозки мебели" при передвиженіяхъ ауловъ, при чемъ къ „мебели" причисляется также и самый домъ. Верблюда пріучаютъ на третьемъ году къ ношенію тяжестей; для этого его опрокидываютъ на землю, связываютъ ему ноги, прокалываютъ ножомъ носовой хрящъ, вставляютъ въ отверстіе палочку и водятъ животное пару дней на привязанной къ палочкѣ веревкѣ. Затѣмъ верблюда оставляютъ въ покоѣ, покуда рана не зарубцуется, послѣ чего на него нагружаютъ вьюкъ, переходя постепенно отъ легкаго къ болѣе тяжелому. Встрѣчающійся у киргизовъ чаще двугорбый дромедаръ поднимаетъ меньше тяжести, чѣмъ предпочитаемый туркменами одногорбый верблюдъ и стоитъ, поэтому, дешевле въ цѣнѣ;

въ мое время онъ шелъ за шестьдесятъ рублей противъ ста двадцати за одногорбаго. Встрѣчаются и бѣлые верблюды, хотя и очень рѣдко. Животное это даетъ отъ двадцати до тридцати фунтовъ шерсти; ее состригаютъ на шеѣ, затылкѣ и колѣняхъ, на другихъ же частяхъ тѣла, благодаря естественному выпаденію шерсти, просто выдергиваютъ; въ первомъ году животному предоставляется вылинять самому. Шерсть на колѣняхъ самая прочная и, поэтому, употребляется туркменами для основы при изготовленіи ковровъ.

Коза даетъ отъ двухъ до трехъ фунтовъ тонкой и мягкой шерсти, которую разъ въ году выдергиваютъ изъ спины; кромѣ того состригаютъ еще небольшое количество болѣе жесткой шерсти, которая идетъ на шнурки.

Съ овецъ шерсть снимается два раза въ годъ, въ маѣ-іюнѣ и въ сентябрѣ. Зимняя шерсть болѣе слабая, ее отчасти выдергиваютъ, отчасти выстригаютъ большими кусками, имѣющими видъ цѣльнаго мѣха; такой шерсти получается до десяти фунтовъ; лѣтняя шерсть прочнѣе, слѣдовательно лучше и дороже, ее только стригутъ; ея получается до трехъ фунтовъ.

Стрижка овецъ начинается уже въ первомъ году, а именно въ іюнѣ, тогда какъ ягнята появляются на свѣтъ въ мартѣ. Этого срока добиваются искусственно: такъ какъ время течки падаетъ на сентябрь и овца носитъ пять мѣсяцевъ, то ягнята появлялись бы нормально уже въ январѣ, но легко гибли бы во время зимнихъ холодовъ; поэтому, случку овецъ откладываютъ на ноябрь, подвязывая имъ передникъ.

Шерсть частью валяютъ для войлоковъ — для этого предпочитаютъ лѣтнюю шерсть, а именно первую шерсть отъ рожденныхъ тою же весною ягнятъ, — частью же шерсть прядутъ. Въ первомъ случаѣ ее разстилаютъ на полу кибитки, четыре, пять или больше женщинъ и дѣвушекъ, вооружен-

ныхъ каждая двумя тонкими длинными прутьями, садятся предъ нею и бьютъ ее изо всей силы. Послѣ этой подготовки начинается собственно валяніе: шерсть сначала разрыхляютъ, раздергивая ее, разстилаютъ затѣмъ на соломенной циновкѣ, большею частью въ два слоя, нижній изъ темной (болѣе дешевой) шерсти и верхній изъ бѣлой, поливаютъ горячей водой и свертываютъ циновку. Весь свертокъ затѣмъ выносится на дворъ и катается по степи взадъ и впередъ, при чемъ опытныя старухи тянутъ свертокъ медленно за обвязанную вокругъ него веревку, а цѣлый рядъ дѣвушекъ и парней слѣдуютъ за ними и толкаютъ его ногами (таб. 17). Потомъ войлокъ вынимается изъ циновки и обрабатывается еще часа два локтями и предплечьемъ.

Если хотятъ получить узорчатый войлокъ, то на полускатанный войлокъ выкладываютъ узоръ изъ окрашенной шерсти, и продолжаютъ работу, пока все не сваляется въ одно цѣлое. Войлокъ или кошма идетъ на покрытіе кибитокъ, на настилки для половъ, на пологъ для завѣшиванія двери кибитки, употребляется, какъ ковры, для домашняго обихода и для пріема гостей, какъ подстилки для сѣделъ, попоны для лошадей, покрышки для сундуковъ, сумки для храненія домашнихъ вещей, дорожные футляры для острыхъ концовъ подпорокъ, поддерживающихъ крышу кибитки, обертки для ломкихъ вещей, какъ, напр., бутылки, лампы и стекла для лампъ, которыя въ послѣднее время проникли и къ киргизамъ, — вплоть до перчатокъ, которыми берутъ горячій котелъ съ водою и т. д.

Шерсть для тканья треплется у туркменовъ сначала на особомъ трепалѣ, — станокъ изъ трехъ сколоченныхъ въ видѣ кровли досокъ, по гребню котораго торчатъ два ряда длинныхъ острыхъ желѣзныхъ шиповъ (таб. 17) — у киргизовъ я этого станка не встрѣчалъ — и затѣмъ уже прядется прямо отъ

руки. По устройству пряслицы веретено имѣетъ два типа: въ одномъ пряслица находится на нижнемъ концѣ стержня, готовая пряжа наматывается надъ нею, въ другомъ пряслица находится на верхнемъ концѣ стержня, и пряжа наматывается подъ нею. Первый типъ я встрѣчалъ у туркменовъ, второй у киргизовъ. Чтобы держать веретено вертикально, необходимо, чтобы нитка, которую прядутъ, имѣла опору выше пряслицы; эта опора состоитъ либо изъ желобка, идущаго спиралью по одной половинѣ стержня, либо изъ короткой поперечной засѣчки. Женщина проводитъ веретеномъ быстро одинъ разъ по своему бедру, чѣмъ приводитъ веретено въ вращательное движеніе, затѣмъ оставляетъ его свободно висѣть, продолжая руками прясть нитку; это придаетъ женщинѣ номадовъ общій типичный колоритъ; ее никогда не видишь праздной; какъ только она справилась со своимъ хозяйствомъ, она принимается, какъ прежде наши бабушки за чулокъ, за веретено и крутитъ, тянетъ и прядетъ безъ устали свою нитку, пока наполняется для станка веретено за веретеномъ. Матеріаломъ для пряслицы служитъ камень, дерево, кость, желѣзо или серебро; она большею частью конической формы и лишь въ одномъ случаѣ я видѣлъ плоскій дискъ (фиг. 7); она часто украшена простыми вцарапанными линіями или болѣе сложнымъ орнаментомъ.

Изъ нитокъ вяжутъ пояса (я видѣлъ за этимъ женскимъ занятіемъ также и молодыхъ людей); ихъ плетутъ въ шнуры, употребляемые для кибитокъ, колодцевъ, упряжи и т. д., или изъ нихъ ткутъ тесьмы, пояса и одежду. Я видѣлъ два способа тканья: тканье на дощечкахъ и на ткацкомъ станкѣ. Первымъ способомъ изготовляютъ узкія полосы при помощи четырехъ квадратныхъ деревянныхъ дощечекъ, въ каждомъ углу которыхъ находится по отверстію для нитокъ. Двѣ женщины становятся другъ противъ друга и натя-

Киргизскія дѣвушки.

Киргизскія дѣвушки.

гиваютъ оба конца пучка съ нитками такъ, что дощечки приходятъ въ вертикальное положеніе, верхнія нитки отдѣляются отъ нижнихъ (образуя зѣвъ) такимъ образомъ, что при разнаго цвѣта ниткахъ — ради узора по крайней мѣрѣ двухъ цвѣтовъ, напр., синихъ и красныхъ — всѣ красныя проходятъ наверху, всѣ синія — внизу. Одна изъ женщинъ повертываетъ дощечки въ той же плоскости на 180°, переводитъ этимъ нижнія нитки наверхъ и наоборотъ и образуетъ такимъ образомъ второй зѣвъ; а другая просовываетъ въ это время рукою попеременно черезъ эти зѣвы утокъ, прибивая плотно нитку небольшимъ гребнемъ (рис. 4).

Ткацкій станокъ состоитъ изъ лежащей на землѣ основы, не имѣющей конца, обмотанной вокругъ двухъ круглыхъ деревянныхъ палокъ — навоя — и туго натянутой при посредствѣ камней или привязанныхъ къ кольямъ веревокъ; она большею частью такой длины, что одинъ конецъ — нерабочій — лежитъ два метра отъ кибитки въ то время, какъ ткачиха работаетъ въ кибиткѣ у другого конца (табл. 18). Половина нитей основы проходитъ черезъ петли, прикрѣпленныя въ свою очередь къ палкѣ, вмѣстѣ съ которой онѣ всѣ одновременно опускаются или подымаются (рис. 5). Эта ремизка подвѣшена къ стоящему на землѣ треножнику изъ трехъ дугообразно согну-

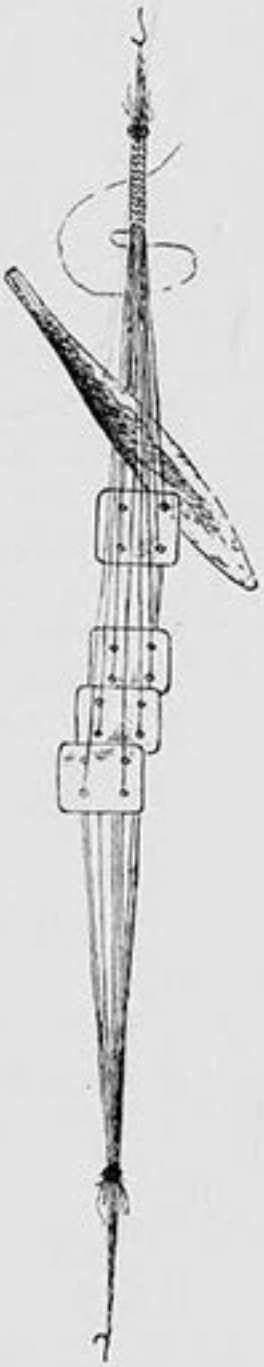


Рис. 4.
Киргизскій ткацкій аппаратъ изъ дощечекъ.

тыхъ деревянныхъ палокъ или къ поперечному брусу, идущему отъ косяка дверей или отъ стѣны къ серединѣ кибитки, и здѣсь, на его свободномъ концѣ, при помощи спускающихся съ потолка веревокъ, поддерживается въ горизонтальномъ положеніи. Петли, благодаря этому, туго натянуты. Спереди и позади ремизки нитки основы по разу перекрещиваются, образуя передній и задній зѣвъ, и за каждымъ перекрещиваніемъ, т.-е. въ каждомъ зѣвѣ, находится по берду. Передній зѣвъ образуется самъ собою и бердо приходится только перекладывать; второй же зѣвъ образуется тѣмъ, что заднее

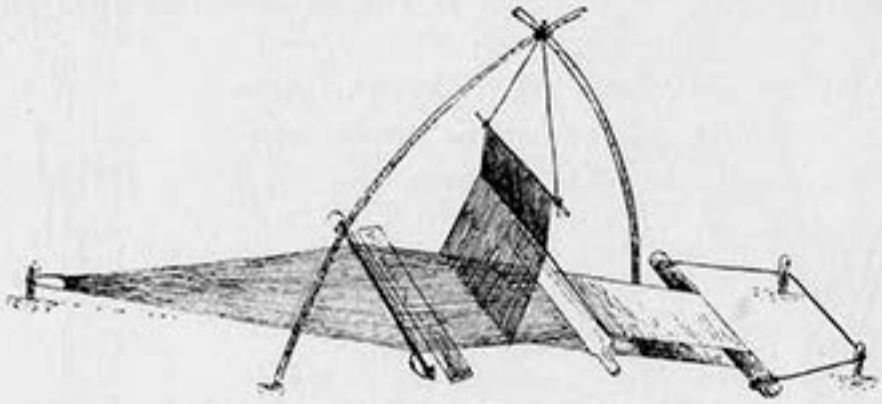


Рис. 5. Киргизскій ткацкій станокъ.

бердо сильно ударяетъ въ петли ремизки, просовываетъ ихъ впередъ и, поворачиваясь вокругъ своей продольной оси, натягиваетъ вверхъ проходящія черезъ петли ремизки нити основы; передъ петлями образуется зѣвъ, въ который перекладываютъ переднее бердо, благодаря чему зѣвъ растягивается и открывается такимъ образомъ для пропусканія утка. Этотъ способъ интересовалъ меня особенно потому, что я видѣлъ такой же станокъ у бедуиновъ и удивлялся тамъ кропотливому перебиранію и отсчитыванію пальцами нитей основы, чтобы образовать второй зѣвъ. Ремизка лежитъ тамъ на камняхъ, и, быть можетъ, поэтому не даетъ

возможности прибивать ее съ достаточною силою, чтобы натянуть вверхъ вторыя нити; какъ бы то ни было, тамъ каждую нить перебирали отдѣльно рукою, нанизывая ихъ на медленно просовываемую палку, тогда какъ въ Туркестанѣ это совершается однимъ движеніемъ. Впрочемъ, и въ Туркестанѣ перебираютъ нити пальцами, когда ткутъ узорчатые пояса: необходимое для узора число нитей основы отсчитывается каждый разъ пальцами и между ними вставляется дощечка, чтобы пропустить цвѣтную нитку утка.

Небольшая ширина ткацкаго станка даетъ возможность ткать на немъ лишь узкія полосы матеріи; халаты — извѣстное широкое верхнее платье тюркскихъ народовъ—должны сшиваться изъ подобныхъ полосъ.

Для окраски шерсти служатъ соки нѣкоторыхъ степныхъ травъ, но благодаря ввозу европейскихъ фабрикатовъ въ эту отрасль вносится вполнѣ естественный процессъ упадка, долженствующій неминуемо привести къ гибели прежнихъ превосходныхъ красокъ.

Вмѣстѣ съ шерстью находятъ въ киргизскомъ хозяйствѣ разное примѣненіе и цѣльныя шкуры животныхъ, частью вмѣстѣ съ шерстью, какъ мѣха, частью выдѣланныя дубленіемъ, какъ кожа. Въ первомъ случаѣ ихъ покрываютъ дней на восемь-десять смѣсью изъ муки и кислаго молока, для дубленія же — смѣсью, сваренной изъ золы сожженныхъ степныхъ травъ. Вода, осаждающаяся въ этой смѣси, служитъ для того, чтобы сдѣлать болѣе прочными шкуры, идущія на колодезныя ведра. Одежда изъ шкуры и кожи, несомнѣнно, играла раньше исключительную, позднѣе же преобладающую роль, но съ появленіемъ здѣсь фабрикатовъ осѣдлыхъ сосѣдей — китайцевъ, туркестанцевъ, русскихъ — она вытѣсняется бумажными, шелковыми и полотняными тканями; халатъ изъ сшитыхъ вмѣстѣ овечьихъ шкуръ мнѣ показывали на Ман-

гышлакѣ, какъ рѣдкость, но кожаные штаны и мѣховыя шапки встрѣчаются еще часто.

Полосы, которыми женщины удлиняютъ для красоты свои косы, состоятъ часто изъ кожаныхъ ремешковъ; кожа же идетъ на украшенные тисненымъ орнаментомъ и серебромъ пояса, носимые поверхъ халата; къ нимъ прикрѣплены кожаныя сумки для денегъ, бритвеныхъ принадлежностей и т. п. Для домашней утвари изготовляютъ изъ шкуръ ведра, мѣшки, мѣхи для кумыса и сумки. Плетенія и гончарныя издѣлія въ хозяйствѣ номадовъ не въ ходу, я только разъ видѣлъ глиняную окарину, о которой я уже упоминалъ, у одного пастушка; тѣмъ болѣе въ ходу отличныя деревянныя издѣлія, какъ то: сундуки, люльки, боченки, миски, ведра, сѣдла, пороховницы, ступки для растиранія табака, ящички для инструментовъ, принадлежности тканья, подпорки и двери кибитокъ. Что касается послѣднихъ двухъ издѣлій, то они изготовляются ремесленнымъ образомъ въ Хивѣ, Казалинскѣ, Уральскѣ, Оренбургѣ и затѣмъ продаются въ степь; они все больше подпадаютъ татарскому вліянію и теряютъ въ своихъ формахъ, а равно и качествѣ работы, свою прежнюю оригинальность. Встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ случаяхъ изголовья кроватей, о которыхъ я еще буду говорить, также татарскаго происхожденія, тогда какъ въ остальной домашней утвари главную роль играетъ русскій фабрикатъ. Тоже можно сказать и о кузнечномъ искусствѣ, хотя встрѣчаются еще и мѣстные спеціалисты для изготовленія ножей, ножницъ, мотыгъ, лопатъ; по преимуществу же украшенія являются главной сферой, въ которой себя проявляютъ киргизскіе ювелиры, кочующіе изъ аула въ аулъ и разбивающіе свою мастерскую тамъ, гдѣ находятъ заказы. Чеканныя и украшенныя каменьями кольца, браслеты, наперстки, веретена, цѣпочки для волосъ, пояса, украшенія для уздечекъ, изготовляемые главнымъ

образомъ изъ русскихъ серебряныхъ рублей, представляютъ изъ себя красивыя, часто очень цѣнныя, издѣлія; онѣ вполнѣ оправдываютъ гордость, съ которой ихъ носятъ при торжественныхъ случаяхъ или показываютъ гостямъ.

Рис. 6. Киргизская булава, употребляемая какъ молотокъ для сахара.

Костяныя издѣлія встрѣчаются рѣдко; мнѣ попадались веретена, пороховницы и въ рѣдкихъ случаяхъ образцы инкрустацій,—старинное искусство, проявлявшееся въ великолѣпныхъ инкрустаціяхъ на сѣдлахъ и оружіи. Мнѣ пришлось видѣть булаву, покрытую инкрустаціей изъ кости, употреблявшуюся прежде при торжественныхъ случаяхъ; теперь ей пришлось примириться съ грубымъ кускомъ желѣза, вставленнымъ въ нее въ видѣ топора, и съ ролью молотка для сахара; это низведеніе ея назначенія вполнѣ иллюстрировалось орнаментомъ на костяной инкрустаціи, изображавшимъ наконечники стрѣлъ.

Рис. 7. Костяное кольцо для веретена.

ГЛАВА III.

Аулъ и кибитка.

иргизы и туркмены живутъ въ аулахъ, — группы палатокъ соотвѣтственно семьямъ или родамъ, выстроенныя подъ-рядъ прямой линіей или легкой открытой на югъ дугой. Пара палатокъ, поставленная главою семьи для себя и своего женатаго сына или семейныхъ работниковъ, называется уже ауломъ, точно такъ же, какъ если поселятся вмѣстѣ надолго или временно большее число различныхъ хозяйствъ. Палатки носятъ въ разныхъ мѣстахъ — отсюда и въ литературѣ — различныя названія, ихъ обозначаютъ то юртами, то кибитками; на Мангышлакѣ въ ходу оба названія, но они примѣняются къ различнымъ понятіямъ: кибиткой называютъ палатку, юртой — мѣсто, на которомъ палатка стояла, т.-е. утрамбованное мѣсто, оставшееся пустымъ послѣ ухода аула; это странное сопоставленіе мнѣ не разъ приходилось провѣрять самымъ точнымъ образомъ. Происходитъ ли слово „кибитка“ отъ калмыцкаго кибитъ, что обозначаетъ „небольшую мелочную лавку“, какъ полагаетъ Палласъ, или оно киргизскаго происхожденія,— мнѣ трудно рѣшить.

Кибитка представляетъ деревянный остовъ, покрытый снаружи циновками и кошмами, и въ свою очередь состоитъ изъ трехъ частей: кругообразной стѣны (кереге*), кровельныхъ палокъ (уки или унины**) и дымового обруча (тангаракъ***). Стѣна составляется изъ шести, восьми или десяти рѣшетокъ, шириною въ пол-метра и высотою въ полтора метра; рѣшетки ставятся вертикально въ кругъ, одна возлѣ другой и связываются между собою веревками. Планки, изъ которыхъ состоитъ рѣшетка, перекрещиваются другъ съ другомъ и въ мѣстахъ перекрещиванія проверчены дыры; черезъ эти дыры протянуты ремни, связанные узлами для того, чтобы препятствовать ихъ соскальзыванію: эти ремни, играя роль шарнировъ, позволяютъ раздвигать и сдвигать рѣшетку, что даетъ возможность суживать или расширять самый кругъ стѣны****). На южной или юго-западной сторонѣ кереге — въ направленіи Мекки — къ кругу рѣшетокъ присоединяютъ дверную раму изъ двухъ плоскихъ боковыхъ косяковъ, пришнурованныхъ къ планкамъ рѣшетокъ, изъ поставленной ребромъ доски внизу — порога — и изъ верхней перекладины; всѣ эти части связаны другъ съ другомъ. Доски дверной рамы по большей части — а въ старину это дѣлалось всегда — покрыты съ внутренней стороны рѣзьбою.

Въ этой рамѣ движутся на двухъ деревянныхъ колышкахъ створки дверей, также покрытыя съ внутренней стороны, а иногда и съ внѣшней, раскрашенной рѣзьбой. Замокъ отсутствуетъ; двери при шаткой постройкѣ всей палатки защемляются и держатся сами собою, или же обѣ створки при-

*), **), ***) Перев.

****) Такое устройство рѣшетки особенно цѣлесообразно для перекочевокъ, такъ какъ сдвинутая рѣшетка занимаетъ мало мѣста и ее удобнѣе перевозить. Перев.

вязываются другъ къ другу шнуркомъ. Часто двери замѣняютъ войлочнымъ пологомъ, который привѣшивается къ верхнему косяку дверной рамы; на день онъ завертывается на верхъ, а на ночь спускается. Чтобы сдѣлать пологъ тяжелѣе и дать ему нужную устойчивость, къ нему съ внутренней стороны прикрѣпляютъ иногда двѣ или три поперечныя планки, также покрытыя рѣзьбою. Мѣстоположеніе двери указываетъ хозяину, желающему совершить въ кибиткѣ свою молитву, направленіе, въ которомъ онъ долженъ становиться на колѣни и падать ницъ. Мнѣ эти двери не разъ причиняли неудобство, такъ какъ съ находящагося какъ разъ противъ нихъ почетнаго мѣста мнѣ приходилось всегда смотрѣть на дворъ, гдѣ въ часы главнаго дневного отдыха все было залито такимъ яркимъ ослѣпительнымъ полуденнымъ свѣтомъ, что горящіе отъ усталости глаза начинали испытывать острую боль.

Когда стѣны и дверной косякъ установлены и связаны, то, для большей устойчивости, кибитка на половинѣ высоты обвязывается толстой крѣпкой веревкой, а по верхнему краю рѣшетки протягивается широкая тканая полоса матеріи, повернутая своимъ пестрымъ узоромъ внутрь палатки, такъ что она видна изъ-за рѣшетки. Послѣ этого одна изъ женщинъ, на которыхъ обыкновенно лежитъ установка и разборка дома, рѣже какой либо услужливый мужъ или одинъ изъ работниковъ, становится на середину, беретъ раздвоенный наверху шестъ и поднимаетъ имъ кровельный куполъ, — деревянный обручъ около полутора метровъ въ діаметрѣ, къ которому, образуя родъ купола, прикрѣплены двѣ или четыре перекрещивающіяся дугообразныя палки, и въ которомъ проверчены на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи отверстія. Остальныя женщины просовываютъ въ эти отверстія однимъ концомъ унины и связываютъ ихъ

Киргизскія дѣвушки.

Киргизы съ Бузачи.

им. В.И. Ленина

Киргизскія женщины.

им. В.И. Ленина

на другомъ концѣ съ планками стѣнной рѣшетки, при чемъ верхній конецъ остается прямымъ, нижній же согнутъ внизъ подъ тупымъ угломъ, благодаря чему отвѣсная стѣна постепенно переходитъ въ наклонъ кровли, такъ что образуется куполъ. Лишь въ одномъ случаѣ я не видѣлъ дымового обруча, кибитка заканчивалась остроконечной кровлей (таб. 19). Наконецъ, остовъ крыши связывается съ рѣшеткой узкими тканными полосами, переплетающими планки, — и зесь остовъ киргизскаго дома готовъ. Тогда снаружи кибитки, вдоль стѣнъ, развертываютъ циновки изъ камыша, притягиваютъ ихъ крѣпко веревками и поверхъ покрываютъ большимъ или меньшимъ, смотря по надобности, количествомъ войлочныхъ покрышекъ — кошемъ. Циновки изготовляются слѣдующимъ образомъ: каждый отдѣльный стебель камыша обвиваютъ прежде всего разноцвѣтною шерстью съ такимъ расчетомъ, чтобы вышелъ намѣченный узоръ циновки; затѣмъ первый стебель кладутъ поперекъ на пять — шесть шнурковъ, которые на обоихъ концахъ придерживаются небольшимъ камнемъ; перемѣщеніемъ этихъ концовъ образуютъ подъ стеблемъ петлю; затѣмъ на первый стебель кладутъ въ томъ же направленіи второй, и шнурки снова перекладываются, такъ что задній конецъ становится переднимъ и наоборотъ, и продолжаютъ такимъ образомъ пока циновка не достигнетъ должной длины.

Крыша покрывается большими кошмами, къ одному изъ угловъ которыхъ пришиты тканыя полосы. При помощи того же шеста, раздвоеннаго на концѣ, о которомъ я уже упоминалъ, сложенный войлокъ подымаютъ наверхъ, на остовъ кровли, развертываютъ тамъ и привязываютъ полосу къ верхнему краю стѣнной рѣшетки такъ, что ея узоръ видѣнъ извнутри палатки надъ унинами. Меньшаго размѣра войлокъ кладутъ въ серединѣ надъ отверстіемъ

дымового круга; это отверстіе служитъ въ одно и то же время для доступа воздуха и для выхода дыма, что легко регулируется, благодаря кошмѣ. Стѣнныя циновки также покрываются сверху еще кошмами, которыя сдерживаются веревками и отъ которыхъ вверхъ черезъ куполъ также протягиваются широкіе пояса. Войлокъ по большей части коричневый, только у очень богатыхъ людей большая, предназначенная для гостей, „почетная кибитка" покрывается болѣе цѣнными бѣлыми кошмами.

Кибитки не обозначаются никакими особыми знаками, киргизы узнаютъ иногда аулы своихъ знакомыхъ уже издали, по большей или меньшей высотѣ кибитокъ, по болѣе или менѣе заостренной формѣ кровли; но ни къ какимъ преднамѣреннымъ знакамъ отличія для своихъ однообразныхъ палатокъ они не прибѣгаютъ. Однообразіе переносится съ кибитокъ на аулы, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ оно нарушается какой нибудь пристройкой, отгородками или навѣсами для молодого или больного скота; подъ этими навѣсами въ жаркіе дни ищутъ тѣни также и люди; пристройки эти, однако, встрѣчаются рѣдко и мало гармонируютъ съ типичной картиной аула.

Конструкція кибитки — въ смыслѣ практическаго разрѣшенія задачи приспособленія палатки къ жизни номада — является настоящимъ произведеніемъ искусства: въ полчаса она разобрана, въ часъ она составлена и готова со всѣмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ. Она одинаково пригодна для всѣхъ временъ года, хотя я нахожу преувеличенными похвалы, которыя нѣкоторые путешественники расточаютъ ей по поводу цѣлесообразности въ этомъ отношеніи. Войлочныя покрышки защищаютъ, правда, лѣтомъ отъ слишкомъ интенсивныхъ солнечныхъ лучей, а сквознякъ, который пропускается черезъ рѣшетки, когда свертываютъ стѣнныя циновки,

понижаетъ температуру внутри кибитки. Тѣмъ не менѣе въ часы полудня въ ней иногда удушливо жарко, и съ нетерпѣніемъ ожидаешь трехъ часовъ, когда позади кибитки отъ стѣны появляется первая, хотя бы и самая крошечная, тѣнь. Зимой кибитки разбиваютъ на защищенныхъ склонахъ, окружаютъ ихъ земляным или каменнымъ валомъ, рѣшетки ставятъ на слой стараго лошадинаго навоза, снаружи покрываютъ его еще поверхъ землею, которую притаптываютъ, и удваиваютъ надъ остовомъ кибитки слой войлока. Внутри кибитки поддерживается благотворный огонь, и кромѣ того стараются бороться съ холодомъ обильнымъ употребленіемъ въ пищу жира.

Очагъ находится между дверью и серединой кибитки, гдѣ оставляютъ непокрытымъ небольшое утоптанное мѣсто или плоское углубленіе; лѣтомъ очагъ устраиваютъ снаружи кибитки или въ видѣ углубленія въ землѣ или же между тремя камнями, а въ кибитку вносится только уголь на лопаткѣ, чтобы держать въ теплѣ воду для чая. Для зажиганія огня повсюду въ употребленіи спички, а за неимѣніемъ ихъ—кремень и огниво; матеріаломъ для топлива служитъ лошадиный навозъ, а на растопку берутъ траву; ближе къ побережью въ ходу также и древесный уголь. Употребленіе для этой цѣли другими монгольскими народами, какъ описываютъ, костей, здѣсь неизвѣстно. Навозъ употребляется въ его натуральномъ видѣ; женщины берутъ щипцами каждый отдѣльный кусокъ и умѣютъ устраивать изъ него очень искусную горку (таб. 19). Когда огонь уже больше ненуженъ, его покрываютъ травой, чтобы легче раздуть его въ пламя, когда это понадобится. Вѣеръ, употребляемый для раздуванія огня въ туркестанскихъ городахъ, здѣсь неизвѣстенъ.

Внутренность кибитки представляетъ одно общее помѣщеніе, которое только въ очень рѣдкихъ случаяхъ разгора-

живается занавѣской, напр., когда въ той же кибиткѣ временно помѣщается только-что женившійся сынъ. Полъ кибитки, за исключеніемъ мѣста, гдѣ помѣщается очагъ, покрываютъ кошмами, на которыя, когда являются гости, кладутъ новыя узорчатыя кошмы или туркменскіе ворсовые ковры. Мѣсто передъ дверью остается непокрытымъ; здѣсь входящій оставляетъ свою обувь, тутъ же сбоку примащивается больная козочка или ждетъ ножа только-что выхваченный изъ стада барашекъ; здѣсь же отведено мѣсто и для охотничьихъ соколовъ, которые сидятъ на крошечномъ столикѣ,—покрытой войлокомъ дощечкѣ на короткой подставкѣ.

Вдоль стѣнъ высоко нагромождены подушки, матрацы, одѣяла и ковры, отчасти убранныя повседневныя постельныя принадлежности, отчасти же запасныя вещи, накопившіяся, какъ свадебныя подношенія, или пріобрѣтенныя покупкою; этотъ запасъ пускается въ ходъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ или идетъ при женитьбѣ дѣтей на калымъ и свадебные подарки. Вдоль стѣнъ разставлены также и сундуки, въ настоящее время по преимуществу русскаго издѣлія, и рѣзные открытые ящики собственной работы, куда въ дорогѣ помѣщаютъ дѣтей, а въ обычное время прячутъ подойники, чашки и прочую домашнюю утварь. По стѣнамъ развѣшаны ковровыя сумки и нарядныя покрывала, оружіе и лошадиная сбруя, войлочныя сумки и ведра изъ шкуры, веретена и мотки шерсти, ткацкія дощечки, деревянныя ступки для растиранія табака, сосуды изъ овечьяго желудка для молока и ящички для инструментовъ, шкуры для просушки и музыкальные инструменты, шашечная доска и амулеты. Для мелкихъ вещей имѣются боковыя полочки, которыя подвѣшиваются къ планкамъ рѣшетки шерстяными шнурками; онѣ узорчатыя и изготовляются такъ же, какъ и циновки для кибитокъ, т.-е. изъ тростника, обвитаго разноцвѣтною шерстью; съ крыши

спускаются пестрые узорчатые шнурки и кисти, а въ серединѣ, у стѣны, или въ правомъ углу у входа помѣщается мѣхъ для кумыса („саба" *).

Постель состоитъ большею частью только изъ стеганаго одѣяла, разостланнаго на полу, и второго одѣяла, которымъ покрываются. Къ востоку отъ Аральскаго моря я встрѣчалъ настоящія кровати, большею частью пестрыя съ рѣзьбою, на Мангышлакѣ же только упомянутыя уже выше полукровати, т.-е. наклонныя обложенныя подушками подставки, состоящія изъ изголовья перерѣзанной поперекъ деревянной кровати; это привозное татарское издѣліе; обыкновенно же вмѣсто подушки киргизъ довольствуется сѣдломъ, потникомъ или свернутой одеждой.

При приближеніи къ аулу не слѣдуетъ подъѣзжать прямо къ двери, чтобы не совершить проступка противъ хорошаго тона. Какъ въ восточныхъ городахъ обычай требуетъ, чтобы гость не входилъ прямо въ домъ, а, остановившись у входа, громко далъ бы о себѣ знать, такъ въ степи—примѣнительно къ условіямъ—гость долженъ приблизиться къ кибиткѣ съ задней стороны, остановиться метрахъ въ двадцати отъ нея и ожидать, пока кто либо къ нему не выйдетъ. Когда появится хозяинъ или кто нибудь изъ его родственниковъ или, за отсутствіемъ въ домѣ мужчинъ, жена хозяина, гостя встрѣчаютъ пытливые взгляды, разспросы и переговоры, и только послѣ того, какъ состоится соглашеніе, появляется одинъ изъ слугъ, придерживаетъ лошадь и стремена, и гость можетъ сойти съ сѣдла: онъ привѣтствуетъ рукопожатіемъ представителя дома, который съ своей стороны кладетъ правую руку гостя между своими ладонями и, держа ихъ вертикально, крѣпко пожимаетъ ее. Въ то время, какъ слуги хлопочутъ около лошадей, снимаютъ сѣдла и спутываютъ имъ переднія

*) Перев.

ноги, хозяинъ дома медленно, размѣреннымъ шагомъ направляется къ входу, заглядываетъ внутрь кибитки, чтобы удостовѣриться, что тамъ все въ порядкѣ, и женщины уже освѣдомлены о пріѣздѣ гостей, — и насъ впускаютъ. Мы привѣтствуемъ женщинъ, которыя стоятъ молча, съ опущенными внизъ глазами, и садимся на указанное намъ почетное мѣсто противъ двери, гдѣ уже положена новая кошма и, для удобства избалованнаго европейца, еще подушка. Хозяинъ садится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и спрашиваетъ, чего мы желаемъ. Мы имѣемъ въ виду лишь короткій отдыхъ и просимъ молока. Хозяйка подымается, берется за пискекъ и взбалтываетъ имъ разовъ двадцать кумысъ, водя пискекомъ вверхъ и внизъ; затѣмъ она развязываетъ одну изъ „ногъ"—кумысный мѣхъ дѣлается изъ цѣльной овечьей шкуры—и ждетъ, чтобы молоко набѣжало въ подставленную деревянную чашку. Угощеніе беретъ уже на себя хозяинъ; онъ еще разъ перемѣшиваетъ молоко, спуская его нѣсколько разъ медленной струей съ высокоподнятой ложки въ чашку, обтираетъ края чашки пальцемъ, пальцемъ же вылавливаетъ грязь, затѣмъ отпиваетъ глотокъ и тогда ужъ подноситъ гостю. Нельзя отрицать, что во всемъ этомъ актѣ есть что-то торжественное, и не даромъ нѣкоторые писатели называютъ это данью уваженія къ кумысу; какъ бы то ни было, этотъ актъ являетъ собою осмысленную нѣжную заботливость, какая подобаетъ важности этого напитка и его значенію и тому благоговѣйному ожиданію, которое царитъ за столомъ. И оно вполнѣ понятно. Кто послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркой верховой ѣзды по степи подъѣзжаетъ къ аулу, того уже издали привѣтствуютъ два добрыхъ предзнаменованія: рѣшетки кибитки и равномѣрные всплески кумысной мутовки. Первое указываетъ на то, что здѣсь живутъ заботливые люди, умѣющіе цѣнить свѣжій прохладный воздухъ,—это свидѣтельствуютъ свернутыя надъ

рѣшетками кибитки кошмы, — второе вызываетъ въ путникѣ такія же пріятныя ощущенія, какія испытываетъ любитель пива при открываніи новаго боченка. И напитокъ не обманываетъ ожиданій. Одинъ уже кислый запахъ, который онъ распространяетъ въ кибиткѣ, дѣйствовалъ на меня освѣжающе, а его вкусъ мнѣ всегда нравился и былъ пріятенъ, только не тогда, когда къ кумысу прибавлялась манная крупа. Его опьяняющаго дѣйствія я ни на себѣ, ни на другихъ не замѣчалъ, хотя, впрочемъ, выпитое въ одинъ пріемъ количество не превышало одного литра, и возможно, что при большихъ количествахъ это имѣло бы мѣсто.

Зато потребленіе чая достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Если о русскомъ можно сказать, что онъ пьетъ столько чаю, сколько возможно себѣ только представить, то киргизъ пьетъ еще вдвое больше; отъ семи до десяти стакановъ утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ—обычное явленіе лѣтомъ, и это причиняло мнѣ не мало огорченія, особенно по утрамъ, когда людей нельзя было оторвать отъ ихъ чая. Солнце всходило рано, въ восемь часовъ оно палило уже надъ нашими головами съ полуденнымъ зноемъ, и я старался выѣзжать по возможности съ восходомъ солнца, но въ гостепріимныхъ аулахъ мнѣ въ этомъ отношеніи не везло. „Еще стаканъ чаю"—было поводомъ къ новому промедленію, тѣмъ болѣе, что ссылка на полезность чая являлась такимъ извинительнымъ мотивомъ. Въ послѣднемъ сомнѣваться, дѣйствительно, не приходилось, и люди были правы, когда говорили: „сегодня нужно выпить побольше чаю, очень жарко": люди тамъ знаютъ, что въ жару полезна транспирація, и что это умѣряетъ жажду; они сознательно выпиваютъ такія количества этого привознаго продукта, какъ въ старину они выпивали съ тою же цѣлью такія же количества горячей воды съ распущеннымъ въ ней саломъ. На мнѣ чай отзывался

всегда отлично, и мнѣ не удавалось лучше утолить жажду, какъ выпивъ нѣсколько стакановъ чаю, и я нахожу, что холодная вода, молоко или пиво никогда не утоляютъ вполнѣ жажды и не разливаютъ по всему тѣлу такого интенсивнаго пріятнаго ощущенія, какъ горячій чай.

Я снова испыталъ это на Мангышлакѣ, гдѣ при температурахъ до 40 и 50 градусовъ кожа была постоянно покрыта испариной, и чѣмъ больше пота выгонялось чаемъ, тѣмъ меньше ощущалась жара. Слѣдовало бы и для нашихъ войскъ взвѣсить всю важность потребленія чая во время лѣтнихъ маневровъ и въ походахъ.

Чѣмъ дальше вглубь страны, тѣмъ бережливѣе обходятся съ чаемъ; сахару часто совсѣмъ не видно. Вмѣсто свѣжаго молока сплошь и рядомъ подливаютъ въ чай кумысъ, что придаетъ ему пріятный, особенно освѣжительный, какъ бы фруктовый, вкусъ.

Молоко и чай — это только первое привѣтствіе гостепріимныхъ хозяевъ. Пока васъ ими угощаютъ, одна изъ женщинъ достаетъ изъ стоящихъ у стѣны мѣшковъ муку и замѣшиваетъ водою тѣсто. Я беру мѣстность ближе къ береговой полосѣ, гдѣ больше туркменскаго и татарскаго вліянія; дальше вглубь страны цѣлыми недѣлями приходится переживать старыя тюркскія времена, не знавшія хлѣба, и, къ ужасу нашихъ вегетаріанцевъ, при исключительномъ питаніи мясомъ, жиромъ и молокомъ населеніе не только не выходитъ изъ физическаго равновѣсія, но и чувствуетъ себя необыкновенно здоровымъ. Итакъ, въ нашемъ аулѣ имѣется еще мука, и женщины умѣютъ печь изъ нея превосходный хлѣбъ: тѣсто, къ которому прибавляютъ иногда кумысъ, отчего оно скорѣе подымается и дѣлается вкуснѣе, кладутъ на круглую желѣзную сковороду, которую ставятъ на открытый огонь и покрываютъ второй сковородой; по-

Киргизы изъ Тургайской степи.

Молодой киргизъ.

ЛЕНИНА

верхъ сковороды накладываютъ также огонь, такъ что тѣсто печется одновременно и сверху и снизу. Въ полчаса жаръ сверху и снизу сдѣлалъ свое дѣло, и мы получаемъ къ нашему чаю, который слѣдуетъ за кумысомъ, теплый и вкусный хлѣбъ. Пекутъ два сорта хлѣба, болѣе толстыя лепешки „нанъ“ и болѣе тонкія „шёрекъ“, и кромѣ того еще мелкое печенье, приготовленное на бараньемъ жиру.

Жара, кумысъ и масса выпитаго чаю навели на гостей сонъ; все прибирается, и начинаютъ готовиться къ отдыху. Молодые люди хлопочутъ около стадъ, женщины готовятъ самый „гвоздь“ киргизскаго гостепріимства — баранину; считается само собою понятнымъ, что прибывшихъ гостей нужно накормить бараниной, и киргизы очень удивлены, если отъ нея отказываешься подъ предлогомъ, что нужно торопиться дальше. „Оставайтесь, сейчасъ зарѣжутъ барана“, настаиваютъ они. „Зарѣзать барана“ является во всѣхъ случаяхъ и разсказахъ яркимъ синонимомъ „радушнаго гостепріимства“. Правомъ рѣшающаго голоса въ вопросѣ о баранѣ пользуется, само собою, глава семьи, но и жена не можетъ уклониться отъ этой традиціонной обязанности по отношенію къ гостю; когда мужъ отсутствуетъ, хозяйка либо сама отдаетъ приказаніе зарѣзать животное, либо, если вблизи имѣется аулъ одного изъ родственниковъ, посылаетъ за нимъ и проситъ его распорядиться. Кому везетъ съ аулами въ его путешествіи, тотъ можетъ при желаніи три раза въ день питаться мясомъ и вдоволь имъ насытиться. Иногда, правда, любезное приглашеніе есть не что иное, какъ конвенціональная ложь, подъ маской которой скрывается тайный страхъ, что приглашеніе можетъ быть принято — люди и въ степи бываютъ разные, — но эти „скупые“ на перечетъ, и всѣ только радуются, когда обстоятельства заставляютъ ихъ пожертвовать бараномъ. Именно такое отношеніе къ „скупымъ“ и

доказываетъ лучше всего, что гостепріимство въ общемъ является совершенно искреннимъ, и что Вамбери не преувеличиваетъ, когда говоритъ: „Утолить жажду путнику въ жаркій лѣтній день считается высшимъ проявленіемъ гостепріимства, и киргизу оказывается благодѣяніе, если ему доставляютъ случай выполнить эту обязанность". То, что здѣсь сказано о кумысѣ, относится также и къ мясу. При этомъ нельзя ставить въ вину этимъ людямъ нѣкоторую скупость, такъ какъ гостепріимствомъ не мало злоупотребляютъ: свободные большею частью отъ работы и большіе охотники покушать, мужчины предпринимаютъ увеселительныя поѣздки другъ къ другу, особенно въ аулы, гдѣ они разсчитываютъ на хорошее угощеніе; если же къ кому нибудь заглянетъ пріѣзжій, то въ кибитку тотчасъ же наберется нѣсколько сосѣдей, которыхъ сюда привлекаетъ не одно любопытство, но также и вѣрные расчеты хорошенько угоститься. Несомнѣнно, и самъ хозяинъ по большей части не руководствуется однимъ лишь побужденіемъ оказать, какъ говоритъ Вамбери, „благодѣяніе" своему ближнему, но радъ случаю имѣть лишній поводъ выпить и покушать. Баранина самое любимое кушанье киргизовъ. Зимою мяса всегда достаточно, для запасовъ идутъ околѣвшія животныя, и въ плохіе года его столько, что приходится солить и въ такомъ видѣ сохранять; лѣтомъ же рады каждому пріѣзжему, чтобы имѣть поводъ угоститься свѣжимъ мясомъ. И теперь еще оправдывается то, что сказалъ о киргизахъ одинъ прежній писатель: „Они вообще страшные обжоры; часто, вернувшись съ охоты, они въ первый же присѣстъ вчетверомъ съѣдаютъ барана"; я даже думаю, что это еще ниже дѣйствительности, и что найдутся и такіе, аппетиты которыхъ капитулируютъ лишь при второмъ баранѣ. Но какъ они при этомъ наслаждаются, можетъ судить только тотъ, кто ви-

дѣлъ это воочію. Кто хочетъ составить себѣ понятіе, какъ образовались доисторическіе отбросы въ пещерахъ и кьёккенмеддингерахъ, долженъ хоть разъ поѣсть съ киргизомъ баранины, — онъ узнаетъ только тогда, что значитъ „очистить тарелку", съ какимъ рвеніемъ, умѣлостью и успѣхомъ можно обрабатывать баранью косточку, съ какою настойчивостью и находчивостью можно ее глодать и грызть, раскусывать и отламывать, объѣдать и высасывать, и какъ безупречно можно ее очистить безъ всякихъ аппаратовъ. Кибитка съ киргизами за бараниной — жадныя руки, скрежещущіе зубы, хватающія губы и блестящіе отъ удовольствія глаза — представляетъ картину, которую никогда не забудешь. Всѣ сидятъ группами: на почетномъ мѣстѣ вокругъ парадной чашки съ лучшими кусками — заднею частью, жиромъ и головой — сидятъ гости, сбоку хозяинъ, нѣсколько поодаль сыновья, у стѣны рабочіе, а напротивъ женщины. При этомъ мужчины сидятъ съ подогнутыми ногами, женщины на корточкахъ или какъ „стрѣлки", при чемъ одна нога подвернута, другая съ сильно согнутымъ колѣномъ остается въ вертикальномъ положеніи. Костный мозгъ считается, какъ и голова, самымъ лакомымъ кускомъ, и смѣшно видѣть, какъ мужчины передаютъ чисто обглоданную кость хозяину, и какъ тотъ съ большимъ наслажденіемъ высасываетъ ее. Брошенную уже кость поднимаютъ еще женщины, въ слабой надеждѣ найти въ ней хоть какой нибудь крошечный остатокъ. Не менѣе забавно, какъ кормитъ взрослыхъ сыновей и другихъ мужчинъ самъ хозяинъ, всовывая имъ кусокъ въ широко раскрытый ротъ; въ общемъ же каждый долженъ ждать, пока очередь дойдетъ до него: хозяинъ получаетъ послѣ гостей, мужчины послѣ хозяина, женщины послѣ мужчинъ, и каждая партія, выбравъ хорошенько изъ чашки лучшее, что въ ней имѣется, передаетъ чашку съ остатками

дальше; голодные пастухи стараются вознаградить себя за долгое ожиданіе, выхватывая и проглатывая лучшіе изъ оставшихся кусковъ.

Когда чашки съ мясомъ очищены, подается мясной наваръ, очень крѣпкій и жирный, необыкновенно вкусный, и выпивается, при соблюденіи того же порядка, т.-е. отъ гостей къ хозяину и т. д. Ничего возбуждающаго, никакія прянности за столомъ киргиза не имѣютъ мѣста, за исключеніемъ самаго необходимаго количества соли или овощей или какой либо другой приправы; точно также не прибѣгаютъ послѣ обѣда ни къ алкоголю, ни къ табаку. На Мангышлакѣ не знаютъ ни туркестанскаго кальяна, ни восточно-азіатской трубки, а отъ папиросы лишь тамъ не отказываются, гдѣ болѣе продолжительное общеніе съ русскими въ школахъ и правительственныхъ мѣстахъ пріучило къ куренію молодыхъ людей. Внутри страны папиросами брезгаютъ; изрѣдка среди стариковъ попадаются нюхающіе табакъ.

По окончаніи ѣды благодарная отрыжка выражаетъ „спасибо“, и всѣ присутствующіе — мѣстами также и женщины — подымаютъ до уровня лица свои руки съ ладонями, полуобращенными другъ къ другу, гость или хозяинъ совершаетъ благодарственную молитву Аллаху, и при этомъ имени всѣ медленно проводятъ по лицу руками сверху внизъ. Затѣмъ все убирается, слуги или женщины приносятъ воду и льютъ всѣмъ на руки, при чемъ тутъ же полощется и ротъ. Всѣ устраиваются, кто какъ можетъ, по стѣнамъ кибитки, разсказываютъ другъ другу разныя исторіи, нѣкоторые снимаютъ со стѣны „тогузъ-кумалакъ“ (девять шариковъ овечьяго помета), т.-е. шахматную доску, на которой играютъ шариками овечьяго помета. На доскѣ имѣется два параллельныхъ ряда ямокъ съ девятью ямками въ каждомъ; въ эти ямки при началѣ игры вкладывается по девяти шариковъ. При

каждомъ ходѣ игрокъ распредѣляетъ шарики изъ одной ямки въ соотвѣтственное число другихъ, при чемъ шарики противника можно по извѣстнымъ правиламъ забирать. Тотъ, у кого окажется больше шариковъ, считается въ выигрышѣ.

Иногда какой нибудь пѣвецъ снимаетъ со стѣны двухструнную домбру, беретъ простые монотонные аккорды и поетъ о любви и жизни, о людяхъ, повидавшихъ свѣтъ, о домосѣдахъ и т. д. Къ тихимъ звукамъ примѣшивается многообѣщающій басъ пискека, которымъ хозяйка усердно перебалтываетъ кумысъ для вечера. Въ полутьмѣ кибитки сверкаютъ бѣлые, какъ снѣгъ, зубы и веселые глаза, къ хозяину жмется его любимый сынокъ, которому въ честь рѣдкаго гостя разрѣшено дольше оставаться на ногахъ и послушать пѣвца, отъ котораго не отрывается его взоръ, пока, усталый, онъ не свалится на колѣни отца, и тотъ не прикроетъ его осторожно теплымъ одѣяломъ. Надъ открытымъ куполомъ кибитки сверкаютъ уже звѣзды на вечернемъ небѣ, передъ дверью вспыхиваютъ еще красные языки догорающаго очага, освѣщая мелькающіе халаты, вдали раздается короткій рѣзкій лай собаки. Одинъ за другимъ встаютъ и оставляютъ кибитку киргизы; темнота и тишина степной ночи окутываютъ кибитку и аулъ, пока съ разсвѣтомъ не встанутъ женщины и не раздуютъ снова тлѣющаго огня.

ГЛАВА IV.

Рожденіе и дѣтство.

Когда беременность близится къ концу, киргизка обращается къ опытной женщинѣ, которая ее изслѣдуетъ. Такія женщины знаютъ отлично свое дѣло и умѣютъ въ случаѣ нужды исправить внѣшними манипуляціями неправильное положеніе ребенка. Къ активному вмѣшательству приходится, однако, рѣдко прибѣгать, роды у киргизокъ обыкновенно легкіе и нормальные, и вся роль бабки ограничивается обычною въ этихъ случаяхъ помощью. Мужчины при родахъ не присутствуютъ, — напротивъ того, они стараются въ эти тяжелые для жены часы быть какъ можно дальше. О нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаяхъ, которые примѣняются при тяжелыхъ родахъ или для ихъ предупрежденія, я говорю въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Послѣдъ зарывается, пуповина же вѣшается въ кибиткѣ, пока отъ пупка не отдѣлится остатокъ ея, а затѣмъ все вмѣстѣ также зарывается въ землю.

Родильница остается въ постели отъ двухъ до трехъ дней. Новорожденное дитя на второй день обмываютъ и кладутъ

въ колыбель. Легкая деревянная люлька состоитъ изъ двухъ вертикально стоящихъ дужекъ и четырехугольной между ними рамы внизу (рис. 8); верхушки обѣихъ дужекъ соединены продольной палкой, за которую колыбель несутъ или подвѣшиваютъ и черезъ которую набрасываютъ платокъ для защиты ребенка отъ солнца и комаровъ. Дно люльки состоитъ изъ четырехъ поперечныхъ перекладинъ, прикрѣпленныхъ подъ рамой, и покрывается кошмой и подушками; подъ перекладинами подвязанъ небольшой войлочный мѣшечекъ, наполненный золой, для экскрементовъ. Моча попадаетъ туда же по трубкѣ, ведущей между перекладинами въ мѣшечекъ; эта трубка имѣетъ около восемнадцати сантиметровъ длины и вырѣзывается во всемъ Туркестанѣ изъ дерева; она имѣетъ для мальчиковъ короткое, согнутое подъ прямымъ угломъ, на подобіе курительной трубки, колѣно (рис. 9), а для дѣвочекъ — корытообразный вырѣзъ (рис. 10); у степныхъ номадовъ для этой цѣли берется просто трубчатая кость животнаго (рис. 11). Для

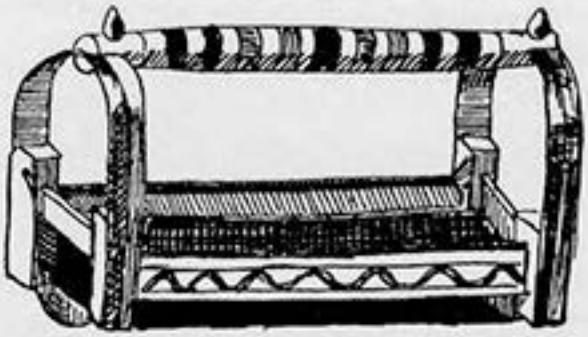


Рис. 8. Модель туркестанской люльки.

Рис. 9.

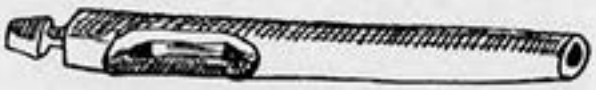


Рис. 10.

Рис. 11.

Трубки для мочи — приспособленіе для люльки.

раціональности этого приспособленія необходимо, само собою, чтобы дѣти лежали совершенно спокойно, для чего ихъ привязываютъ поясомъ. Мѣшечекъ очищается разъ въ сутки и снова наполняется золой.

Я думаю, что эта форма колыбели была изобрѣтена въ городахъ осѣдлаго Сартскаго населенія и лишь заимствована

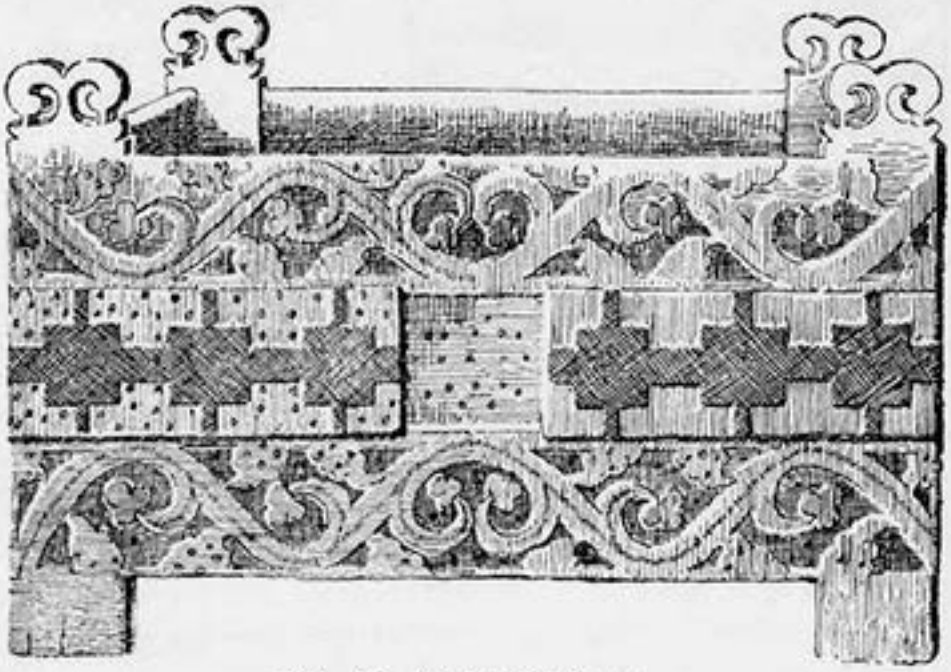
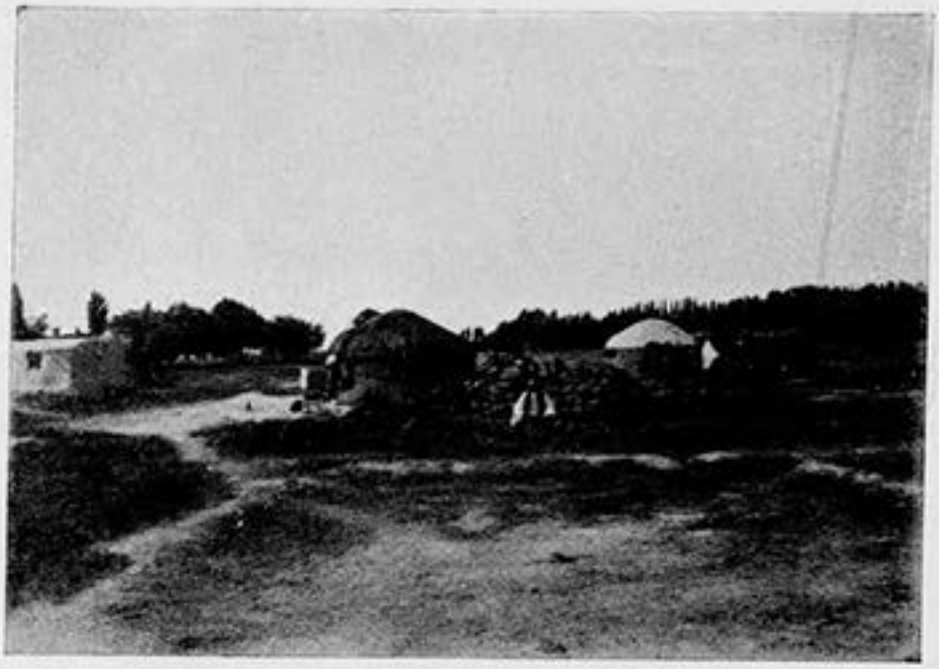


Рис. 12. Киргизскій ящикъ.

номадами, такъ какъ ея прославленная цѣлесообразность дѣлаетъ ее очень удобной мебелью въ домѣ, саду и кибиткѣ, но по своей неустойчивости она далеко не приспособлена къ кочевкамъ. Для этого, дѣйствительно, существуетъ другая форма люльки, а именно помѣстительные четырехугольные открытые ящики, служащіе въ кибиткахъ для храненія всевозможной домашней утвари; такіе ящики въ пути крѣпко привязываются къ верблюду, и въ нихъ помѣщаются не только грудные младенцы, но и дѣти болѣе старшаго возраста. Эти ящики украшены спереди рѣзьбою. Въ большомъ почетѣ старинные,



Топливо изъ верблюжьяго помета, употребляемое по Сыръ-Дарьѣ.

Намордникъ для молодыхъ верблюдовъ.

ЛЕНИНА

переходящіе изъ рода въ родъ экземпляры, съ которыми неохотно разстаются. Въ болѣе молодыхъ хозяйствахъ я ихъ уже больше не встрѣчалъ (рис. 12).

Матери кормятъ грудью своихъ дѣтей очень долго, по два года и дольше; но, страннымъ образомъ, перваго ребенка сама мать не кормитъ; его выкармливаютъ другія женщины, мать же выдавливаетъ у себя молоко, пока оно не пропадетъ. На чемъ основанъ такой обычай, мнѣ не удалось узнать.

При выборѣ имени для ребенка — что происходитъ вскорѣ послѣ его рожденія и сопровождается празднествомъ — руководствуются разными символическими аналогіями или особыми обстоятельствами, сопровождавшими его рожденіе. О туркменскомъ племени текинцевъ существуетъ слѣдующее преданіе: Къ одному богатому человѣку пришли однажды въ гости три друга. По обычаю страны ихъ нужно было угостить бараниной, но въ аулѣ въ тотъ моментъ не было ни одного барана, такъ что пришлось зарѣзать козу. Въ тотъ же день у богатаго человѣка родился мальчикъ, и его, ввиду такого необычайнаго случая, назвали т е к е́ (т. е. козелъ). Отъ него происходятъ текинцы.

Къ числу обстоятельствъ, играющихъ роль при выборѣ имени ребенка *), относится, напр., дождь — мальчика назовутъ д ж а н г ы р ъ - б а й = дождь - господинъ; этимъ выражается пожеланіе мальчику стать богатымъ, такъ какъ дождь дѣлаетъ степь плодородной, а, слѣдовательно, стада большими, а хозяина богатымъ; если во время рожденія ребенка аулъ переѣзжаетъ, ребенка назовутъ к ё ш е р ъ - б а й; постъ — о р а з а — даетъ поводъ къ имени о р а з а-б а й; т у р г а й-

*) Относительно транскрипціи приводимыхъ здѣсь авторомъ именъ, равно какъ и объясненія ихъ значенія сдѣланы по указанію В. В. Радлова нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Перев.

б а й — назовутъ въ честь маленькой птички тургай; б е р к у т ъ - б а й — въ честь копчика. Любящій отецъ назоветъ сына а й - д ж а н ъ = луна-душа, т. е. твой отецъ любитъ тебя, какъ свою душу. Символическое значеніе, заключающее въ себѣ какое нибудь пожеланіе имѣютъ, наприм., имена к а с к а р ъ - б а й — каскаръ = волкъ, т. е. будь сильнымъ, какъ волкъ; д ж у л д у з ъ - б а й — джулдузъ = звѣзда, т. е. будь прекрасенъ, какъ звѣзда; б а к т а р ъ - б а й = будь счастливъ.

Приставка „бай" (= господинъ, хозяинъ, мужъ) прибавляется только къ мужскимъ именамъ; ей соотвѣтствуетъ въ женскомъ имени „бикé" = госпожа; напр., ай - дай - бикé = луна — какъ — госпожа, т. е. будь, какъ луна *).

Какъ наименованіе ребенка, такъ и обрѣзаніе даетъ поводъ къ приглашеніямъ, угощеніямъ и празднествамъ. У туркменовъ обрѣзаніе совершается между шестымъ и восьмымъ годомъ отъ роду, у киргизовъ — между седьмымъ и двѣнадцатымъ годомъ; оно возложено на спеціально подготовленныхъ къ этому муллъ и состоитъ въ томъ, что дѣлаютъ бритвой поперечный надрѣзъ крайней плоти и затѣмъ отдѣляютъ ее. Отрѣзанный кусочекъ вѣшается снаружи кибитки, засыхаетъ тамъ, и на него больше не обращается никакого вниманія. Ранка посыпается золой отъ сожженной чистой тряпочки, надъ ней ставятъ сосудъ для защиты ея отъ тренія и затѣмъ мальчика оставляютъ спокойно лежать

*) Приводимъ здѣсь, по указанію В. В. Р а д л о в а, еще нѣкоторыя другія имена. Такъ, напримѣръ, есть имена съ приставкою келди = онъ пришелъ: напр., д а у л е т ъ - к е л д и или б а к т ъ - к е л д и = счастье пришло и др.: съ т е м и р ъ = желѣзо: а к ъ - т е м и р ъ = бѣлое желѣзо, б а й - т е м и р ъ = богатое желѣзо; съ т а с ъ = камень: к а р а - т а с ъ = черный камень и т. д. Если въ семьѣ умираютъ дѣти и родители боятся, чтобы не умеръ также вновь родившійся ребенокъ, его назовутъ т о к т а м ы с ъ = онъ остался живъ (выражая этимъ желаніе, чтобы онъ жилъ), или же назовутъ какимъ либо некраснымъ, отталкивающимъ именемъ, напр.: и т ъ - к ё т ю = собаки-задъ, и т ъ - б а с ы = собаки - голова и т. п. Перев.

на спинѣ. Для отправленія естественныхъ потребностей ребенка подъ его постелью вырываютъ въ полу кибитки углубленіе. Недѣли черезъ полторы—три рана заживаетъ.

Мангышлакъ — это настоящій дѣтскій рай. При обиліи дѣтей у киргизовъ (таб. 20) въ этой вольной степи никогда нѣтъ недостатка ни въ сверстникахъ, ни въ мѣстѣ для игръ, ни въ снисхожденіи родителей. Здѣсь не приходится еще добиваться „вѣка ребенка", здѣсь ребенокъ господствуетъ уже тысячелѣтія.

Особенно въ первые годы своей жизни дитя является общимъ баловнемъ и мала и велика, любимой живой игрушкой, съ которой играютъ цѣлый день, которую чистятъ, гладятъ, цѣлуютъ и ласкаютъ. Въ этомъ особенно отличаются отцы, которые большую часть своего дня отдаютъ ребенку. Какъ мать ни минуты не остается безъ работы, такъ отецъ — если онъ не спитъ — все время возится съ ребенкомъ, причемъ въ нѣжности къ ребенку и мать и отецъ ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу. Распредѣленіе хозяйственныхъ заботъ оставляетъ мужу, конечно, больше досуга, чѣмъ женѣ, а неравенство половъ предоставляетъ ему забаву тамъ, гдѣ на долю женщины выпадаетъ практическое проявленіе материнской любви. Если случается иногда, правда, чрезвычайно рѣдко, что отецъ ударитъ своего избалованнаго любимца, то послѣдній съ крикомъ бросается къ матери, зная, что всегда найдетъ у нея неразумное сочувствіе своему горю и утѣшеніе у естественнаго источника. Нерѣдко можно встрѣтить трехъ-, четырехъ- и даже шестилѣтнихъ ребятъ, которые постоянно бѣгаютъ отъ мѣха съ кумысомъ къ груди матери и обратно, всегда голодные и жадные, всегда сосущіе или облизывающіеся и ворчащіе, если не исполнятъ тотчасъ же ихъ желанія; родители въ этихъ случаяхъ немедленно спѣшатъ задобрить ребенка, дабы распрямился только его

искривленный ротикъ. Эту обезьянью любовь къ маленькимъ дѣтямъ, быть можетъ, не поставятъ ужъ такъ въ вину киргизамъ, если примутъ во вниманіе, что кибитка ихъ имѣетъ лишь одно помѣщеніе, что въ ней нѣтъ особой дѣтской, и нѣжничанье съ дѣтьми въ присутствіи чужого гостя, быть можетъ, скрываетъ нѣкоторое смущеніе; но отрицать эту преувеличенную любовь къ дѣтямъ не приходится, да и сами киргизы, наконецъ, подтверждали мнѣ это.

Когда ребенокъ подрастаетъ, суровая дѣйствительность кочевой жизни предъявляетъ къ нему свои требованія. Онъ начинаетъ по утрамъ собирать лошадиный и верблюжій навозъ для топлива, носитъ на рукахъ и забавляетъ маленькихъ ребятъ, помогаетъ таскать изъ колодца воду и пригоняетъ туда скотъ, держитъ при доеніи овецъ и т. п. Онъ рано научается ѣздить верхомъ; на это есть особыя дѣтскія сѣдла, которыя имѣютъ спереди и сзади высокія, большею частью украшенныя рѣзьбою луки, такъ что маленькій наѣздникъ не можетъ выпасть. Большею частью ребенокъ посѣщаетъ нѣкоторое время школу, т.-е. онъ учится читать коранъ у муллы — если мулла въ аулѣ имѣется. Въ большихъ аулахъ для муллы ставятъ отдѣльную кибитку, которая служитъ въ то же время и школой; въ другихъ же случаяхъ ограничиваются легкимъ навѣсомъ изъ цыновокъ или ямой, надъ которой протягиваютъ на палкахъ кошму для защиты учителя и учениковъ отъ солнца (таб. 21); иногда же ограничиваются просто тѣнью, которую бросаетъ кибитка. Ученье начинается на восьмомъ году и продолжается три-четыре года. У туркменовъ, какъ мнѣ разсказывали, существуетъ странный обычай начинать обучать позже мальчиковъ, которыхъ предназначаютъ въ муллы: слѣдовательно, тѣхъ мальчиковъ, которые должны потомъ заканчивать свое ученіе въ Хивѣ; это дѣлается, будто бы, оттого,

что вѣрное произношеніе нѣкоторыхъ буквъ, напримѣръ *р* очень трудно и дается лишь позднѣе. Если это дѣйствительно такъ, то это необыкновенно мудрое правило школьной гигіены, которая требуетъ, чтобы тѣло было физически подготовлено прежде, чѣмъ его подвергнутъ усиленной умственной работѣ. Положимъ, что странно собственно говорить объ умственной работѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о заучиваніи наизусть нѣсколькихъ изрѣченій корана; а если судить по одному, чисто внѣшнему, признаку, то и тутъ дѣло не такъ ужъ серьезно: когда приближаешься въ восточныхъ городахъ къ школамъ, то уже издали слышенъ шумъ и гулъ сливающихся голосовъ, происходящій оттого, что всѣ дѣти одновременно вслухъ учатъ свой урокъ. Если черезъ двери заглянуть въ классъ, то увидишь отъ сорока до пятидесяти сидящихъ на полу учениковъ, раскачивающихъ методично, какъ маятникъ, верхнюю часть тѣла взадъ и впередъ, и восемьдесятъ—сто рукъ, трущихъ въ это время такъ же мето-

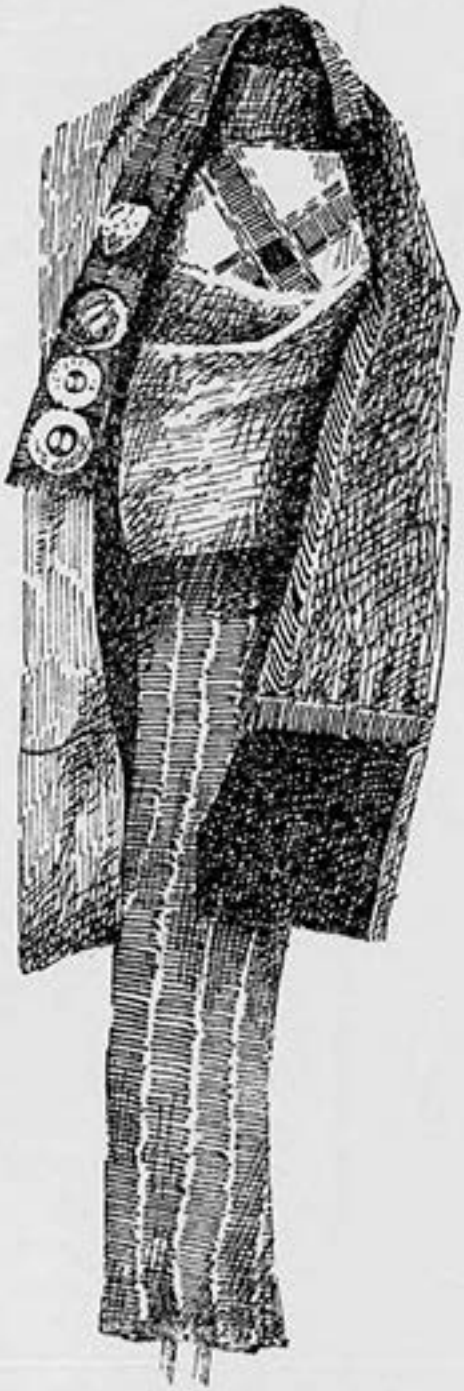


Рис. 13. Туркменская кукла.

дично, въ тактъ раскачиванію колѣна, — картина, которая навсегда остается въ памяти. У меня она настолько запечатлѣлась, что мнѣ тотчасъ же бросилось въ глаза ея отсутствіе у степныхъ киргизовъ: тутъ не было ни раскачиванія, ни тренія колѣнъ; значитъ, не было также особаго прилежанія, или серьезнаго отношенія къ дѣлу.

Умственныя занятія и физическая работа по хозяйству не заполняютъ цѣлаго дня ребенка; у него остается еще достаточно времени, чтобы предаваться лѣни, сну и играмъ, и въ этомъ тріо онъ находитъ подходящую подготовку къ роли взрослаго киргиза. Въ игрѣ, здѣсь, какъ и повсюду, онъ учится тому, чего отъ него потребуетъ современемъ жизнь: дѣвочки одѣваютъ куколъ, мальчики вырѣзываютъ лошадокъ. Куклы сооружаются очень просто — изъ деревянныхъ или камышевыхъ палочекъ, на которыя дѣвочки навѣшиваютъ пестрыя тряпки, подражая при этомъ болѣе или менѣе вѣрно женской одеждѣ; желтый платокъ на шеѣ и головная съ полосатымъ краемъ накидка туркменокъ и бѣлый тюрбанъ киргизокъ, какъ національныя особенности, фигурируютъ при этомъ обязательно. Голову изображаетъ свернутая угломъ или кружкомъ тряпка (рис. 13). Кромѣ того, дѣвочки дѣлаютъ еще звѣрей изъ тряпокъ или изъ костей (рис. 14); особенно смѣшны послѣднія: нижнія челюсти, обернутыя тряпками, изображаютъ верблюдовъ, и даже съ сѣдлами и поводьями; съ ними играютъ въ „перекачевку аула", взваливаютъ на нихъ кладь, сгружаютъ ее и т. д. Лошадокъ вырѣзываютъ или изъ мѣстнаго мягкаго известняка (фиг. 15), или изъ дерева, — часто даже съ подвижными ногами. Кусочекъ тряпки изображаетъ при этомъ сѣдло. У одного туркменскаго мальчика я видѣлъ также и конюшню для его лошадки; онъ выкопалъ маленькую яму, обложилъ ее камнями и накрылъ кусочкомъ желѣз-

наго листа. Эта защита была такъ трогательна, что я, только скрѣпя сердце, отбросилъ ее въ сторону, чтобы ограбить конюшню. Было четыре часа утра, нужно было уѣзжать, мальчикъ еще спалъ, а лошадка была мнѣ нужна во что бы то ни стало — что оставалось дѣлать? Я ее взялъ, въ уплату же положилъ вмѣсто нея маленькую трубу въ надеждѣ, что печаль объ утерянной игрушкѣ, которую не трудно было возмѣстить, скоро смѣнится радостью при видѣ такой рѣдкой диковины.

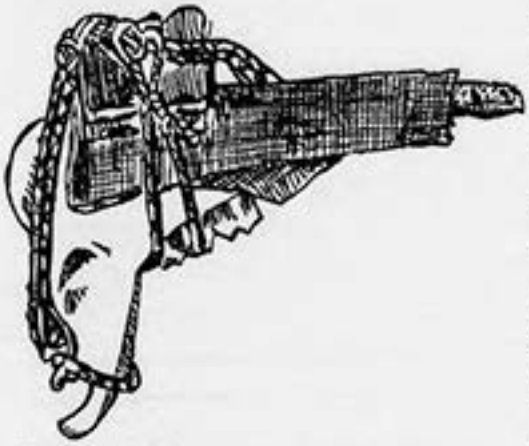


Рис. 14. Игрушка — верблюдъ изъ овечьей нижней челюсти.

Мальчики имѣютъ еще, кромѣ того, пращи изъ войлока и лукъ и стрѣлы, съ которыми они охотятся на птицъ. Лукъ изогнутъ почти въ полукругъ: онъ большею частью изъ дерева, бываетъ и изъ кости, но мнѣ такого не удалось ни пріобрѣсти, ни даже видѣть; стрѣла состоитъ изъ камыша, въ одинъ конецъ котораго воткнута обыкновенная игла, укрѣпленная кусочкомъ верблюжьяго помета. Какъ и всѣ дѣти, маленькіе киргизы бѣгаютъ взапуски, борются и ловятъ другъ друга, пускаютъ волчекъ, который они пальцемъ приводятъ въ

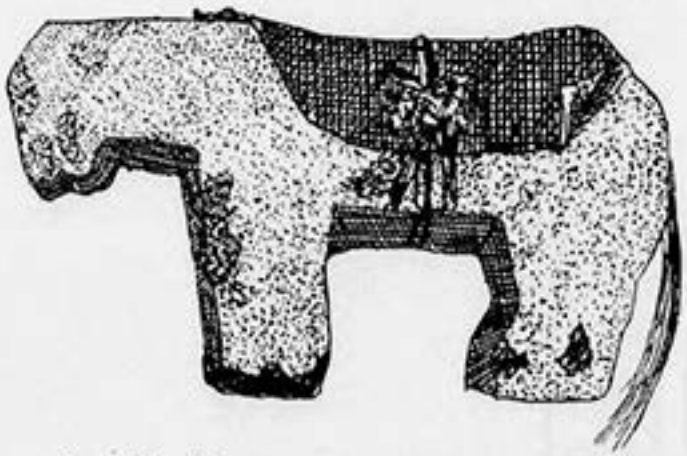


Рис. 15. Игрушка — лошадка изъ камня.

вращательное движеніе, таскаютъ другъ друга на спинѣ и т. п. Какъ у насъ играютъ въ лошадки, такъ они играютъ въ верблюда, при чемъ одинъ беретъ въ ротъ конецъ веревки, а другой тянетъ за нее: нашему футболу соотвѣтствуетъ у нихъ бросаніе кости; эта игра происходитъ въ степи, въ лунную ночь, и состоитъ въ томъ, что играющіе раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая старается забросить кость, какъ можно дальше.

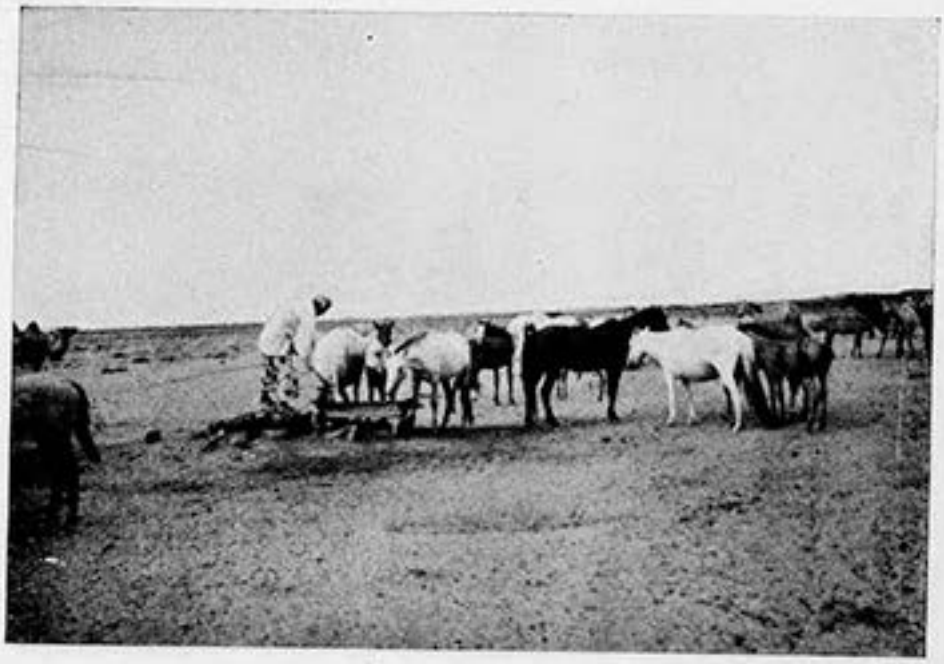
Въ большомъ ходу игра въ бабки — ладыжки, раскрашенныя овечьи надкопытныя косточки; въ бабки играютъ не только мальчики, но также охотно и старики; какъ въ кибиткѣ, такъ и на дворѣ можно продѣлать цѣлый рядъ ходовъ. Назову здѣсь нѣкоторые изъ нихъ:

Какпакылъ[1]): Берутъ въ руки шесть костей, кидаютъ ихъ на воздухъ и стараются поймать ихъ на тылъ руки; пойманныя, такимъ образомъ, кости опять высоко подбрасываютъ и снова ловятъ, то на ладонь то на тылъ руки, при чемъ то ловятъ одну кость, то, ловя подброшенныя кости, стараются въ то же время успѣть подобрать съ земли нѣсколько другихъ или хлопнуть въ ладоши, вытянуть колѣно, дотронуться до уха и т. д.; каждая изъ сложныхъ фигуръ засчитывается различно.

Джермекилъ: Изъ двухъ игроковъ одинъ назначаетъ, какой стороной должна упасть кость, а другой соотвѣтственно этому кидаетъ.

Сасыръ: Каждая сторона кости имѣетъ свою оцѣнку и, смотря по тому, какая сторона придется наверхъ, играющій платитъ или беретъ.

[1]) Ссылки автора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Радлова („Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій", изд. Имп. Академіи Наукъ, СПБ. 1883—1911) являются для русскаго изданія излишними ввиду того, что транскрипція и толкованіе словъ провѣрены самимъ авторомъ словаря. Перев.



Колодцы на Мангышлакѣ.

Бесъ-тасъ (пять костей): Подбрасываютъ одну изъ пяти костей и, прежде чѣмъ она упадетъ, подбираютъ остальныя кости.

Канъ (князь): Кости бросаютъ и стараются изъ каждыхъ двухъ упавшихъ рядомъ костей бить одной объ другую, не задѣвъ третьей. Если это удается, то играющій беретъ себѣ кость, въ которую попалъ. Такъ продолжаютъ, пока не останется одна кость, которую въ началѣ игры обозначаютъ какъ „канъ". Кто попадетъ въ нее, тотъ и побѣдилъ.

Ладыжки употребляются также и для изображенной на рис. 16 игрушки; веревку закручиваютъ и затѣмъ быстро натягиваютъ, отчего получается жужжащій звукъ (сравни Koch-Grünberg, „Zwei Jahre unter den Indianern" I, стр. 274 и

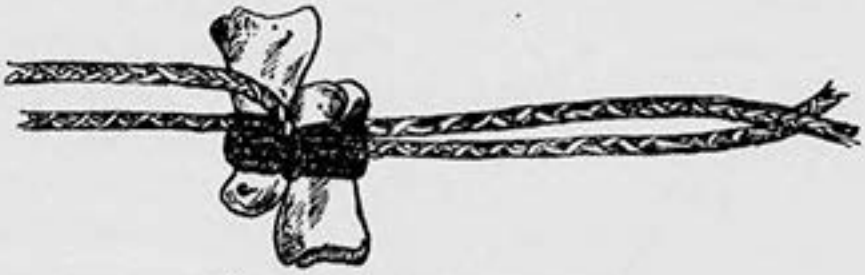


Рис. 16. Киргизская игрушка.

Nordenskiöld, „Spiele und Spielsachen im Grand Chaco und in Nordamerika въ „Zeitschrift für Ethnologie" 42 стр. 433, гдѣ есть изображеніе подобной игрушки, встрѣчаемой у племени чане по р. Парапити и у центральныхъ эскимосовъ).

Колъ-тусакъ (рука — петля): Одинъ изъ играющихъ держитъ въ рукѣ открытую петлю изъ бичевки и за ней какой нибудь предметъ; другой просовываетъ спереди руку и старается схватить и вырвать предметъ. Если это ему удается прежде, чѣмъ противникъ затянетъ петлю, то предметъ переходитъ къ

нему; если же его рука останется въ петлѣ, то онъ долженъ спѣть пѣсню, или какимъ либо другимъ образомъ выкупиться.

Коржунъ-шалмакъ (мѣшокъ — отшвырнуть): Одинъ изъ играющихъ ползаетъ по землѣ на четвереньках и старается сбросить двухъ другихъ, которые лежатъ поперекъ у него на спинѣ (какъ двойные мѣшки на лошадяхъ) и держатся крѣпко за руки.

Затѣмъ есть еще такая игра: Платокъ складываютъ въ въ видѣ зайца и кладутъ его съ какимъ-нибудь другимъ предметомъ между играющими. Затѣмъ одинъ изъ играющихъ отходитъ и повертывается спиною, а другой въ это время прячетъ положенный предметъ; первый долженъ угадать, кто [воръ. Когда предметъ спрятанъ, первый возвращается въ кругъ играющихъ и дѣлаетъ видъ, что разговариваетъ съ зайцемъ и разспрашиваетъ его, кто спряталъ вещь, а всѣ остальные въ это время по очереди дотрагиваются до зайца пальцемъ; обыкновенно тайно условливаются съ кѣмъ-нибудь изъ друзей, и тотъ подаетъ знакъ, когда до зайца дотрагивается виновникъ, — такимъ образомъ задача благополучно разрѣшается.

Или: Кто нибудь держитъ обѣ руки вмѣстѣ наклонно, соединивъ ихъ концами пальцевъ, и изображаетъ этимъ кибитку невѣсты. Другой дотрагивается до этой кибитки пальцемъ, который долженъ изображать жениха и спрашиваетъ: „Гдѣ мнѣ войти? здѣсь?“ Отвѣтъ: „Нельзя войти, мать не пускаетъ“. Тогда палецъ дотрагивается до другого [мѣста воображаемой кибитки и спрашиваетъ снова: „Здѣсь?“ Отвѣтъ: „Нѣтъ, собака не пускаетъ“, и такъ продолжаютъ

нѣкоторое время; затѣмъ, наконецъ, палецъ вводятъ сверху, и „кибитка разрушается".

Распространенная повсюду игра съ ниткой есть и у киргизовъ и носитъ тамъ названіе шедеръ-туюнъ (шедеръ=продѣть, туюнъ=узелъ); получаемыя при этомъ фигуры изображаютъ предметы изъ окружающей среды, какъ, напр., „путы для лошадей" и т. д.

Изъ счетовъ, которые въ ходу при играхъ, я слышалъ слѣдующіе:

экемъ-экемъ (экемъ=отецъ),
айманъ-шешемъ (айманъ=съ луной, шешемъ=мать),
кыркымъ-таукъ (кыркымъ=кудахтать, таукъ=курица),
карма (га) нъ-таукъ (кармаганъ=хватать, таукъ=курица),
туюнъ-туюнъ (туюнъ=узелъ),
туюнденъ-калганъ (туюнденъ = отъ узла, калганъ = остался),
биръ-баласы (=его единственный ребенокъ),
беленгъ-кошкаръ (беленгъ(?) = заблудившійся(?), кошкаръ=баранъ),
белтрингъ-тартъ (=прочь твои ноги),
джёнюнгъ-мененъ (=какъ по твоему),
при этомъ трое дѣтей сидятъ въ кругу и упираются другъ въ друга ногами,—отсюда „прочь твои ноги".

Привожу маленькую прибаутку, которую говорятъ, считая по пальцамъ, аналогично тому, какъ это дѣлается у насъ:

Большой палецъ сказалъ: „Убьемъ Бога".

Указательный отвѣтилъ: „Хорошо, сдѣлаемъ это".

Средній спросилъ: „Зачѣмъ?"

Безымянный согласился: „Да, это можно сдѣлать".

А мизинецъ это исполнилъ: „Дай сюда Бога, что тутъ особеннаго? дай голову, ляжки, ноги, а волосы мы сожжемъ" (въ подражаніе закалыванію овцы).

Кто проигрываетъ при шуточныхъ играхъ или пари, того дразнятъ и подвергаютъ разнымъ шутливымъ наказаніямъ; такъ, напр., проигравшій долженъ принести золы, положить подъ нее бабку, затѣмъ сдуть золу и поднять бабку губами; при этомъ, конечно, лицо оказывается въ сажѣ. Эта шутка напоминаетъ игру среди молодежи, о которой говоритъ Радловъ.

Привожу еще нѣкоторыя загадки, пословицы и поговорки.

Пословицы и поговорки:

„баламъ саганъ айтамынъ келинимъ сенъ тынгнада"
мой сынъ тебѣ я говорю моя невѣстка ты только послушай
(=мой сынъ, тебѣ я говорю, моя невѣтка ты послушай).

Значеніе: Свекоръ не долженъ дѣлать невѣсткѣ выговора прямо, онъ дѣлаетъ его, слѣдовательно, сыну, но имѣетъ въ виду его жену и желаетъ, чтобы эта послѣдняя его поняла. Также точно онъ говоритъ, напр., своему сыну, что̀ ему не понравилось въ гостяхъ, пріѣхавшихъ къ нему, но прибавляетъ приведенную поговорку, чѣмъ даетъ понять сыну, что сказанное относится къ нему.

„патшангъ согуръ болса биръ кёзюнгди кабысъ етъ"
твой царь слѣпой если есть одинъ глазъ закрывая дѣлай
(=если твой царь слѣпъ, и ты закрой одинъ глазъ).

Значеніе: Не нужно казаться лучше, чѣмъ твой начальникъ.

„кёмнингъ джеринъ джерлесенгъ сонингъ джырынъ"
чей землю ты живешь того пѣсню
джырласангъ.
долженъ ты пѣть.
(=на чьей землѣ живешь, того пѣсню поешь).

По значенію аналогично нашей пословицѣ: Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся.

„Если собака упадетъ одинъ разъ, она должна упасть еще три раза" — по значенію аналогично нашей: Пришла бѣда, отворяй ворота.

„Лѣтомъ раскрывайся, зимою съеживайся" — аналогично нашей: Всякому овощу свое время; употребляется также въ значеніи: Не откладывай назавтра того, что можешь сдѣлать сегодня.

„Наработаешь съ гору, а получишь зерно" — употребляется въ значеніи: Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

„Лѣнтяй самъ отказывается отъ Бога"—значеніе: Каждый самъ своему счастью кузнецъ.

„У кого ничего нѣтъ въ головѣ, у того ногамъ некогда отдыхать".

„Не надувайся, какъ колбаса, лопнешь" или „Не наполняйся водою, перебѣжишь" — т.-е. не зазнавайся въ счастьи. Утѣшеніе для того, кто испыталъ на себѣ превратности судьбы.

„Теленокъ, который играетъ, попадаетъ въ огонь" — по значенію аналогично нашей поговоркѣ: Съ жиру бѣсится.

Загадки:

Тянутъ за веревку, и встаетъ гора (Верблюдъ).

Днемъ оно имѣетъ чистое лицо, а ночью морщинистое. (Небо).

Въ ребенкѣ лежитъ мать. (Арбузъ).

Отецъ поднимаетъ ребенка, а ребенокъ шапку. (Кибитка: кереге поддерживаетъ унины, а унины — тангаракъ).

Кушаетъ и пьетъ и потомъ отправляется въ свою нору *). (Ножъ въ ножнахъ).

Бѣлая кибитка безъ оконъ и дверей. (Яйцо).

*) „ашеръ джеръ инине киреръ".
онъ пьетъ кушаетъ въ свою нору онъ вхотидъ. Ред.

Двѣнадцать лебедей приносятъ каждый по тридцати овецъ, изъ которыхъ половина черныхъ, половина бѣлыхъ. (Годъ).

Двѣ въ одно время родившіяся овцы безъ костей. (Женскія груди).

Привожу еще нѣкоторыя народныя объясненія изъ области астрономіи:

Объясненіе вида луны: Солнце и мѣсяцъ спорили о томъ, кто изъ нихъ красивѣе и свѣтлѣе; тогда солнце расцарапало мѣсяцу лицо и убѣжало.

Большая Медвѣдица объясняется слѣдующимъ образомъ: Семь воровъ похитили дочь царя на полярной звѣздѣ; лошади царя (звѣзды Малой Медвѣдицы) привязаны; поэтому царь не можетъ пойти, чтобы освободить свою дочь.

По млечному пути птицы улетаютъ въ Мекку.

Пѣтухъ поетъ, когда другой поетъ на небѣ, онъ держитъ криво голову кверху и прислушивается.

ГЛАВА V.

Свадьба и бракъ.

О семейныхъ нравахъ и свадебныхъ обычаяхъ писали Палласъ, Радловъ, Шварцъ, Ланседль и другіе. На Мангышлакѣ мнѣ пришлось, однако, натолкнуться на нѣкоторыя коренныя особенности и видоизмѣненія.

Въ сватовствѣ иниціаторомъ является отецъ жениха; оно совершается при помощи посредника, и къ нему приступаютъ очень рано, иногда уже на первомъ году жизни мальчика, чаще же между третьимъ и восьмымъ годомъ. При выборѣ невѣсты не столько руководствуются подходящимъ возрастомъ—разница можетъ быть какъ съ той, такъ и съ другой стороны лѣтъ на шесть и больше — какъ богатствомъ и положеніемъ отца невѣсты; при этомъ богатства ищутъ не въ смыслѣ хорошей партіи для улучшенія собственнаго состоянія, а въ видахъ равенства обѣихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что отецъ жениха долженъ уплатить отцу невѣсты калымъ, размѣры котораго опредѣляются соотвѣтственно состоянію,

такъ что болѣе богатый платитъ больше; онъ, правда, въ свою очередь получаетъ отъ отца невѣсты подношеніе, размѣры котораго также соотвѣтствуютъ состоянію послѣдняго, но оно всегда ниже калыма, такъ что женихъ имъ не обогащается. Я говорю объ общемъ правилѣ; бываетъ, однако, хотя и рѣдко, что бѣдность не принимается въ расчетъ, когда на лицо хорошее происхожденіе, т.-е. что глава обѣднѣвшей, но удержавшей свое хорошее имя, семьи сватаетъ дочь богатаго и получаетъ согласіе, платитъ, слѣдовательно, очень небольшой калымъ, соотвѣтственно своему состоянію. Но, повторяю, это случается рѣдко; въ большинствѣ случаевъ богатый держится богатаго, т. к. за большой калымъ нужно также много получить, бѣдный же остается при бѣдномъ, т. к. бѣднякъ не можетъ заплатить богатому большого калыма.

Извѣстное ограниченіе сватовство встрѣчаетъ также въ кровномъ родствѣ, т. к. по древнему обычаю запрещается брать жену изъ того-же рода. Роды же очень расширились и охватываютъ теперь десять поколѣній, т.-е. всѣ киргизы Мангышлака происходятъ отъ одного человѣка, по имени Адай, пришедшаго съ сѣвера, изъ Уральской области. У него было два сына, Кудайке и Келембеде. Отъ послѣдняго происходилъ, наприм., мой проводникъ Оразъ; онъ могъ взять себѣ жену, слѣдовательно, только изъ семьи происходившей отъ старшаго сына Адая. Имя Адай привело меня, замѣчу здѣсь кстати, къ предположенію, что тутъ замѣшана какая-нибудь легенда, связанная съ именемъ Адама, но меня увѣрили, что я имѣю дѣло съ истинной семейной традиціей.

Киргизы умѣютъ хорошо отличать традиціи отъ предписаній корана. Послѣдній лишь въ общихъ чертахъ запрещаетъ браки между кровными родственниками, а такъ какъ въ правовой жизни руководствуются кораномъ, и нарушеніе

Козы, привязанныя для доенія.

Молодые верблюды на привязи.

ЛЕНИНА

Доеніе верблюдовъ у киргизовъ.

Доеніе кобылъ у киргизовъ.

традиціоннаго обычая, идущаго въ данномъ случаѣ дальше корана, не наказуется, то отъ него уже начинаютъ эмансипироваться.

Итакъ, отецъ жениха посылаетъ свата къ отцу невѣсты, поручаетъ ему предложить извѣстный „калымъ", состоящій изъ денегъ, скота, ковровъ и халатовъ, сообразуясь съ размѣрами „кіита", который намѣренъ дать отецъ невѣсты. И съ той и съ другой стороны стараются прійти къ соглашенію, но бываетъ, что отецъ жениха довѣряетъ честности отца невѣсты и предлагаетъ свой калымъ, не спрашивая о размѣрахъ кіита. Въ этихъ случаяхъ отецъ жениха долженъ, само собою, удовлетвориться тѣмъ, что дадутъ, и не можетъ протестовать, если даръ обманетъ его ожиданія. Изъ всего этого видно, что, собственно, о куплѣ невѣсты у киргизовъ не можетъ быть и рѣчи, разъ обѣ стороны платятъ; и та и другая сторона покрываютъ, такимъ образомъ, лишь расходы по содержанію дѣтей до ихъ женитьбы и ту потерю, которую они несутъ, лишаясь въ нихъ работниковъ послѣ ихъ женитьбы; этимъ же кладется и основаніе будущему приданому, изъ котораго, впрочемъ, благодаря патріархальной системѣ семьи, дѣти получаютъ ту долю, какую отцу заблагоразсудится дать имъ.

Что жениху приходится платить больше, чѣмъ онъ получаетъ въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что дѣвушка оставляетъ аулъ отца, чѣмъ хозяйство его лишается рабочей силы, тогда какъ молодой мужъ остается при отцѣ. Понятно, что на мой вопросъ, что лучше имѣть, мальчиковъ или дѣвочекъ, мнѣ отвѣчали „мальчиковъ", несмотря на то, что дѣвочки приносятъ имъ большой калымъ. У туркменовъ есть пословица: „лучше бросить дѣвочку въ море, чѣмъ кормить ее".

Киргизскій свадебный церемоніалъ требуетъ семь свадебъ, т. е. семь стадій цѣлаго ряда очень обстоятельныхъ фор-

мальностей. Каждая стадія сопровождается своими праздествами и называется свадьбой, хотя многіе среди киргизовъ отлично сознаютъ, что такое названіе, собственно, непримѣнимо. Свадьбы празднуются по очереди у родителей обѣихъ сторонъ; первая, четвертая и шестая въ аулѣ невѣсты, вторая, третья, пятая и седьмая въ аулѣ жениха. Какъ только придутъ къ соглашенію относительно калыма и кіита, то приступаютъ къ первой свадьбѣ. Официальный представитель жениха, по большей части взрослый братъ, дядя или двоюродный братъ, въ исключительныхъ случаяхъ — отецъ, отправляется верхомъ съ нѣсколькими родственниками къ аулу дѣвочки, куда уже приглашены ближайшіе друзья дома, и тамъ его угощаютъ въ спеціальной, поставленной для представителей жениха кибиткѣ, отдѣльно отъ другихъ гостей. Въ кибиткѣ, непосредственно за порогомъ, женщины предварительно выкопали плоскую яму и покрыли ее войлокомъ. Какъ только пріѣзжіе входятъ въ кибитку, они спотыкаются и попадаютъ въ яму; въ то же мгновеніе женщины, размѣстившіяся по сторонамъ двери, набрасываются на нихъ и вымазываютъ имъ лицо мукой. Всеобщее ликованіе награждаетъ эту шутку. Мужчины вытираютъ лицо и садятся на почетное мѣсто у стѣны кибитки противъ двери. Начинается веселье: ѣдятъ, пьютъ, поютъ, играютъ и шутятъ; при шуткахъ особенно отличаются женщины: однѣ кидаютъ въ мужчинъ хлѣбцы, орѣхи и т. п. въ то время, какъ другія возятся около гостей, дѣлаютъ видъ, что копаются въ ящикахъ, наставленныхъ другъ на друга вдоль стѣнъ, или возятся съ кошмами, или же заматываютъ войлочный пологъ кибитки, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху,—на самомъ же дѣлѣ халаты мужчинъ оказываются пришитыми другъ къ другу или къ рѣшеткамъ кибитки. Снова ликованіе, когда мужчины хотятъ подняться и замѣчаютъ продѣлку. Они просятъ женщинъ

освободить ихъ — самимъ это сдѣлать не позволяетъ обычай — и должны дать за себя выкупъ (халатами, матеріями, или деньгами). Послѣ угощенія гости постепенно расходятся, остаются только послы жениха: ихъ одариваютъ, причемъ степень родства играетъ роль въ большей или меньшей цѣнности подарка; затѣмъ вручаютъ имъ условленный при первыхъ переговорахъ кіитъ за — неполученный еще — калымъ. Сдѣлавъ съ своей стороны приглашеніе хозяезамъ, посланные жениха отправляются домой.

Послѣ этой свадьбы ждутъ, чтобы дѣти выросли. Если дѣвочка тѣмъ временемъ умретъ, то калымъ долженъ быть возвращенъ. Когда по мнѣнію отца дѣвочка уже созрѣла достаточно, онъ посылаетъ къ семьѣ жениха спросить, согласна ли она отпраздновать свадьбу, и условиться о подаркѣ, который женихъ при своемъ первомъ посѣщеніи привезетъ своей невѣстѣ. Большею частью относительно этого подарка, называемаго „каде", уславливаются заранѣе для того, чтобы избѣжать недоразумѣній. Дома жениху устраивается прощальное празднество (третья свадьба), послѣ котораго онъ, одѣтый въ праздничное платье, на лучшей своей лошади, украшенной новой сбруей (таб. 23), и въ сопровожденіи одного или двухъ друзей или родственниковъ отправляется, захвативъ к а д е, въ аулъ невѣсты, въ которомъ празднуется затѣмъ „четвертая свадьба". Всѣ приготовленія къ этой свадьбѣ особенно сложны. Задолго уже разсылаются многочисленныя приглашенія, берутся взаймы кибитки для размѣщенія гостей, распредѣляются лошадиныя скачки и жертвуются призы для нихъ, дѣлаются покупки, приготовляются къ праздничному жаркому бараны и т. д. Уже наканунѣ празднества являются ближайшіе родственники, разставляютъ свои кибитки и помогаютъ семьѣ въ приготовленіяхъ. На утро со всѣхъ сторонъ стекаются большими

группами приглашенные, и скоро пестрое оживленіе наполняетъ аулъ. Тутъ со спутанными передними ногами, въ праздничныхъ уборахъ, тѣснится съ сотню лошадей; гости разсматриваютъ новыя войлочныя попоны, вышитыя кожаныя подушки, сѣдла, украшенныя рѣзьбой и костяной инкрустаціей. Тамъ длиннымъ рядомъ растянулись костры изъ верблюжьяго навоза, и надъ ними кипятъ большіе желѣзные котлы, а поблизости, въ пустой кибиткѣ, нарѣзаютъ уже порціями готовое мясо, — дѣло довольно сложное, такъ какъ куски рѣжутся и распредѣляются соотвѣтственно рангу и возрасту гостей и ѣдятся изъ общихъ чашекъ. Кто либо изъ опытныхъ родственниковъ беретъ, поэтому, на себя эту щекотливую обязанность, и подъ его присмотромъ чашки разносятся (таб. 22). Между кибитками царитъ оживленіе, всѣ ходятъ отъ одной кибитки къ другой, привѣтствуютъ другъ друга, сообщаютъ послѣднія новости, обсуждаютъ предстоящія скачки, держатъ пари, уславливаются относительно борьбы и т. п. Каждый вновь прибывающій гость встрѣчается торжественно, его ведутъ къ кибиткамъ, гдѣ его ждетъ веселье, смѣхъ и шутки, пѣнье и музыка, прохладительный кумысъ и несмѣтное количество чаю; снаружи же въ это время кибитку обступаетъ любопытная толпа (таб. 22).

Женихъ во всемъ этомъ не принимаетъ никакого участія; онъ долженъ остановиться въ верстѣ приблизительно отъ аула и послать сопровождающаго его друга или родственника въ аулъ извѣстить о своемъ прибытіи; онъ же, одинъ или, если его сопровождало нѣсколько человѣкъ, то въ обществѣ остальныхъ путниковъ, остается ждать подъ прикрытіемъ холма, или въ ложбинѣ, или въ какомъ либо другомъ укромномъ мѣстѣ, пока не возвратится посланный. Этого послѣдняго тѣмъ временемъ встрѣчаютъ въ аулѣ,

какъ и прочихъ гостей, ведутъ въ кибитку и угощаютъ, а толпа женщинъ и дѣвушекъ спѣшитъ къ мѣсту, гдѣ укрылся женихъ; при ихъ приближеніи женихъ встаетъ и молча привѣтствуетъ ихъ, какъ при молитвѣ, троекратнымъ низкимъ наклоненіемъ головы: женщины предлагаютъ выстроить ему за подарокъ палатку; женихъ отсылаетъ ихъ къ своему другу, женщины бѣгутъ къ его кибиткѣ, получаютъ отъ него подарокъ, называемый шадыръ-бейгесси (=палатки — призъ на скачкахъ, въ данномъ случаѣ подарокъ за палатку) и сооружаютъ изъ палокъ и войлока палатку, а иногда и цѣлую кибитку, въ которой женихъ долженъ провести слѣдующіе двадцать четыре часа. Онъ какъ бы узникъ женщинъ, которыя держатъ его въ отдаленіи отъ аула и отъ невѣсты и поддразниваютъ его всякими остротами и насмѣшками; но въ то же время онѣ заботятся о немъ, носятъ ему кушанья и держатъ въ теплѣ чайный котелъ (таб. 23).

Какъ и женихъ, невѣста также остается въ сторонѣ отъ празднества. Какъ только она узнаетъ, что ея будущій мужъ находится вблизи ея аула, она тихо садится у стѣны кибитки, закрываетъ свое лицо и изображаетъ стыдъ, печаль и боязнь. Вокругъ нея собираются подруги и утѣшаютъ ее. Это утѣшеніе необходимо ей особенно въ тотъ моментъ, когда начинаютъ рѣзать барановъ, о чемъ официально извѣщаютъ невѣсту маленькія дѣвочки, — тогда всѣ начинаютъ громко плакать и вопить. Представитель жениха раздаетъ всѣмъ, кто принимаетъ участіе въ рѣзаніи барановъ и приготовленіи мяса, подарки.

Послѣ обѣда наступаетъ главный моментъ всего празднества: скачки. Условливаются относительно длины бѣговой дороги, которую опредѣляютъ въ десять, иногда даже въ двадцать и двадцать пять верстъ. Наѣздники, по большей

части мальчики и юноши, отправляются къ старту, у цѣли собирается все свадебное общество — почетные гости постарше въ арбѣ, остальные верхомъ — и всѣ ждутъ начала скачекъ (таб. 24). Вдали подымается облако пыли: „Ѣдутъ, ѣдутъ" — все тѣснится къ бѣговой дорогѣ, скачетъ галопомъ, несется рядомъ, подстрекаетъ наѣздниковъ, оттѣсняетъ тѣхъ, кому не симпатизируетъ. Друзья лошади, идущей впереди, бросаютъ наѣзднику веревку и помогаютъ ему такимъ образомъ своими свѣжими лошадьми одержать побѣду (таб. 24). Побѣдителя ждетъ награда въ нѣсколько десятковъ рублей. За главными скачками слѣдуютъ другія скачки на лошадяхъ, примѣрные бои, подниманіе на всемъ скаку съ земли платка, борьба и т. п. Когда зрѣлища кончены, всѣ направляются обратно въ аулъ, собираются вокругъ кибитки невѣсты; кошмы, покрывающія кибитку, заворачиваются на верхъ, такъ что черезъ рѣшетки видна съ покрытымъ лицомъ, въ кругу своихъ подругъ, невѣста; невѣстѣ и ея семьѣ поются импровизированныя хвалебныя пѣсни. Мать невѣсты награждаетъ пѣвцовъ подарками.

Для стариковъ на этомъ празднество заканчивается, они отправляются домой; молодые же люди вмѣстѣ съ дѣвушками остаются еще и начинаютъ готовиться къ слѣдующему моменту празднества — борьбѣ. Вечеръ этой свадьбы невѣста должна провести въ кибиткѣ какой нибудь дружественной семьи, которая получаетъ за это отъ жениха, вѣрнѣе отъ его представителя (женихъ все еще остается въ своей палаткѣ) извѣстную плату и должна взять на себя дальнѣйшее празднованіе. Хозяинъ кибитки посылаетъ свою жену къ невѣстѣ и проситъ послѣднюю прійти въ его кибитку. Невѣста отказывается. На многократныя просьбы невѣста отвѣчаетъ тѣмъ же. Приглашающая обращается къ подругамъ невѣсты съ просьбою привести къ ней не-

вѣсту, но получаетъ тотъ же отказъ. Тогда она приводитъ себѣ на помощь другихъ женщинъ, и онѣ стараются вырвать у подругъ невѣсту. Начинается жестокая борьба, защитники невѣсты одной рукою хватаются за рѣшетки кибитки, которыя при этомъ нерѣдко ломаются, другою рукою держатся другъ за друга, образуя какъ бы стѣнку передъ испуганной, сильно помятой невѣстой; противники хватаютъ невѣсту за руки и плечи и стараются тянуть ее впередъ. Этотъ моментъ борьбы заканчивается побѣдою партіи невѣсты. Но побѣжденныя не должны на этомъ успокоиться, т. к. женщина, предводительствующая ими, получила уже отъ жениха деньги на угощеніе невѣсты и должна во что бы то ни стало исполнить возложенную на нее миссію. Она отправляется за подкрѣпленіемъ; на этотъ разъ она призываетъ мужчинъ, которымъ обѣщаетъ подарки (ихъ возмѣщаетъ потомъ представитель жениха) и соединенными силами борьба снова возгорается; если партія невѣсты съ своей стороны призываетъ на помощь мужчинъ, борьба продолжается дольше, но, наконецъ, заканчивается пораженіемъ партіи невѣсты. Одна подруга невѣсты за другою вытаскиваются изъ кибитки, а невѣсту, которая кричитъ и защищается, заворачиваютъ въ коверъ и при громкомъ ликованіи несутъ въ кибитку, гдѣ она должна провести вечеръ. Здѣсь весело пируютъ, поютъ, играютъ, ѣдятъ и пьютъ, а невѣста одна только сидитъ при этомъ молча. Въ двѣнадцать часовъ ночи невѣста возвращается въ кибитку отца, гдѣ въ первый разъ должна привѣтствовать своего жениха; но она сопротивляется снова, и борьба опять начинается, съ тою только разницею, что теперь на ея сторонѣ семья, у которой она провела вечеръ и которая раньше была противъ нея; эта семья не можетъ допустить, чтобы изъ ея кибитки похитили гостя, который находится всегда подъ полною защитою хозяина дома. Какъ

и въ первый разъ, обѣ партіи набираютъ союзниковъ, и борьба, какъ и раньше, заканчивается тѣмъ, что отбивающуюся невѣсту завертываютъ въ коверъ и уносятъ. На полпути процессію встрѣчаютъ снова противники, но отъ нихъ откупаются подарками, и невѣсту доставляютъ благополучно въ кибитку отца. Здѣсь ее оставляютъ одну, т. е. кибитку, имѣющую только одно общее помѣщеніе, въ которомъ спятъ и родители, разгораживаютъ пологомъ, протянутымъ отъ стѣны къ стѣнѣ, такъ что отдѣляется уголъ, въ которомъ происходитъ первая встрѣча молодыхъ. Одна изъ родственницъ невѣсты беретъ на себя роль посредницы, она освобождаетъ жениха изъ его убѣжища и приводитъ его къ наружной сторонѣ кибитки, гдѣ онъ долженъ ждать; сама же посредница заходитъ въ кибитку, беретъ руку невѣсты и черезъ рѣшетку кладетъ ее въ руку ожидающаго снаружи жениха. Только послѣ этого она вводитъ жениха въ кибитку, причемъ на пути его еще перехватываютъ и задерживаютъ другія женщины, отъ которыхъ онъ откупается подарками; въ кибиткѣ она представляетъ его невѣстѣ со словами: „вотъ твой женихъ, Богъ и твои родители хотѣли его, можете теперь поговорить другъ съ другомъ“, послѣ чего получаетъ въ свою очередь подарокъ и оставляетъ молодыхъ людей однихъ. Передъ кибиткой она останавливается, чтобы подслушать, какъ ведетъ себя дѣвушка, дѣлаетъ ей выговоръ, если находитъ, что невѣста недостаточно привѣтлива съ женихомъ, и уходитъ только тогда, когда сама дѣвушка ее отсылаетъ, — знакъ, что молодые столковались. По обычаю старины въ этой стадіи свадебнаго церемоніала болѣе интимное сближеніе между молодыми не должно имѣть мѣсто.

Еще до наступленія дня женихъ долженъ снова возвратиться въ свою палатку и оставаться тамъ слѣдующіе

Осѣдланная киргизская лошадь.

Киргизскія дѣвочки.

Туркменка за трепаніемъ шерсти.

Изготовленіе войлока у киргизовъ.

Туркменка за трепаніемъ шерсти.

Изготовленіе войлока у киргизовъ.

двадцать четыре часа. Случается, что невѣста посѣщаетъ его ночью, но это бываетъ рѣдко. На третій день рано утромъ онъ прощается съ женщинами и дѣвушками, которыя окружали его; при этомъ въ ходъ пускаются опять шутки, женщины удерживаютъ его, стараются стянуть съ лошади, сопровождающій его другъ долженъ выкупить его подарками, а затѣмъ онъ ѣдетъ домой.

Все слѣдующее за этимъ время женихъ употребляетъ на то, чтобы готовить подарки — халаты, овецъ и т. п. — для родителей своей невѣсты; онъ можетъ посѣщать дѣвушку, не ища, однако, съ нею сближенія, какъ этого требуетъ старинный обычай. Затѣмъ наступаетъ „пятая свадьба", которая празднуется въ его аулѣ и похожа на третью, съ тою только разницею, что расходы на этотъ разъ несутъ родственники. Непосредственно за нею слѣдуетъ „шестая свадьба", которая сходна съ четвертою. Приглашенія и угощенія происходятъ въ томъ же порядкѣ, при чемъ ставится еще совершенно новая кибитка для невѣсты. Женихъ отвозитъ свои подарки въ аулъ невѣсты и снова долженъ ожидать въ своемъ убѣжищѣ. Невѣсту послѣ жестокой борьбы снова относятъ въ кибитку дружественной семьи, гдѣ она уже провела вечеръ четвертой свадьбы; тамъ молодежь веселится, поетъ и продѣлываетъ разныя веселыя шутки. Къ двѣнадцати часамъ ночи здѣсь собираются всѣ родственники, кромѣ жениха и родителей невѣсты, и тогда посылается за муллой, который беретъ теперь на себя официально дальнѣйшее веденіе дѣла. Послѣ короткой комедіи, состоящей въ томъ, что другъ жениха разыгрываетъ его отца, а другой кто либо отца невѣсты, и между ними происходятъ переговоры относительно калыма, какъ если бы все дѣло со сватовствомъ начиналось сызнова — мулла посылаетъ ихъ обоихъ въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей къ невѣстѣ, ко-

торая сидитъ у стѣны въ той же кибиткѣ, и велитъ спросить ее, желаетъ ли она выйти замужъ за назначеннаго ей жениха. Послѣ нѣкотораго притворства она отвѣчаетъ утвердительно или молчитъ, что также равносильно согласію, а подруга отвѣчаетъ за нее. Получивъ согласіе, посланные отправляются къ жениху, который тѣмъ временемъ оставилъ свое убѣжище и ожидаетъ передъ кибиткой, задаютъ ему тотъ же вопросъ, на который, понятно, получаютъ тотчасъ же утвердительный отвѣтъ, и приносятъ отвѣтъ муллѣ. Послѣдній велитъ спросить у жениха, сколько тотъ даетъ ему за вѣнчаніе, и послѣ длиннаго торга, за пять или десять рублей, смотря по состоянію невѣсты, изъявляетъ согласіе поженить молодую пару. Передъ муллою ставится закрытая чаша съ водою, онъ произноситъ благословеніе и отпиваетъ немного воды, которую затѣмъ подносятъ невѣстѣ и послѣ того, какъ та отпиваетъ глотокъ, передаютъ жениху; послѣдній также отпиваетъ, чаша относится въ кибитку и обносится всѣмъ приглашеннымъ, начиная со старшаго. Послѣ этого мулла и прочіе мужчины оставляютъ кибитку, женихъ возвращается въ свое убѣжище, женщины и дѣвушки снова устраиваютъ сраженіе, которое оканчивается пораженіемъ невѣсты и водвореніемъ ея въ кибиткѣ отца. Тутъ снова выступаетъ на сцену женщина, сыгравшая при первомъ привѣтствіи молодой пары роль посредницы. Со своими помощницами она отводитъ жениха и невѣсту въ новую кибитку, желаетъ имъ счастья и предоставляетъ, наконецъ, молодую чету другъ другу. Не обходится, конечно, безъ того, чтобы женщины не остались еще немного на дворѣ, чтобы подслушать черезъ откровенную стѣнку кибитки молодое счастье, но мѣшать новобрачнымъ уже больше не разрѣшается. Прежде на обязанности женщинъ лежало разслѣдовать ложе съ цѣлью убѣдиться въ безпорочіи невѣсты

и доставить доказательства родителямъ, чтобы поздравить ихъ съ отличною дочерью; если же изслѣдованіе давало отрицательные результаты, то дѣло не обходилось безъ скандала; но въ общемъ это случалось рѣдко, т. к. прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ къ овечьей крови. Въ нынѣшнія времена нравы далеко не такъ строги; сношенія до брака не такъ ужъ рѣдки; если эти сношенія ведутъ къ послѣдствіямъ, то родственницы провинившейся, часто съ согласія матери, но безъ вѣдома отца, устраиваютъ, съ помощью или безъ помощи знахаря, абортъ. Хорошимъ пріемомъ считается при этомъ давить или бить по животу беременной.

На утро послѣ брачной ночи отецъ невѣсты въ первый разъ видитъ официально жениха; онъ призываетъ молодыхъ въ свою кибитку, благословляетъ ихъ и угощаетъ. Дня черезъ два молодые отправляются верхомъ вмѣстѣ съ матерью новобрачной, захвативъ новую кибитку и приданое, въ аулъ жениха; тамъ празднуется „седьмая свадьба", такая же, какъ и прежнія, съ угощеніемъ, играми и скачками, но само собою уже безъ всякой борьбы и похищеній невѣсты. Молодая носитъ при этомъ высокую, вышитую и украшенную серебромъ бархатную шапку—сеукеле *)—(рис. 17). Показывается и критикуется приданое, отецъ молодого благодаритъ мать новобрачной и одариваетъ всѣхъ родственниковъ, которые съ своей стороны жертвовали что нибудь для празднества; затѣмъ всѣ расходятся. Приданое остается въ собственность тестя, который даетъ по своему усмотрѣнію все необходимое для новаго хозяйства.

Въ описанныхъ обычаяхъ перемѣшаны, конечно, старинные нравы съ новыми шуточными добавленіями, несомнѣнные остатки прежнихъ дѣйствительныхъ похищеній невѣсты

*) Перев.

съ компромиссами болѣе мирнаго времени, требованія патріархальной строгости съ уступками, допускаемыми болѣе легкими нравами. Невѣста далеко не такъ несвободна, какъ это кажется, судя по свадебному церемоніалу, и какъ это въ старину дѣйствительно и было. Хотя она и сидѣла, закутанная въ покрывало и безучастная въ своей кибиткѣ, хотя ее и тянули въ борьбѣ въ разныя стороны и уносили, какъ добычу, въ коврѣ, хотя переговоры велись съ однимъ женихомъ, котораго она раньше не должна была видѣть, но тѣмъ не менѣе у нея подъ конецъ мулла все таки спрашивалъ, согласна ли она на этотъ бракъ. Конечно, въ этотъ моментъ ея согласіе—лишь внѣшняя форма, но невѣста всегда имѣетъ возможность до начала церемоній отказаться отъ жениха, если она его не любитъ и хочетъ другого въ мужья. Добрые друзья улаживаютъ всякія тренія между обѣими сторонами и помогаютъ устранить главное затрудненіе—денежный вопросъ. Если невѣста отказывается пе-

Рис. 17.
Киргизская с е у к е л е — шапка новобрачной.

редъ четвертою свадьбой, то отцу ея приходится вернуть полученный за нее калымъ въ двойномъ размѣрѣ; если же это случается позже, то онъ возвращаетъ только то, что получилъ. Въ мое пребываніе среди киргизовъ, невѣста однажды отказалась отъ своего жениха потому, что послѣдній вступилъ въ интимныя отношенія съ другими женщинами,—шагъ, доказывающій, несомнѣнно, извѣстную самостоятельность. За женщиной признается въ настоящее время также и право на разводъ. Мужское безсиліе, измѣна и плохое обращеніе являются достаточнымъ къ разводу поводомъ. Для развода составляется соотвѣтствующій актъ: его подписываетъ сначала мужъ, потомъ мулла и представитель русской власти, киргизскій окружный начальникъ. Жена не подписываетъ разводнаго акта — ни сама, ни черезъ своего уполномоченнаго — такъ далеко не заходитъ признаніе за женщиной самостоятельности. Разведенная жена возвращается къ своимъ родителямъ или снова выходитъ замужъ; второй бракъ не сопровождается свадьбой, ограничиваются лишь благословеніемъ муллы. Дѣти остаются при отцѣ.

Если вступаетъ во второй бракъ вдовецъ, которому больше сорока лѣтъ, то послѣ переговоровъ о калымѣ и состоявшагося соглашенія слѣдуетъ церемонія благословенія муллой новобрачныхъ; если вдовецъ не достигъ указаннаго возраста, то иногда повторяется весь свадебный церемоніалъ, какъ и при его первой женитьбѣ. Когда умираетъ мужъ, его вдова — прежде это было правиломъ—переселяется къ брату покойнаго и часто выходитъ за него замужъ; иногда же она вступаетъ въ новый бракъ съ постороннимъ. Трауръ продолжается отъ полугода до года. Траурная одежда выражается лишь въ измѣненной повязкѣ головного платка.

По смерти отца ему наслѣдуютъ тѣ сыновья, которые еще не женаты и продолжали жить при немъ; если же всѣ

сыновья уже отдѣлились отъ отца, то наслѣдуетъ младшій изъ сыновей,—въ этомъ случаѣ онъ долженъ снова возвратиться въ кибитку отца. Старшіе женатые сыновья еще при жизни отца получаютъ свою долю и не должны предъявлять никакихъ правъ на состояніе отца.

Киргизамъ разрѣшается имѣть до пяти женъ, но въ настоящее время полигамія падаетъ: въ половинѣ случаевъ ограничиваются одною женою, въ остальныхъ большею частью двумя; туркмены же почти всегда придерживаются моногаміи, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ имѣютъ до трехъ женъ. Главное мѣсто занимала прежде первая жена, теперь же его можетъ занять и младшая. Если первая жена стара и бездѣтна, то случается, что она сама выбираетъ для своего мужа вторую, молодую жену, чтобы имѣть въ хозяйствѣ помощницу, а въ кибиткѣ — дѣтей. Въ этихъ случаяхъ согласіе въ семьѣ не нарушается. Если же мужъ при еще молодой женѣ беретъ себѣ вторую, то дѣло не обходится безъ ревности и ссоръ.

Жены, по возможности, живутъ вообще въ разныхъ кибиткахъ; иногда же при хорошихъ отношеніяхъ между членами семьи и при достаточно помѣстительной кибиткѣ вся семья живетъ въ общей кибиткѣ. У туркменовъ женитьба старшаго сына не служитъ поводомъ къ раздѣленію, — молодая жена вступаетъ въ семью мужа. Только, когда женится второй сынъ, старшій отдѣляется и ставитъ свою собственную кибитку. Если у отца нѣсколько женъ, то мать женившагося сына переселяется иногда вмѣстѣ съ нимъ.

Среди очень бѣдныхъ киргизовъ бываютъ случаи, что одну кибитку раздѣляютъ нѣсколько семействъ: при обиліи дѣтей у киргизовъ это создаетъ невообразимую тѣсноту, особенно зимою; лѣтомъ большинство предпочитаетъ спать на открытомъ воздухѣ, и ночью вокругъ кибитки можно видѣть

свертки различной величины изъ войлока и ковровъ, которые при ближайшемъ разсмотрѣніи выдаютъ свою истинную натуру. Десять—двѣнадцать дѣтей для женщинъ не рѣдкость. Весь аулъ кишитъ дѣтьми и полонъ визгу и писку, — и на величавую тишину степи нѣтъ тамъ и намека. Это обиліе подрастающаго поколѣнія даетъ идею о тѣхъ человѣческихъ массахъ, которыя пришли въ движеніе нѣкогда, во времена монгольскихъ нашествій,—дѣтей было и въ тѣ времена, вѣроятно, не меньше: степь, въ которой находятъ дѣтей, какъ у насъ приноситъ ихъ аистъ, была, конечно, и въ старину такой же безграничной.

Съ числомъ дѣтей растетъ и любовь къ нимъ, на нихъ обращается вся нѣжность отца, въ которой отказывается матери. Вообще говоря, мужъ не проявляетъ особой нѣжности къ женѣ, и на мои разспросы объ этомъ мнѣ отвѣчали: „иногда спрашиваешь объ ихъ здоровьѣ". Но не слѣдуетъ дѣлать изъ такого отвѣта неправильныхъ выводовъ. Одинъ киргизъ спросилъ меня, какъ поступить, если жена не слушается и тутъ же добавилъ: „ее бьютъ"; но тотъ же киргизъ, когда его спросили, кто его идеалъ красоты, отвѣтилъ: „моя жена". Съ порабощеніемъ женщины дѣло обстоитъ далеко еще не такъ плохо, отношенія между супругами далеко еще не отношеніе господина къ рабу; встрѣчаешь браки, основанные на согласіи и взаимномъ уваженіи, видишь женщинъ, принимающихъ участіе въ общей бесѣдѣ, веселыхъ и шаловливыхъ—только при шуткахъ, идущихъ ужъ черезчуръ далеко, онѣ прикрываютъ угломъ платка ротъ и хихикаютъ; часто женщины выступаютъ въ роли хозяйки дома, берутъ, напримѣръ, на себя за отсутствіемъ мужа, какъ мы видѣли, обязанности гостепріимства по отношенію къ гостямъ и т. п.

Я имѣю въ виду всегда современныя условія. Киргизы, безспорно, находятся въ переходной стадіи, старые взгляды

теряютъ свою опредѣленность, строгія правила нравственности смягчаются, національные обычаи растворяются и исчезаютъ. Въ прежнее время женщины при встрѣчѣ со старшими, будь то женщина или мужчина, сгибали въ видѣ привѣтствія колѣна, теперь ограничиваются легкимъ поклономъ со скрещенными у таліи руками; но и это привѣтствіе уже не повсюду считается правиломъ, можно видѣть и сердечныя привѣтствія между женщинами, выражающіяся въ легкомъ обниманіи другъ друга за талію.

Въ прежнее время мужчины ѣли отдѣльно, теперь же мужчины и женщины ѣдятъ одновременно, лишь на раздѣльныхъ мѣстахъ, мужчины на одной сторонѣ или въ серединѣ кибитки, женщины на другой сторонѣ или у стѣны. У туркменовъ и до сихъ поръ застольные нравы нѣсколько строже: женщины ихъ сидятъ лицомъ къ стѣнѣ и берутъ какъ бы украдкой то, что имъ протягиваетъ мужъ или то, что отъ послѣднихъ осталось. Ту же позу женщины должны хранить и въ то время, когда онѣ подаютъ чай; такъ что имъ приходится, прокрадываясь изъ-за угла, медленно протягивать руку съ наполненнымъ стаканомъ или брать обратно пустой; въ той же позѣ туркменка остается и тогда, когда принимаетъ участіе въ разговорѣ. У киргизовъ, напротивъ того, разливающая чай Гекуба сидитъ въ своей обычной позѣ стрѣлка или на корточкахъ непосредственно передъ нами у очага, опираясь правымъ локтемъ о колѣно, съ лицомъ, повернутымъ въ нашу сторону, хотя и съ опущеннымъ взоромъ. Во время обѣда онѣ, впрочемъ, также сидятъ въ сторонѣ и ожидаютъ терпѣливо остатковъ. Дочери ѣдятъ всегда отдѣльно.

Какъ не приходится говорить о рабствѣ женщины въ ея супружеской жизни, такъ же точно не можетъ быть рѣчи о роли вьючнаго животнаго, когда женщину разсматриваютъ

Кибитка съ ткацкимъ станкомъ.

Туркмены по дорогѣ къ водопою.

СССР Библиотека имени Ленина

какъ работницу. Здѣсь господствуетъ раздѣленіе труда. Мужъ заботится о стадахъ, жена о домѣ и кухнѣ, заполняя свое свободное время тѣмъ, что прядетъ, ткетъ или готовитъ войлокъ. Если въ результатѣ такого раздѣленія труда вся выгода на сторонѣ мужчины, то причина этому ни въ его злобѣ, ни въ желаніи господствовать, — это лежитъ въ самихъ условіяхъ здѣшняго хозяйства, исключающихъ для мужчины всѣ тяготы землепашца, весь неустанный трудъ ремесленника и всѣ заботы торговца. Новый фазисъ хозяйства внесетъ и въ соціальныя условія свои перемѣны.

Рис. 18.
Киргизская праща.

ГЛАВА VI.

Болѣзни и смерть.

Сколько мнѣ ни приходилось читать о киргизахъ, вездѣ выставляется на видъ ихъ превосходное здоровье. Относительно Мангышлака я, на основаніи какъ собственныхъ наблюденій, такъ и разспросовъ, могу только присоединиться къ этому мнѣнію. Смертность среди дѣтей при высокой цыфрѣ рождаемости очень невелика, несмотря на плохой физическій уходъ за ребенкомъ, безпокойство, сопряженное съ кочевой жизнью, на массу, въ гигіеническомъ отношеніи не безупречной, пыли, подымаемой въ степи сильными вѣтрами, и на рѣзкія колебанія температуры. Отличное, безъ исключенія, материнское молоко, продолжительность кормленія ребенка грудью и унаслѣдованная громадная выносливость расы — одинаково благопріятно вліяютъ въ этомъ смыслѣ.

Изъ наиболѣе частыхъ болѣзней отмѣчаютъ среди взрослыхъ накожныя сыпи, глазныя болѣзни, оспу, сифилисъ, простудные катарры. Однако, въ рѣшеніи вопроса о распространенности болѣзней не мѣшаетъ нѣкоторая осмотрительность. Сыпи, напр., не больше распространены, по-моему, чѣмъ у насъ; даже, напротивъ того, мнѣ бросался въ

глаза чистый цвѣтъ лица у мѣстнаго населенія; глазныя болѣзни мнѣ попадались чрезвычайно рѣдко, онѣ, можно сказать, отсутствуютъ, если сравнить степь съ туркестанскими городами, а тѣмъ болѣе съ городами на сѣверѣ Африки, какъ Тунисъ, Каиръ и т. д., — городами, въ которыхъ пыль, мухи и нечистота вызываютъ такую массу самыхъ ужасныхъ заболѣваній глазъ, что улицы наполнены отвратительными и печальными картинами. Что касается оспы, то большинство наблюдателей считаетъ ее только спорадической болѣзнью степи, и мнѣ подтвердили, что она, дѣйствительно, не представляетъ тамъ частаго явленія; мнѣ самому нигдѣ не приходилось видѣть столь характерныхъ и бросающихся въ глаза слѣдовъ оспы, какіе еще на каждомъ шагу попадаются въ Россіи и Австріи. Относительно распространенности сифилиса еще преждевременно высказываться, пока нѣтъ достаточнаго числа научно обставленныхъ наблюденій опытныхъ врачей, имѣющихъ за собою болѣе или менѣе продолжительную практику въ степи; показаніямъ туземцевъ нельзя довѣрять, такъ какъ они — чего нельзя имъ поставить въ вину — смѣшиваютъ симптомы и взваливаютъ на эту болѣе или менѣе понятную имъ по своимъ причинамъ половую болѣзнь многое, что не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Трудно, конечно, пока установить ошибки, но я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ, напр., туберкулезъ костей былъ принятъ за луэсъ.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ болѣзней многія нельзя считать очень распространенными, и мнѣ кажется, что можно смѣло утверждать, что населеніе степи отличается прекраснымъ здоровьемъ. Я посѣтилъ сотни кибитокъ, повсюду было извѣстно, что я врачъ, мнѣ приводили больныхъ, но самое большое, что я видѣлъ, были старческая глухота, нѣсколько случаевъ простуднаго катарра и запоры.

и только въ одномъ аулѣ — сразу три случая туберкулеза костей. Послѣднее представляло, однако, единичное явленіе. Но какъ бы то ни было, на туберкулезъ, имѣющій мѣсто въ степи, несмотря на кумысъ и постоянныя „воздушныя ванны", слѣдовало бы обратить вниманіе, хотя я не думаю, чтобы статистическія данныя оказались значительными.

Случаи душевныхъ болѣзней, какъ говорятъ, не рѣдки. но ихъ не окружаютъ никакимъ мистическимъ ореоломъ, какъ это принято на Востокѣ, точно также не оказываютъ душевно больнымъ особаго почитанія и не дѣлаютъ изъ нихъ святыхъ.

Въ киргизской терапіи, кромѣ различныхъ манипуляцій, основанныхъ на суевѣріи, о которыхъ я упоминаю въ другой главѣ, на первомъ мѣстѣ стоятъ потѣніе и леченіе паромъ; они вызываются разными настойками и отварами степныхъ травъ. Относительно леченія сифилиса мнѣ сообщили одинъ методъ, примѣняемый отчасти подъ европейскимъ вліяніемъ: покупается чистая ртуть, растирается съ бараньимъ жиромъ и намазывается на тряпку; затѣмъ больной садится въ яму, ставитъ около себя зажженную свѣчу и покрывается; голова при этомъ оставляется свободной, иначе пары ртути могли бы оказаться опасными для жизни.

При лихорадкѣ, головной боли и т. п. прибѣгаютъ къ кровопусканію; надрѣзъ дѣлаютъ при этомъ подъ языкомъ, на головѣ или на спинѣ; банки также въ употребленіи; прежде для этого брался рогъ, теперь же на больное мѣсто ставятъ стаканъ, сдѣлавъ предварительно небольшой разрѣзъ на кожѣ.

Свое крѣпкое выносливое здоровье киргизъ несомнѣнно черпаетъ изъ главнаго своего источника — расоваго организма, создавшагося путемъ естественнаго подбора и закаленнаго въ суровыхъ условіяхъ кочевническаго хозяйства въ степи, подверженной рѣзкимъ климатическимъ контрастамъ.

Этому здоровью способствуетъ и простая, не раздражающая пища киргизовъ, не прибѣгающихъ ни къ какимъ пряностямъ, не знавшихъ раньше даже ни овощей, ни хлѣба. Я часто спрашивалъ себя, на вѣрномъ ли мы пути съ нашимъ новымъ теченіемъ въ медицинѣ, осуждающимъ мясо и жиры въ пользу овощей и рисующимъ, изъ боязни чрезмѣрнаго питанія, въ самыхъ ужасныхъ краскахъ вредныя послѣдствія мясной пищи. Народъ, который раньше жилъ исключительно мясомъ, жиромъ и кислымъ молокомъ, а сѣяніе хлѣба ввелъ у себя лишь позднѣе — и во многихъ мѣстахъ еще и теперь обходится безъ него — перенялъ отъ сосѣдей одинъ только чай, — такой народъ опрокидываетъ все ученіе о вредѣ мясной пищи, если онъ въ общемъ типѣ и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ проявляетъ столько силы и выносливости, какъ киргизскій. По крайней мѣрѣ, примѣръ этого народа долженъ предостеречь отъ излишнихъ крайностей всѣхъ тѣхъ, кто, ссылаясь на японцевъ, индусовъ и т. п., проповѣдуетъ вегетаріанскій образъ жизни. Относительно пользы или вреда той или другой пищи мы, несомнѣнно, будемъ ближе къ истинѣ, если будемъ исходить изъ принципа „приспособленія“, а не „абсолютнаго закона“. Конечно, трудно представить себѣ, какъ можно недѣлями ѣсть одно мясо совершенно безъ хлѣба: тѣмъ не менѣе обходятся безъ него отлично. Еще одно обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза: какъ у киргизовъ, такъ и у привычныхъ къ кускусу и пряностямъ бедуиновъ, я нашелъ болѣе чистый „національный запахъ“, чѣмъ въ Европѣ. То же самое установлено и относительно японцевъ, и это объясняютъ отсутствіемъ мясной пищи; но послѣ моихъ наблюденій надъ киргизами, я другого мнѣнія и склоненъ думать, что, если мы, европейцы, въ этомъ отношеніи не въ выигрышѣ, то причину этого нужно искать въ способѣ, которымъ печется нашъ хлѣбъ.

При высокомъ общемъ уровнѣ здоровья на Мангышлакѣ не удивляешься больше, когда встрѣчаешь веселыхъ стариковъ восьмидесяти и больше лѣтъ, которые, оставивъ уже далеко позади себя обязанность служить благороднымъ цѣлямъ брака, наслаждаются закатомъ своихъ дней за ѣдой и питьемъ. Къ нимъ относятся до конца съ уваженіемъ; я видѣлъ, напр., какъ сынъ раскусывалъ своими зубами большіе куски сахару и клалъ крошечные кусочки передъ своимъ дряхлымъ отцомъ, чтобы тотъ могъ пить свой чай въ прикуску, по русскому обычаю.

Киргизы выглядятъ часто старше своихъ лѣтъ, но это не должно вводить въ заблужденіе, когда судишь объ ихъ здоровьѣ; — киргизы рано созрѣваютъ, вѣтеръ и непогода проводятъ рано морщины на ихъ лицѣ, особенно на лбу, гдѣ уже на третьемъ десяткѣ отъ роду я постоянно видѣлъ глубокія складки; волосы у нихъ рано рѣдѣютъ и сѣдѣютъ. При опредѣленіи ихъ возраста я обыкновенно давалъ имъ больше, точно также какъ киргизы ошибались въ обратную сторону, уменьшая мнѣ года; они каждый разъ удивлялись, что я въ сорокъ лѣтъ выгляжу моложе, чѣмъ они въ тридцать.

Когда кто либо умираетъ, его тѣло обмываютъ, причемъ мужчину моютъ мужчины, женщину—женщины, и завертываютъ въ три или (у женщинъ) пять простынь, которыя завязываютъ у головы, рукъ и ногъ.

Въ первый вечеръ послѣ смерти въ кибитку, которую постигло несчастье, собираются родственники и друзья, совершаютъ общія молитвы и получаютъ угощеніе. По уходѣ гостей, родственники кладутъ въ сумку хлѣбъ и мясо, обводятъ ею надъ головою покойника и затѣмъ съѣдаютъ ея содержимое. Этотъ обычай является, несомнѣнно, пережиткомъ временъ шаманства и символизируетъ тѣ жертвы, которыя приносились душѣ умершаго или для умиротворенія

предковъ и духовъ. Похороны совершаются въ день смерти вечеромъ или, если покойникъ умеръ вечéромъ, на слѣдующій день до полудня. Крайній срокъ — это полтора дня. Только если смерть застигла кого либо въ пути зимою, и онъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ на родинѣ, тѣло кладутъ на верблюда и совершаютъ часто въ теченіе многихъ дней долгій обратный путь домой. Отъ кибитки къ могилѣ покойника несутъ мужчины, независимо отъ того, женское ли это тѣло или мужское; женщины не сопровождаютъ умершаго. Если преданіе тѣла землѣ совершается гдѣ нибудь далеко, какъ напр. въ вышеописанномъ случаѣ, или на какомъ либо опредѣленномъ кладбищѣ, вблизи могилы извѣстнаго святого и т. п., то жена на верблюдѣ также сопровождаетъ покойника.

Могила представляетъ четырехугольную яму около полутора метровъ глубиною; верхніе края этой ямы выступаютъ внутрь и суживаютъ ее такимъ образомъ. Тѣло освобождаютъ изъ простынь только настолько, чтобы лицо осталось открытымъ, и затѣмъ опускаютъ въ могилу, ничего туда не вкладывая; на выступъ наваливаютъ камни, закрывая такимъ образомъ могилу, причемъ тѣло покойника лежитъ въ могилѣ совершенно свободно. Чтобы на него не попала земля, камни покрываютъ кошмой и затѣмъ уже набрасываютъ землю, поверхъ которой, для защиты могилы отъ звѣрей, снова кладутъ камни.

На третій, седьмой, сороковой и сотый день послѣ смерти въ память умершаго снова собираются и угощаются. Особенно торжественныя поминки совершаются въ годовщину смерти. Часто собирается при этомъ до тысячи и больше человѣкъ; всѣ надѣваютъ свои праздничныя платья, старинныя фамильныя драгоцѣнности и, какъ на свадьбу, являются на своихъ лучшихъ лошадяхъ. За много недѣль до празднества разсылаются приглашенія, причемъ для дня торжества

выбирается ближайшее къ годовщинѣ полнолуніе, дабы можно было всѣ отложенныя изъ за торжества работы по хозяйству сдѣлать въ теченіе ночи. Скачки и игры и здѣсь, какъ и во время свадебнаго пиршества, составляютъ вѣнецъ торжества, о самомъ же покойникѣ тутъ нѣтъ и рѣчи, и никакого поминальнаго акта на кладбищѣ не совершается. На кладбище отправляются только, когда ставятъ надъ могилой такъ называемый памятникъ. Собственно, это названіе заслуживаютъ только сооруженія на подобіе мавзолеевъ, какія, само собою, могутъ позволить себѣ лишь богатые и которыя, поэтому, встрѣчаются надъ небольшой частью могилъ. Обыкновенно памятники надъ могилами, отчасти разбросанными, но большею частью соединенными въ кладбище, имѣютъ самую различную форму, смотря по матеріалу, который имѣется подъ рукою, и общественному положенію умершаго: но, мнѣ кажется, въ нихъ всегда можно найти основныя линіи мавзолеевъ.

Я уже сказалъ, что для защиты отъ животныхъ на засыпанныя землею могилы накладываются еще камни; иногда это мелкая галька, носящая на могилѣ какъ бы случайный характеръ, иногда же большія плиты, наложенныя другъ на друга; у туркменовъ встрѣчаются обтесанныя на подобіе саркофаговъ четырехугольныя плиты съ лежащимъ на нихъ камнемъ, по формѣ напоминающемъ капитель, съ высѣченною на немъ надписью — стилизація, быть можетъ, обычныхъ на ближнемъ Востокѣ тюрбанообразныхъ верхушекъ надмогильныхъ камней (таб. 26). Здѣсь, какъ мы видимъ, памятники играютъ уже роль отличительнаго знака, въ первоначальной же стадіи ихъ назначеніе было служить для защиты могилы; они представляли просто положенный на могилу валунъ, и лишь впослѣдствіи память умершаго находитъ себѣ болѣе достойное выраженіе въ обтесанныхъ плитахъ, надписяхъ, въ искусно

Печеніе хлѣба.

Куполообразныя и остроконечныя крыши кибитокъ.

ГИМ им. В.И. Ленина СССР

орнаментированныхъ камняхъ. Сюда-же нужно отнести и деревянные шесты въ видѣ мачтъ, склоняющіеся надъ изголовьемъ могилъ святыхъ; ихъ можно видѣть и на Мангышлакѣ, но здѣсь я встрѣчалъ только одиночные шесты, не украшенные лошадиными хвостами въ противоположность туркестанскимъ могиламъ, гдѣ такіе шесты воздвигаются по три вмѣстѣ, украшаются волосами и барабанами и представляютъ живописную картину.

Первоначальное назначеніе надмогильнаго камня было защищать трупъ отъ пасущихся животныхъ, которыя своими копытами могли-бы разрыть и осквернить могилу. Съ этою цѣлью на могилу кладутъ плашмя на землю одинъ или нѣсколько камней, иногда складываютъ изъ камней четырехугольныя кучи или устраиваютъ изъ нихъ низкій валъ вокругъ могилы въ видѣ четырехугольника или круга (таб. 27). Послѣдній способъ допускаетъ варіаціи, сооруженія изъ камней совершенствуются, камни выбираются по возможности большіе и ставятся ребромъ, такъ что получаются настоящіе надмогильные ящики (таб. 27). Изъ нихъ уже, при соприкосновеніи съ городскою культурою, развивается постройка настоящихъ стѣнъ, представляющихъ зачатокъ мавзолея. Въ началѣ эти сооруженія представляютъ не что иное, какъ четырехугольный, открытый на верху, ящикъ или, вѣрнѣе, высокую каменную ограду, подобно сооруженіямъ изъ большихъ камней, о которыхъ мы уже говорили, съ тою только разницею, что такія ограды богаче, больше и заключаютъ въ себѣ и окружающее могилу мѣсто; образуется какъ бы дворъ, въ центрѣ котораго могила обозначается однимъ, лежащимъ на землѣ, и другимъ, поставленнымъ вертикально у изголовья, камнемъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи такой дворъ замыкается крышей — становится, такимъ образомъ, уже закрытымъ помѣщеніемъ, мавзолеемъ; иногда крыша дополняется, какъ у

магометанскихъ мечетей, куполомъ, который исламъ заимствовалъ у византійскаго искусства (таб. 28). На стѣнахъ появляется окраска или раскрашенный орнаментъ, которые формою своихъ узоровъ служатъ интересными документами киргизской исторіи. Тутъ, на ряду со старинными тюркскими мотивами пастушескихъ номадовъ, мы видимъ иранскія стилизаціи, новоперсидскіе завитки и реальныя изображенія предметовъ европейскаго импорта. какъ, напр., самовара, который при жизни покойнаго былъ ему, навѣрное, неизмѣннымъ товарищемъ.

Наверху, на карнизѣ памятника бѣлѣетъ иногда черепъ лошади или верблюда (таб. 28). Онъ, какъ говорятъ, не имѣетъ здѣсь никакого религіозно-символическаго значенія ритуальной жертвы, а является лишь данью памяти покойнаго; черепъ любимой имъ при жизни лошади или другого животнаго помѣщаютъ впослѣдствіи вблизи покойнаго и ставятъ его повыше, чтобы собаки не могли добраться къ нему. Бараньи черепа, характерные рога которыхъ украшаютъ въ Туркестанѣ могилы святыхъ, мнѣ на Мангышлакѣ не приходилось видѣть.

Какъ при поминальныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ память покойнаго, о немъ самомъ и о его могилѣ нѣтъ и рѣчи, такъ и дальше о мѣстѣ погребенія никто больше уже не заботится. Разрушенныя и заброшенныя кладбища съ ихъ безпорядочными развалинами доставляютъ подчасъ самыя жестокія разочарованія новичку въ степи: въ ясномъ, чистомъ воздухѣ издали они кажутся окруженными стѣнами городами со многими башнями, со всѣми прелестями и радостями благоустроенной и сытой жизни. Все это расплывается вблизи, и передъ путникомъ безотрадно-сѣрая, печальная картина разрушенія, которое скоро возвратитъ степи все, что у нея было взято.

ГЛАВА VII.

Изъ области вѣрованій и суевѣрій.

Шварцъ *), приводя разныя странныя исторіи о киргизахъ, говоритъ между прочимъ, что киргизамъ исламъ былъ навязанъ русскимъ правительствомъ, благодаря недоразумѣнію: считая киргизовъ магометанами, оно въ офиціальныхъ сношеніяхъ и актахъ говорило постоянно объ Аллахѣ, посылало къ нимъ муллъ и строило мечети. Это, внѣ всякаго сомнѣнія, небылица. Радловъ **), напротивъ того, утверждаетъ, что киргизы уже столѣтія какъ перешли совершенно въ исламъ, и я могу только присоединиться къ нему, когда онъ считаетъ себя въ правѣ признавать ихъ даже строгими магометанами. Они бреютъ голову, уничтожаютъ волосы на тѣлѣ, подстригаютъ усы, которые не должны покрывать губъ, и оставляютъ нетронутой остальную бороду, вырывая волосы только на подбородкѣ; они уже не ѣдятъ, какъ дѣлали это прежде, кровь убитыхъ животныхъ; они устраиваютъ двери въ сторону Мекки, совершаютъ предписанныя имъ молитвы и исполняютъ нѣкоторыя правила строже, чѣмъ я это видѣлъ гдѣ бы то ни было. Во время молитвы ничто

*) Turkestan, стр. 58.

**) Aus Sibirien. I, стр. 470.

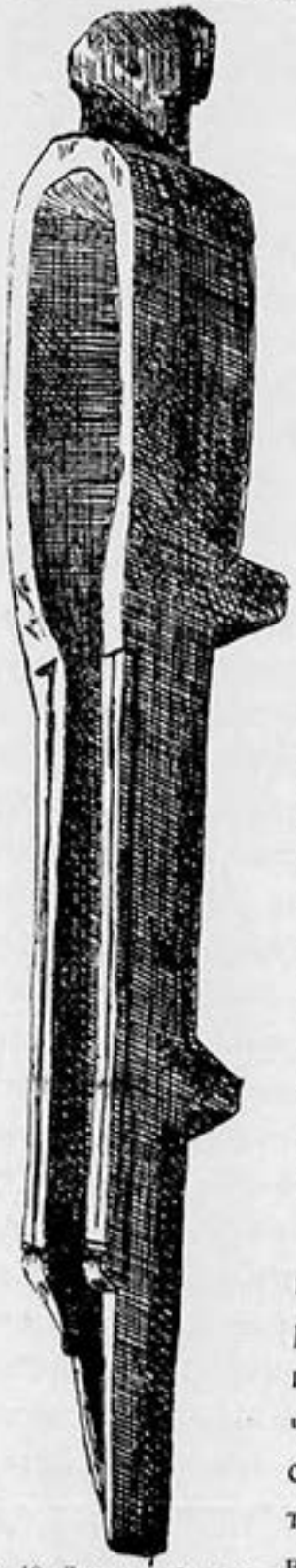


Рис. 19. Деревянный жолобъ для ритуальнаго очищенія молока и воды.

постороннее не должно быть между молящимся и цѣлью его набожныхъ мыслей — святой Меккой, поэтому онъ втыкаетъ передъ собою въ землю палку, которая должна изображать Мекку. Если кто либо пройдетъ мимо, онъ остается внѣ этой границы и, слѣдовательно, не является помѣхой для молящагося, т. к. связь между нимъ и его Меккой не нарушена. Верхній конецъ палки украшенъ простой рѣзьбою, круглой головкой или подобіемъ купола мечети въ миніатюрѣ, нижній же конецъ для того, чтобы лучше держаться въ землѣ, имѣетъ желѣзный наконечникъ. Нѣсколько разъ я узнавалъ въ этомъ послѣднемъ доисторическіе наконечники копій; ихъ часто можно найти въ степи, и киргизъ охотно украшаетъ этой дешевой находкой свою молитвенную палку. Онъ ими, однако, не дорожитъ; когда я изъявлялъ желаніе пріобрѣсти такой наконечникъ, то не соглашались на это, если я претендовалъ и на палку, но тотчасъ же отдавали, какъ только я отъ палки отказывался.

Другимъ предметомъ, котораго раньше я нигдѣ не встрѣчалъ, является деревянный жолобъ длиною въ девяносто пять сантиметровъ, служащій для того, чтобы молоко или воду, которую лизали собаки или овцы, очистить, какъ того требуетъ обрядъ, семикратнымъ переливаніемъ (рис. 19). Отъ такого очищенія жидкость въ гигіеническомъ смыслѣ ни-

чего не выигрываетъ, напротивъ того, послѣ переливанія она, по всей вѣроятности, становится только грязнѣе, но въ ритуальномъ смыслѣ она была осквернена прикосновеніемъ животныхъ, и переливаніе смываетъ съ нея это пятно. Эти деревянные жолобы встрѣчаются рѣдко, я видѣлъ такой жолобъ въ кибиткѣ одного муллы, отецъ котораго тоже былъ муллою и передалъ этотъ жолобъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ вмѣстѣ съ книгами и строгими правилами жизни. Мнѣ стоило не мало переговоровъ, пока мнѣ уступили этотъ жолобъ. Почти всѣ киргизы, которымъ случалось видѣть потомъ у меня этотъ предметъ, спрашивали меня о его назначеніи; имъ, слѣдовательно, не было извѣстно ни его употребленіе, ни самый обрядъ, связанный съ нимъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что исламъ теряетъ здѣсь свою силу. Посѣщеніе русскихъ школъ, которыя могли бы повліять въ этомъ смыслѣ, представляетъ собою все еще лишь единичное явленіе, и слѣды этого вліянія, если оно вообще и было сознательнымъ, скоро пропадаютъ по возвращеніи на родину. Гораздо большее значеніе имѣетъ, напротивъ того, посѣщеніе спеціальныхъ — киргизскихъ — заведеній, татарскихъ школъ и высшихъ учебныхъ заведеній, и гораздо устойчивѣе ихъ вліяніе на магометанскую жизнь въ степи. Татарская культура является ферментомъ для дальнѣйшаго развитія западной части Средней Азіи, развитія, будущность котораго невозможно предугадать, но которое въ настоящемъ настолько же укрѣпляетъ положеніе тамъ магометанства, насколько оно уничтожаетъ національныя особенности матеріальной культуры.

На ряду съ новымъ, открывшимся или возобновленнымъ для ислама степной области вмѣстѣ съ русской эрой татарскимъ источникомъ продолжаетъ существовать своимъ чередомъ болѣе древній туркестанскій. Мангышлакъ на осно-

ваніи старыхъ связей тяготѣетъ къ Хивѣ; оттуда онъ получаетъ свое зерно, туда онъ посылаетъ своихъ молодыхъ людей для подготовки въ муллы. Это образованіе требуетъ денегъ и является, поэтому, привиллегіей сыновей богатыхъ родителей. Деньги правда, возвращаются. Мулла получаетъ за свое учительство даровое помѣщеніе у главы аула и пять рублей въ мѣсяцъ за каждаго ученика, не считая экстреннаго заработка за свои душеспасительныя функціи при свадьбахъ, обрѣзаніи и т. п., такъ что „у муллы всегда водятся деньги", какъ принято говорить. Они пользуются и остальными дарами жизни: могутъ жениться, могутъ — по крайней мѣрѣ на Мангышлакѣ, въ противоположность Хивѣ, — пить кумысъ и имѣютъ достаточно досуга, чтобы отдыхать отъ своихъ не слишкомъ сложныхъ обязанностей. Дѣятельность ихъ, какъ отчасти уже было указано, состоитъ въ благословеніи вступающихъ въ бракъ, чтеніи молитвъ при рожденіи, болѣзни и смерти и т. д., обученіи чтенію и письму, обрѣзаніи и изготовленіи талисмановъ.

Какъ и повсюду, гдѣ господствуетъ исламъ, напримѣръ, во всей магометанской Африкѣ, части изрѣченій корана пишутся на бумажкахъ, которыя затѣмъ зашиваются въ кожу и надѣваются въ видѣ сумочекъ на шею или прикрѣпляются сзади халата. Ихъ назначеніе защищать и излѣчивать отъ болѣзней или предохранять отъ дурного глаза людей и животныхъ. Но и при разныхъ другихъ злоключеніяхъ и даже, когда не везетъ въ любви, помогаютъ изреченія столь опытнаго въ ars amandi пророка. Искусство книжника вытѣснило, несомнѣнно, многіе амулеты прежнихъ временъ, но добрая доля сохранилась и по сію пору, и мулла сумѣлъ приспособиться къ нимъ. Кости и кусочки войлока, которые хотятъ навѣсить животному, чтобы уберечь его отъ дурного глаза, даютъ сначала муллѣ подержать въ рукѣ для того, чтобы

они лучше дѣйствовали. Локтевая кость овцы, которая по мнѣнію муллъ, имѣетъ сходство съ начертаніемъ слова Магометъ, и должна, слѣдовательно, приносить особое счастье, заняла, благодаря этому, исключительное положеніе; ее навѣшиваютъ особенно лошадямъ и прикрѣпляютъ къ рѣшеткѣ кибитки (рис. 21 а).

Если нельзя обойтись безъ муллы при обрѣзаніяхъ, свадьбахъ, при обученіи, то въ фабрикаціи амулетовъ и лѣченіи болѣзней ему приходится конкуррировать со странствующими знахарями, которые разными заговорами болѣзней и гаданіями обезпечиваютъ себѣ беззаботное существованіе; въ послѣднее время, впрочемъ, ихъ вліяніе, повидимому, падаетъ, и они находятъ себѣ еще доступъ только къ легковѣрнымъ почитателямъ. На Мангышлакѣ ихъ зовутъ колдунами, въ восточной степной области — баксами; это вымирающіе остатки шаманства, которое въ домагометанскія времена владѣло духовною жизнью киргизовъ. Радловъ (l. c.) писалъ уже подробно, какъ о сути стараго шаманства, такъ и о баксахъ, поэтому я обращу вниманіе читателя лишь на нѣкоторыя аналогіи и личныя мои наблюденія.

Техника жертвоприношенія требуетъ отъ шамана, чтобы онъ не ломалъ и не затрагивалъ костей, а вылущивалъ бы ихъ изъ суставовъ; этотъ способъ еще и теперь употребляется киргизами при закалываніи животныхъ. Приводимая Радловымъ формула заклинанія, которымъ изгоняютъ злыхъ духовъ, начинается словами шокъ! шокъ! (Не сворачивай съ своего пути и т. д., l. c. II. стр. 35); подобное же заклинаніе произноситъ и колдунъ, когда изгоняетъ болѣзни. Душа приносимаго въ жертву животнаго изображается въ церемоніалѣ заклинанія какъ лошадь, на которой шаманъ ѣдетъ на небо; лошадь, несущую демоновъ болѣзни, символизируетъ

также колдунъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ колдовства, при которомъ были употреблены изображенные на рис. 20 черепа. Послѣ сцены заклинанія въ кибиткѣ, при которой колдунъ, къ сожалѣнію, не разрѣшилъ мнѣ присутствовать, и которая состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что трясутъ и катаютъ больного, свистятъ и кричатъ, берутъ утыканный куклами, т. е. палочками, обернутыми тряпочками, и разрисованный красными точками лошадиный черепъ и еще два точно также разрисованныхъ собачьихъ черепа, выносятъ ихъ въ степь и кладутъ одинъ позади другого на дорогу (большею частью имѣются вытоптанныя дорожки,

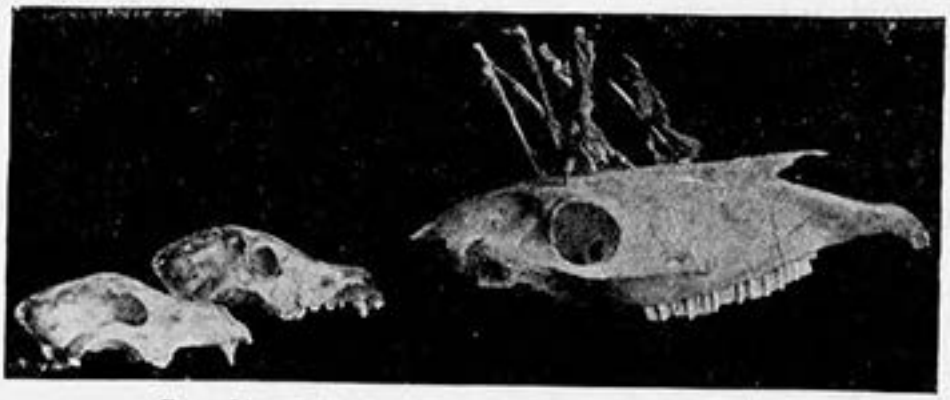


Рис. 20. Предметы заклинанія при болѣзняхъ.

ведущія къ колодцу); затѣмъ сжигаютъ старыя тряпки и свистятъ и дуютъ на злыхъ духовъ, которые воплощены въ куклахъ и уносятся лошадью, погоняемой собаками. Черепа оставляютъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда ихъ положили, пока ихъ не истопчутъ животныя, и дождь и вѣтеръ не превратятъ въ пыль. Если киргизъ встрѣтитъ ихъ на своемъ пути, онъ обходитъ ихъ, но скрывать или зарывать ихъ въ землю не принято.

Мнѣ не пришлось натолкнуться еще на какія либо другіе слѣды шаманства, если не отнести сюда одного, основаннаго на почитаніи предковъ, повѣрья: если по умершемъ не совер-

Многочисленность киргизской семьи.

ГБЛ имени В.И.Ленина

шается никакихъ поминокъ, сопровождаемыхъ празднествами или на его могилу не кладется камня, то онъ вынужденъ будетъ голодать и страдать, а домъ сына, не исполнившаго своего долга по отношенію къ отцу, постигнутъ болѣзни и бѣдность. Сюда же можно было бы причислить еще приношеніе въ жертву волосъ, если бы не было вѣроятія, что такой обычай перенятъ у славянъ. Онъ состоитъ въ томъ, что при тяжелыхъ родахъ передъ родильницей сжигаютъ волосы, которые для этой цѣли выпрашиваются у русскихъ; иногда, чтобы получить такіе волосы, киргизамъ приходится совершать большія путешествія, такъ какъ они считаютъ, что помочь могутъ волосы именно русскихъ. Этотъ обычай, повидимому, недавняго происхожденія, а небольшое его распространеніе говоритъ въ пользу того, что онъ завезенъ извнѣ.

Больше сохранилось за то пережитковъ изъ временъ анимизма, предшествовавшаго шаманизму, — вѣра въ одушевленность всего существующаго, въ эманацію силъ при жизни и послѣ смерти, и основанное на этомъ использованіе этихъ силъ друзьями и врагами.

При тяжелыхъ родахъ на руку брызгаютъ кровь только что убитой овцы или держатъ руки надъ огнемъ, въ который положено сало, и затѣмъ трутъ ими лицо. Чтобы привлечь къ себѣ любовь мужчины и женщины привязываютъ къ штанамъ бѣлый кончикъ хвоста прыгуна или прибѣгаютъ къ слѣдующему сложному средству: нужно отыскать нору черепахи и устроить вокругъ нея изъ травы ограду, такъ чтобы черепаха не могла попасть въ нее; тогда она притащитъ толстый стебель травы и проложитъ себѣ имъ черезъ препятствіе дорогу. Этотъ стебель нужно взять и положить его такъ, чтобы никто не видѣлъ, въ бѣлье любимаго существа. Эта фантазія, которой сами киргизы не рѣшались

выставить probatum est, есть, конечно, продуктъ уже позднѣйшаго символическаго мышленія.

Охотникъ обмакиваетъ конецъ дула своего ружья въ кровь убитаго животнаго, чтобы обезпечить себѣ удачу на охотѣ. Моча лошадиная или овечья пьется отъ болѣзней или втирается; въ извѣстныхъ случаяхъ берется только моча бѣлой кобылы. Если женщина хочетъ развестись съ мужемъ, который отказываетъ ей въ разводѣ, она обращается къ муллѣ, и тотъ пишетъ ей талисманъ, который заставитъ мужа дать свое согласіе. Если заболѣваетъ мужчина и обращается къ колдуну, то этотъ по-

Рис. 21. Киргизскіе амулеты.

слѣдній непремѣнно свалитъ болѣзнь на такой талисманъ своего противника, муллы, и предпишетъ втираніе мочи, — отличная иллюстрація соперничества между муллой и колдуномъ, между новымъ временемъ и старымъ.

При переломахъ костей принимаютъ внутрь порошокъ изъ истолченныхъ птичьихъ костей. Чтобы стада были здо-

ровы и размножались, нанизываютъ на ремешокъ и сохраняютъ треугольные кусочки, которые вырѣзываются какъ мѣтки изъ ушей овецъ, (рис. 21 в.); съ этою же цѣлью въ кибиткѣ подвѣшиваютъ наполненные травою кусочки овечьей шкуры (рис. 21 с).

При тяжелыхъ родахъ берутъ съ могилы—предпочтительно съ могилы святого—песокъ, смѣшиваютъ его съ водою и пьютъ эту смѣсь или моютъ себѣ ею лицо.

Змѣй варятъ и ѣдятъ или прикладываютъ къ ранамъ; волосы отъ первой стрижки вѣшаются дѣтямъ на шею: при болѣзняхъ дѣтей или скота имъ навѣшиваютъ овечью лопатку, черепашій щитъ, рыбьи зубы, волчьи ноги, перья и ножки совы. Амулеты изъ перьевъ и ножекъ совы особенно трудно получить, такъ какъ сову не стрѣляютъ, считая ее священной птицей (рис. 21а).

Можно было бы сюда причислить еще обычай при боли въ животѣ обвязывать дѣтямъ этотъ послѣдній желудкомъ только что убитой овцы и класть на опухоли и вывихи кусокъ войлока, намазанный густой кашицей, приготовленной изъ растолченнаго и свареннаго на водѣ овечьяго помета. Но этотъ обычай относится скорѣе всего къ области народной медицины и основанъ на благотворномъ дѣйствіи тепла. Точно также, быть можетъ, обычай обвязывать при боли въ костяхъ запястья руки кожанымъ ремешкомъ основывается на наблюденіи, что давленіе ослабляетъ иногда боль, какъ напр. при вывихахъ, при ревматическихъ невральгіяхъ.

Эманація силъ приводитъ къ дѣйствію на разстояніи, которымъ могутъ воспользоваться враги, чтобы нанести вредъ. Мнѣ не разъ приходилось отказываться отъ фотографированія, такъ какъ женщины были увѣрены, что онѣ должны будутъ тогда послѣдовать за своимъ изображеніемъ, и спасались въ глубь кибитки, какъ только появлялась моя камера.

Еще распространеннѣе, чѣмъ боязнь колдовства при помощи изображенія, страхъ передъ дурнымъ глазомъ; особенно опасны въ этомъ отношеніи рыжіе и голубоглазые люди — здѣсь антипатія къ необычайному смѣшивается съ расовымъ инстинктомъ, который въ свою очередь объясняется этой первой. Рекомендуемымъ средствомъ противъ дурного глаза является, страннымъ образомъ, моча или слюна того самаго человѣка, который „сглазилъ" ребенка; собираютъ смоченный ими песокъ и, разбавивъ, если нужно, водою, даютъ ребенку выпить. Предписаніе хорошаго тона требуетъ, чтобы при встрѣчѣ со стадами не подъѣзжать слишкомъ къ нимъ близко, если не хочешь обидѣть хозяевъ; возможно, что обычай этотъ основанъ также на боязни дурного глаза, если не считать его мѣрой предосторожности еще изъ временъ усобицъ.

Варіантомъ дурного глаза можно считать и страхъ передъ высказаннымъ порицаніемъ или похвалою. Какъ у насъ нельзя на стѣнѣ рисовать черта, такъ точно киргизскимъ дѣтямъ запрещаютъ упоминать волка, такъ какъ иначе онъ нападетъ на стадо; какъ у насъ, когда говоришь, что все идетъ хорошо, нужно, чтобы не сглазить, сплюнуть три раза или постучать три раза подъ столомъ, такъ у киргизовъ нельзя хвалить дѣтей или верблюдовъ безъ того, чтобы не произнести вслѣдъ за этимъ быстро „плюй на это". Наконецъ, боязнь дурного вліянія со стороны чужого находитъ себѣ еще выраженіе въ той роли, которую играютъ здѣсь колдуны во всѣхъ сказкахъ и разсказахъ.

Къ этимъ тремъ источникамъ духовной жизни киргизовъ, которые мы только что прослѣдили, присоединяется еще одинъ; онъ самый древній и относится къ эпохѣ доанимистической, къ тѣмъ примитивнымъ временамъ, когда еще только начинали познавать окружающій міръ, различать и отмѣчать

необыкновенныя явленія и стараться объяснить ихъ и привести въ связь съ дѣйствительными происшествіями. Заключеніе „post hoc, ergo propter hoc" даетъ основаніе къ ихъ оцѣнкѣ, которая смотря по обстоятельствамъ выпадаетъ благопріятно или неблагопріятно; факты, желанія, надежды и опасенія, мысль, работающая путемъ аналогій — обусловливаютъ ихъ связь. Сюда относится весь сонмъ толкованій сновъ и значенія судорогъ, предразсудки, связанные съ извѣстными днями, животными, числами, созвѣздіями, и разныя предсказанія. Снами, приносящими счастье считаются: ѣздить верхомъ, обогнать верхомъ другого, охотиться, убить дичь, летать, упасть съ высоты и стать на ноги, видѣть змѣю или волка, бить свою жену, плавать въ чистой морской водѣ или утонуть, совокупляться, видѣть дождь, огонь, убивать змѣю. Кто во снѣ плачетъ или чья жена плачетъ, тотъ будетъ имѣть дѣло съ дождемъ; кто видитъ во снѣ солнце, мѣсяцъ или звѣзды, у того родится сынъ; кто во снѣ поймаетъ птицу, которая ѣстъ другихъ, женится или будетъ имѣть дѣтей; кто покупаетъ и надѣваетъ новые сапоги, непремѣнно долженъ будетъ отправиться куда-нибудь верхомъ; кто ѣстъ сало или мясо, будетъ богатымъ. Въ этихъ толкованіяхъ выражаются отлично желанія и идеалы киргиза. Кошмары, повидимому, не мало мучаютъ киргизовъ, что не удивительно при ихъ обильныхъ явствахъ и продолжительной послѣобѣденной сіесты.

Плавать во снѣ въ грязной водѣ или тонуть въ ней, погружаться въ сырую землю, видѣть женщину, не вступая съ нею въ связь, или видѣть верблюда, корову, собаку — считается плохимъ предзнаменованіемъ.

Животныя въ этихъ толкованіяхъ, раздѣляются на группы, смотря по тому, играютъ ли они хорошую или плохую роль въ жизни человѣка; сверхъ уже названныхъ, укажу

здѣсь на паука, который приноситъ счастье, когда спускается съ потолка. Нейтральную роль играетъ воронъ, онъ является вѣстникомъ будущаго, но нельзя знать какого—хорошаго или дурного, поэтому ему говорятъ: „если ты возвѣщаешь что-нибудь хорошее, то получишь сало, если же дурное, то получишь овечій пометъ". То или другое значеніе, которое приписывается животнымъ, переносится и на названные по нимъ года. Киргизы ведутъ свое счисленіе по циклу, заключающему двѣнадцать годовъ, которые имѣютъ по порядку отъ перваго до двѣнадцатаго слѣдующія наименованія: курица, крыса, овца, лошадь, корова, мышь, свинья, собака, змѣя, ракъ, заяцъ, пантера; изъ нихъ годы свиньи, овцы, зайца и крысы считаются плохими, годы змѣи и собаки — хорошими, т. е. если новый годъ, напр., годъ зайца, то нужно быть готовымъ къ тому, что травы не уродятся, зима будетъ суровая, скотъ будетъ падать и т. д. По такимъ цикламъ, между прочимъ, опредѣляется и возрастъ. Если кто-нибудь не знаетъ своихъ лѣтъ, то онъ знаетъ наименованіе года, въ которомъ онъ родился, и такъ какъ очень трудно ошибиться на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, то опредѣлить настоящій возрастъ будетъ ужъ не трудно.

Относительно судорогъ у меня собраны слѣдующія замѣтки: если подергиваетъ правый глазъ, то это хорошій знакъ, исполнится желаніе, будетъ какая-нибудь радость; если же лѣвый — то случится что-нибудь непріятное. Если чешется рука, то получится подарокъ. Если звенитъ у кого-нибудь въ правомъ ухѣ, то о немъ думаютъ или говорятъ что-либо хорошее, если звенитъ въ лѣвомъ, это означаетъ, что говорятъ худое. Или: на небѣ стоитъ дерево, каждый листъ этого дерева принадлежитъ какому-нибудь человѣку; когда умираетъ человѣкъ, отпадаетъ и его листъ; если у кого-нибудь умираетъ другъ, то паденіе листа отзовется звономъ

въ ухѣ этого человѣка. Чиханіемъ подтверждается правдивость того, что при этомъ говорятъ. Вздрагиваніе предсказываетъ болѣзнь, дрожь по тѣлу—что-либо непріятное. Если подергиваются губы, значитъ будетъ хорошее кушанье, если носъ—значитъ будетъ головная боль и насморкъ; если дергаетъ въ правой рукѣ, значитъ будутъ деньги или подарокъ, въ лѣвой—околѣетъ животное. Если женщина зѣваетъ, значитъ она хочетъ имѣть мужа.

Изъ антропологическихъ примѣтъ я отмѣтилъ слѣдующіе: бѣлыя пятна на ногтяхъ появляются разъ въ году и означаютъ у мужчинъ, что лошади будутъ отличныя, а въ стадѣ много молодого скота, у женщинъ—что родятся дѣти. Рыжихъ волосъ не любятъ и рыжихъ людей считаютъ злыми. Сросшіяся брови приносятъ счастье: мужчина будетъ имѣть красивую жену, а женщина будетъ любима мужемъ. Линіи руки, расположенныя такъ, что образуютъ М, означаютъ хорошаго человѣка.

Изъ чиселъ только три считается счастливымъ числомъ, семь же и тринадцать не имѣютъ, какъ у насъ, дурного значенія.

Суевѣрія относительно извѣстныхъ дней недѣли проявляются у туркменовъ въ томъ, что въ пятницу не разбираютъ аула, въ субботу не вѣшаютъ ни ковровъ, ни платья, въ понедѣльникъ не идутъ на западъ.

Падающая звѣзда означаетъ у туркменовъ смерть какого-нибудь человѣка; млечный путь—это у киргизовъ дорога, по которой птицы летятъ въ Мекку.

Идейная связь между необычайными явленіями и фактами повседневной жизни приводитъ на первыхъ же порахъ своего дальнѣйшаго развитія къ мысли вызывать такія явленія искусственно для того, чтобы узнавать предстоящее человѣку будущее, т. е. приводитъ къ предсказаніямъ, создаетъ, такимъ образомъ, оракуловъ.

Длинная кость овцы кладется на огонь; если она треснетъ по длинѣ, это предсказываетъ счастье. Когда рѣжутъ животное, то объ стѣну кибитки кидаютъ хрящъ (кончикъ грудной кости); если кость при этомъ застрянетъ въ стѣнѣ, то лошади на скачкахъ выиграютъ. Гадаютъ также на овечьей лопаткѣ: ее кладутъ на огонь и разсматриваютъ число и направленіе образующихся на ней трещинъ. Эта „Scapulimantia", о которой Андреев написалъ нѣсколько времени тому назадъ обстоятельную работу*), еще и по сю пору практикуется у киргизовъ на Мангышлакѣ, но, повидимому, она здѣсъ отживаетъ ужъ свой вѣкъ — не многія лишь лица, и даже не всѣ колдуны, прибѣгаютъ къ ней; она уступаетъ мѣсто гаданію по шарикамъ овечьяго помета, о которомъ говоритъ Радловъ**). Гаданіе, которое было продѣлано для меня на лопаткѣ, соотвѣтствуетъ отчасти тѣмъ, которыя описали Палласъ и Патанинъ, отчасти же оно даетъ и нѣчто новое, и я предполагаю, что его измѣняютъ въ зависимости отъ времени, мѣста и самого предсказателя. Трещина, идущая по всей длинѣ кости означала и у меня „дорогу"; если при этомъ обѣ половинки лопатки не по всей длинѣ трещины прилегаютъ плотно другъ къ другу, а одна изъ нихъ стоитъ нѣсколько выше другой, то это хорошій знакъ; линія, идущая отъ продольной трещины къ ости, означаетъ пріѣздъ родственника, трещины у нижняго угла предсказываютъ смерть, на концѣ ости и въ суставной ямкѣ — новости; поперечныя трещины вблизи внутренняго края означаютъ враговъ, треснувшій край предсказываетъ дурную погоду.

Вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что по необыкновеннымъ явленіямъ можно предсказать будущее, является тотчасъ и же-

*) Въ Boas Memorial Volume, New-York, 1906.
**) Ср. I стр. 473.

Школа въ степи.

Обученіе корану.

Б.И.ЛЕНИНА

ланіе повліять на это будущее. Опасности и тяготы жизни, потери, страданія, болѣзни, нужда и смерть порождаютъ страхъ и желаніе найти защиту и помощь. Робкому сердцу приходитъ на помощь пытливый разумъ, наблюдаетъ, комбинируетъ, выводитъ заключенія и дѣйствуетъ; онъ вырабатываетъ колдовство, чтобы устранить угрожающія опасности, добиться исполненія желаній. Его методъ—это смутное представленіе, что необыкновеннымъ вещамъ присуща и необыкновенная сила, или конкретный выводъ путемъ аналогій. Къ первой категоріи относится колдовство туркменовъ съ камнями, которые иногда попадаются въ большихъ рыбахъ Каспійскаго моря; ихъ сохраняютъ и пускаютъ въ ходъ при болѣзняхъ, натирая ими раны и больныя мѣста или обмывая ихъ въ водѣ и давая пить эту воду больному.

Какъ и у насъ, простая аналогія привела киргизовъ къ убѣжденію, что бородавки проходятъ, когда луна идетъ на ущербъ; она же породила и суевѣріе относительно громовыхъ стрѣлъ, которое въ киргизской степи стоитъ въ связи съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ древнихъ скиѳо-сарматскихъ народовъ, какъ въ Европѣ, Африкѣ, Америкѣ и остальныхъ частяхъ Азіи съ доисторическими каменными топорами. Во время грозы ангелъ, которому подвластны тучи, борется съ чортомъ, который ему мѣшаетъ: онъ его бьетъ такъ сильно, что гремитъ, онъ стрѣляетъ въ него огненными стрѣлами—молніи,—которыя сжигаютъ траву и убиваютъ людей, если упадутъ на землю; такія стрѣлы часто находятъ на равнинахъ Мангышлака среди выгорѣвшей степной травы. Ихъ тщательно сохраняютъ въ кибиткѣ въ сундукахъ или вѣшаютъ на шею больнымъ дѣтямъ или животнымъ, особенно верблюдамъ. Хотя наблюденіе смѣшиваетъ здѣсь двѣ различныя вещи, — доисторическіе бронзовые наконечники стрѣлъ и безформенное метеорное желѣзо, — но

тѣмъ не менѣе умозаключеніе идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и при нашихъ каменныхъ топорахъ, принимаемыхъ за громовыя стрѣлы: какъ громъ сравнивается съ ударомъ каменнаго топора, такъ молнія уподобляется полету стрѣлы; духи, которые посылаютъ на человѣка вмѣстѣ съ другими бѣдами также и губительную грозу, употребляютъ то же оружіе, что и люди. Большею частью это каменный топоръ, рѣже стрѣла, какъ въ Киргизской степи или въ Помераніи и Мекленбургѣ, гдѣ коническіе бурые белемниты называютъ „Donnerpile"— громовыя стрѣлы. Чортъ и ангелъ въ понятіи киргизовъ являются только новой магометанской оболочкой старыхъ анимистическихъ представленій.

Рис. 22. Бронзовый наконечникъ стрѣлы изъ Киргизской степи.

Нашедшій такое оружіе небесныхъ силъ бережно хранитъ его; оно пользуется большимъ почетомъ и, наконецъ, на него начинаютъ смотрѣть, какъ на талисманъ, дающій защиту противъ той же грозы, отъ которой онъ происходитъ. Впослѣдствіи эти талисманы пріобрѣтаютъ еще большее значеніе и помогаютъ ужъ противъ разныхъ бѣдствій, постигающихъ человѣка, какъ пожаръ, болѣзни и т. п. (рис. 22).

Приведу еще нѣкоторые обычаи, происхожденіе которыхъ мнѣ не ясно. Мѣдныя ожерелья помогаютъ противъ язвъ на шеѣ; не обязаны ли они своимъ значеніемъ подобному же обстоятельству, какъ и бронзовые наконечники стрѣлъ? Обычай протыкать уши существуетъ, но трудно рѣшить, было ли первоначальнымъ поводомъ къ нему убѣжденіе, что протыканіе ушей способствуетъ здоровью мальчика, или же простое побужденіе къ украшенію. Женщины, которыя долго оставались бездѣтными и поздно родили, протыкаютъ дѣтямъ уши ранѣе обычнаго срока, на третьемъ году, въ той увѣренности, что это

способствуетъ ихъ долголѣтію. Но и это не даетъ ключа къ рѣшенію вопроса о первоначальномъ поводѣ къ протыканію ушей; ибо, если даже въ его основѣ и лежитъ украшеніе, то традиція могла сдѣлать изъ него обычай, которому женщины спѣшатъ отдать дань.

Когда кто-либо заболѣваетъ, онъ незадолго до восхода и захода солнца выходитъ изъ обращенныхъ на югъ дверей своей кибитки, поворачивается влѣво и ложится во всю длину на землю, одинъ разъ на правый, другой разъ на лѣвый бокъ, затѣмъ встаетъ, обходитъ сзади кибитки на западъ, здѣсь продѣлываетъ опять тѣ же двѣ процедуры и возвращается въ кибитку. Есть-ли этотъ, обставленный нѣкоторою таинственностью, обычай остатокъ шаманства съ его жертвоприношеніями и культомъ предковъ или недавній продуктъ ислама, я не могу рѣшить.

ГЛАВА VIII.

Киргизская линія.

Кому приходится путешествовать по Востоку послѣ того, какъ годы очистили его сужденія отъ слишкомъ легкой восторженности юности, или опытъ и привычка освободили ихъ отъ предвзятости впервые осуществившагося стремленія узнать далекій міръ по ту сторону родины, схоронитъ не одну иллюзію и будетъ холоднѣе относиться къ напыщеннымъ гимнамъ прежнихъ и нынѣшнихъ временъ, воспѣвающихъ все великолѣпіе и сказочную красоту восточныхъ странъ. Но съ однимъ ему придется согласиться при всякихъ обстоятельствахъ: большаго богатства красокъ не являетъ ни одна народная жизнь въ мірѣ, болѣе тонкаго и выразительнаго чувства колорита — никакая этнографическая картина земного шара по сравненію съ городами Туркестана, особенно Бухарой. Это чутье къ краскамъ нужно разсматривать, какъ культивированное тысячелѣтіями наслѣдіе переднеазіатскихъ культуръ. Въ безконечныхъ буряхъ подтачивали это наслѣдіе безпощадная грубость дикихъ разрушительныхъ войнъ и разлагающій фанатизмъ новыхъ

религіозныхъ идей съ ихъ послѣдствіями для мысли и искусства. Не осталось никакихъ слѣдовъ изобразительнаго искусства; отъ архитектуры осталось лишь нѣсколько прекрасныхъ, правда, и въ тлѣнности своей, развалинъ; только въ прикладномъ искусствѣ еще вспыхиваютъ отдѣльные слабые отблески былой красоты, — бухарскія вышивки, персидскіе ковры и еще болѣе ковры номадовъ Мерва, Пенде, Афганистана и Белуджистана полны еще и теперь, какъ прежде, того особаго настроенія, какое намъ даетъ тихій ландшафтъ или гармонично замирающіе звуки музыкальнаго произведенія.

Но вѣтеръ, который потушитъ и эти послѣднія искры — это нивеллирующее вліяніе Европы, а что оно оставляетъ на своемъ пути, какъ выглядитъ „Востокъ", по которому прошла его коса, показываетъ Персія, Турція, Египетъ и французская сѣверная Африка. Въ Россіи этому вліянію подпало сначала татарство, которое теперь съ своей стороны сдѣлалось разлагающимъ ферментомъ для родственныхъ ему восточныхъ сосѣдей; Туркестанъ находится въ центрѣ этого процесса броженія. Когда въ 1903 году я, на основаніи своего перваго наблюденія, издалъ нѣсколько замѣтокъ объ этнографическихъ измѣненіяхъ въ Туркестанѣ *), я самъ не вѣрилъ, чтобы они могли дѣлать такіе быстрые шаги, какъ мнѣ пришлось констатировать это спустя два года. Въ Ташкентѣ — чтобы не быть голословнымъ — казалась почти исчезнувшей чалма, живописный бѣлый тюрбанъ, — довольствуются теперь, по большей части, одной только шапочкой конической формы, вокругъ которой обматывается чалма, и которая значительно легче, удобнѣе, прохладнѣе и въ то же время вполнѣ достаточна, чтобы защитить гладко выбритую макушку. Столица задаетъ тонъ, за нею послѣдуютъ остальные города русскаго Туркестана и, наконецъ, поддастся

*) Archiv für Antropologie, Neue Folge, II, 194.

также и правовѣрная, номинально независимая Бухара. Лишенная своего главнаго украшенія — тюрбана — шапочка должна неминуемо потерять и свои яркіе цвѣта, которыми она теперь отличается, и разнообразіе которыхъ превосходитъ на шапочномъ базарѣ всякое воображеніе; ей придется пойти дорогою татарской шапочки и фески. Такая же судьба ожидаетъ и халатъ.

Чутье къ колориту, которымъ отличалась Передняя Азія, перешло къ сѣвернымъ ея сосѣдямъ, отчасти путемъ смѣшенія народовъ, какъ у туркменовъ, въ которыхъ вообще мало тюркскаго элемента и которые примыкаютъ, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, скорѣе къ осѣдлому, чѣмъ къ номадизирующему населенію Туркестана,—частью же путемъ торговыхъ сношеній, какъ у монголовъ и киргизовъ, которые на востокѣ находятся подъ вліяніемъ Китая, на западѣ подъ вліяніемъ Туркестана. Но кромѣ этого заимствованнаго чутья къ колориту, населеніе степи имѣетъ еще и врожденную любовь къ краскамъ, что вообще свойственно народамъ, стоящимъ ближе къ природѣ, какъ это проявляется, напр., въ искусствѣ нашихъ крестьянъ. Любовь женщинъ къ пестрымъ платкамъ и платьямъ есть откликъ этого чувства колорита.

Параллельно съ чутьемъ къ краскамъ номадамъ присуще и пониманіе формы; оно проявляется, правда, только въ прикладномъ искусствѣ, орнаментировкѣ, но здѣсь оно выражено тѣмъ не менѣе достаточно ясно, и заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Возможно, что въ предшествовавшій періодъ шаманизма идеи культа предковъ создавали и у тюркскихъ народовъ произведенія пластики, какъ у древнихъ азіатскихъ народовъ, но я сомнѣваюсь, чтобы размѣры этого искусства были сколько-нибудь значительны; я скорѣе склоненъ думать, что художественныя способности монголь-

ской натуры отличаются отъ присущихъ древнеевропейской и древнеазіатской и склонны больше къ линейному орнаменту, чѣмъ къ пластикѣ или фигурному орнаменту. Въ настоящее время мы, во всякомъ случаѣ, ничего подобнаго не находимъ.

Къ тому же и образъ жизни и хозяйства киргиза не благопріятствуетъ развитію его художественныхъ задатковъ и ставитъ это развитіе въ естественныя границы. Вѣчное передвиженіе домашняго имущества не терпитъ ничего такого, что требуетъ заклепъ и гвоздей, а транспортированіе его на спинѣ верблюда исключаетъ все громоздкое и ломкое, матеріалъ же, приспособленный къ кочевому образу жизни большею частью мало пригоденъ для художественной отдѣлки. Сосуды для молока, изготовляемые изъ овечьяго желудка, ведра изъ шкуръ, кожаные мѣшки при всемъ желаніи не поддаются орнаментаціи. Первоначальная одежда, состоявшая изъ шкуръ и кожи, была не менѣе неподатлива въ этомъ отношеніи; узорчатое тисненіе и вышивка на кожаныхъ предметахъ обихода есть уже, по всей вѣроятности, вліяніе культуры сосѣднихъ городовъ. Когда появились ткацкое и красильное производство, они изъ старинной мѣстной техники, выработавшей орнаментацію, застали только деревянную рѣзьбу и изготовленіе войлока. Которое изъ этихъ производствъ первоначальное, повидимому, еще спорно. Конечно, географическія свойства степи должны были бы привести къ заключенію, что недостатокъ въ деревѣ и богатство стадами, доставляющими шерсть, говоритъ въ пользу пріоритета техники войлочнаго производства, но не нужно представлять себѣ степь какъ одну безпрерывную покрытую травами равнину. Мы встрѣчаемъ на ней, наряду съ безконечными, правда, степями, рѣки, періодически наполняющіяся водою русла, овраги, болота, гдѣ вездѣ есть древесная

растительность, дающая для примитивнаго прикладного искусства достаточно матеріала.

Съ другой стороны техника войлочнаго производства слишкомъ сложна, чтобы въ періодѣ развитія кочевнической культуры предшествовать зачаткамъ рѣзьбы по дереву, которые мы повсюду видимъ даже у народовъ, какъ нынѣшнихъ, такъ и прежнихъ, находящихся на болѣе низкой ступени развитія. Наконецъ мы встрѣчаемъ образцы простого рѣзного орнамента, указывающаго на то, что у киргизовъ—или, говоря вообще, у монголовъ и родственныхъ имъ народовъ—ходъ вещей былъ такой же, какъ и повсюду, и мы находимъ указанія относительно происхожденія и развитія орнаментики, говорящія въ пользу того, что именно дерево, а не войлокъ, было первоначальною почвою, на которой развилось это искусство.

Рис. 23. Киргизская пряслица.

На матеріалѣ моей коллекціи можно, по моему, различить, главнымъ образомъ, четыре типа орнаментаціи.

Къ первому типу относятся грубыя, небрежно врѣзанныя линіи, или неправильно разбросанныя, или симметрически сгрупированныя, какъ мы это видимъ на изображенной на рис. 23 пряслицѣ.

Второй типъ заключаетъ въ себѣ фигурные мотивы, а именно болѣе или менѣе стилизованныя изображенія животныхъ. Такъ, напр., на одномъ пологѣ кибитки мы видимъ вышитыя шелкомъ фигуры верблюдовъ и крабовъ; на другомъ пологѣ я видѣлъ контуры змѣй.

Третій типъ показываетъ растительные мотивы, которые доведены до большой пышности и выдаютъ свое персидское происхожденіе. Мы встрѣчаемъ ихъ преимущественно на

Кибитка для почетныхъ гостей.

Разноска угощенія.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Палатка жениха.

Лошади жениха передъ его палаткой.

Палатка жениха.

Лошади жениха передъ его палаткой.

вышивкахъ, на халатахъ и попонахъ; техника ихъ напоминаетъ таковую на покровахъ на носилки для покойниковъ, идущихъ послѣ употребленія въ продажу и извѣстныхъ, какъ „бухарскія покрывала". На рис. 24 и 25 изображены

Рис. 24. Киргизскій женскій халатъ.

халаты киргизскихъ женщинъ, на рис. 26—попона, а именно передняя, накидывающаяся на лошадь впереди сѣдла: она дополняется второй попоной позади сѣдла, причемъ удлиненные углы спускаются сзади на хвостъ, а внизу доходятъ до колѣнъ (ср. таб. 23).

На отдѣльныхъ образцахъ я видѣлъ персидскій растительный орнаментъ на рѣзьбѣ по дереву, напр., на пороховницахъ (рис. 35) и на орнаментированной кожѣ, какъ на рис. 27, гдѣ изображены кожаные щитки, висящіе по сторонамъ сѣдла *). Узоръ на этомъ послѣднемъ предметѣ не отличается чистотой, что въ данномъ вопросѣ является для насъ важнымъ. На первый взглядъ кажется, что мы

Рис. 25. Киргизскій женскій халатъ.

имѣемъ передъ собою стилизованный растительный орнаментъ, но наше вниманіе скоро приковываетъ къ себѣ слишкомъ голая закругленная линія, и мы удивляемся тощимъ цвѣточкамъ, которые сидятъ такъ неувѣренно на заостренныхъ концахъ какъ бы вѣточекъ; затѣмъ взоръ замѣчаетъ, что въ средней дугѣ верхней половины изображенія цвѣты

*) Тебенги. Ред.

отсутствуютъ и вѣтки переходятъ въ заостренный конецъ, что стебель нигдѣ не имѣетъ больше ни цвѣтовъ, ни листьевъ, какъ на верхушкѣ, и что узоръ сводится на повтореніе одной и той же дуговой линіи. Части растительнаго орнамента, заимствованныя у персидскихъ образцовъ, въ данномъ случаѣ являются лишь второстепенными придатками къ общей картинѣ, въ основѣ которой лежитъ уже четвертый типъ орнамента — двойная дуговая линія. Но эта линія не предста-

Рис. 26. Киргизская попона.

вляетъ лишь одинъ изъ указанныхъ нами типовъ, она заключаетъ въ себѣ больше этого: она такъ часто встрѣчается, такъ постоянно повторяется, ея художественная разработка доказываетъ все предпочтеніе, которое ей отдается,— что въ ней съ правомъ можно признать типъ киргизскаго орнамента, ту линію, которая владѣетъ киргизскимъ стилемъ, составляетъ его суть, и можетъ быть названа: „киргизская линія“. Я съ сознательной осторожностью говорю здѣсь „киргизская линія“,—мы увидимъ дальше, должна

ли она быть пріобщена къ одной народной единицѣ, или же распространеніе ея идетъ на столько дальше, что и названіе должно быть ей дано болѣе общее.

Уже со времени перваго моего путешествія въ 1903 году я сталъ изучать этотъ орнаментъ, а затѣмъ при моихъ дальнѣйшихъ поѣздкахъ мнѣ попадались все новые варіанты, которые дали мнѣ возможность установить его связь и выяснить основную формулу, къ которой онъ сводится. Тѣмъ временемъ и съ другой стороны орнаментъ этотъ обратилъ на себя вниманіе; и тутъ, и тамъ выводы оказались принципіально одинаковыми, и такъ какъ они являются результататомъ двухъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга наблюденій, то могутъ служить доказательствомъ или, по крайней мѣрѣ, подкрѣпленіемъ сдѣланныхъ предположеній.

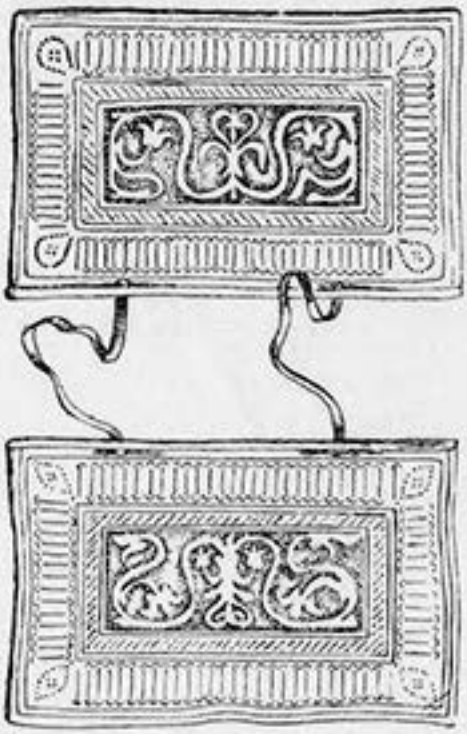


Рис. 27. Киргизскіе тебенги.

Статья, которую я имѣю въ виду — единственная извѣстная мнѣ — появилась въ 1907 г. въ Извѣстіяхъ этнографическаго отдѣла венгерскаго національнаго музея подъ заглавіемъ „Орнаментика каракиргизовъ“ и написана др. Almàsy György. Она касается, слѣдовательно, матеріала, собраннаго среди восточной вѣтви тюрковъ, западныя пастбища которыхъ доставили мнѣ мой матеріалъ. Статья обѣщаетъ продолженіе, которое мнѣ, однако, осталось неизвѣстнымъ.

Авторъ считаетъ основаніемъ употребительнаго у кара-киргизовъ линейнаго орнамента обращенную наружу спираль—по понятію киргизовъ бараній рогъ—кошкарнынгъ музи или кошкаръ музи—и развиваетъ дальнѣйшія варіаціи этого орнамента изъ техники его примѣненія къ кошмамъ. Позитивный орнаментъ и получающійся при вырѣзываніи обратный орнаментъ онъ считаетъ „началомъ азіатской орнаментики, слѣды которой играютъ чрезвычайно важную роль съ тѣхъ поръ въ ткацкой индустріи Востока", а растительный орнаментъ персидскаго искусства — „второстепеннымъ явленіемъ, которое лишь въ недавнее время было привито къ древнѣйшимъ спиральнымъ мотивамъ". Изъ приводимыхъ авторомъ положеній наиболѣе цѣнными и, въ общемъ, неоспоримыми мнѣ кажутся тѣ, которыя касаются обратнаго орнамента. Примѣнимо ли его объясненіе спиральнаго мотива ко всѣмъ персидскимъ коврамъ — мнѣ представляется сомнительнымъ: этнографія показала намъ, что нужно остерегаться односторонности и въ толкованіи орнамента избѣгать обобщеній. Къ одному и тому же узору можно, несомнѣнно, прійти различными путями его развитія (напомню лишь крестъ, свастику и интересующую насъ здѣсь двойную спираль), и я не считаю абсолютно невозможнымъ, чтобы изображенныя Almàsy узоры не сводились къ растительному орнаменту родного стиля, а не къ „киргизской линіи"; это не отнимаетъ у нихъ, однако, характера обратнаго орнамента и не противорѣчитъ происхожденію ихъ изъ техники накладного узора. Относящіеся сюда рисунки ковровъ номадовъ я, напротивъ того, вмѣстѣ съ ними признаю за тюркскіе узоры. Краткостью приведенной статьи объясняется то, что не повсюду взгляды его точно изложены, что не исключаетъ возможности недоразумѣній. Нужно полагать, что и Almàsy того мнѣнія, что только обратный

орнаментъ произошелъ изъ техники накладного узора, позитивный же орнаментъ, напротивъ того, болѣе ранняго происхожденія и развился независимо отъ этой техники. Онъ долженъ былъ уже существовать прежде, чѣмъ его начали примѣнять къ войлочнымъ коврамъ; послѣднее могло совершаться лишь путемъ вырѣзыванія узора либо изъ разнороднаго матеріала, который затѣмъ нашивался, либо изъ того же матеріала, войлока, который подвергался одинаковой съ ковромъ обработкѣ, т. е. его наносили на коверъ путемъ вваливанія. При вырѣзываніи узора самъ собой получался негативъ. Но въ обоихъ случаяхъ орнаментъ долженъ былъ уже заранѣе быть извѣстнымъ, картина его должна была существовать уже въ представленіи; онъ долженъ былъ зафиксироваться въ цѣломъ рядѣ переходныхъ стадій, начало которыхъ не могло лежать въ сложной техникѣ накладного узора, точно также, какъ и въ техникѣ плетенія циновокъ или въ техникѣ металлическихъ украшеній головныхъ уборовъ и вязанія мѣшковъ, гдѣ примѣняется тотъ же узоръ. Возможность такъ называемыхъ техническихъ орнаментовъ исключается. Настоящаго плетенія здѣсь не существуетъ, узоръ циновокъ образуется не переплетеніемъ стеблей, но путемъ обматыванія ихъ шерстью въ такомъ расчетѣ, чтобы вышелъ намѣченный заранѣе узоръ. Точно также нельзя и относительно войлока — который по однородности матеріала можетъ въ этомъ отношеніи быть поставленнымъ на ряду съ тапой примитивныхъ народовъ — говорить о техническомъ орнаментѣ, если понимать подъ этимъ, что сама техника обусловливаетъ извѣстныя линіи, которыя лишь впослѣдствіи становятся сознательными и эстетически прочувствованными и уже, какъ таковыя, намѣренно примѣняются къ предметамъ другой техники. Единственная возможность варьировать лежитъ здѣсь въ выборѣ различ-

ной шерсти. Но это зависитъ не отъ способа производства, а отъ чисто экономическихъ соображеній; различную шерсть не смѣшиваютъ, а лишь накладываютъ такъ, чтобы худшая шерсть покрывалась лучшей, и послѣ того, какъ все сваляется въ однородное цѣлое, оно имѣло бы видъ вещи большаго достоинства. Однородность состявляетъ главную суть техники войлочнаго производства, которая не можетъ привести къ техническому орнаменту. Орнаментъ, правда, хотя и сливается — по крайней мѣръ на половину въ ввалянныхъ узорахъ — съ матеріаломъ и въ этомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ ему, но онъ не обусловливается ни этимъ матеріаломъ, ни техникой его изготовленія. Узоры были уже налицо и наносились на матеріалъ подходящимъ для него техническимъ способомъ.

Зачатки орнамента можно искать здѣсь лишь на матеріалѣ, который находится готовымъ въ природѣ—камнѣ и деревѣ. И на самомъ дѣлѣ, тутъ мы находимъ его въ его самой примитивной формѣ, мы видимъ здѣсь тѣ предшествовавшіе ему реалистическіе образы и ступени стилизаціи, которые выясняютъ его значеніе и происхожденіе. Этимъ я прихожу ко второму пункту, который долженъ былъ бы заслужить въ работѣ Almàsy болѣе точнаго опредѣленія.

Авторъ говоритъ объ обращенной наружу спирали, которую киргизы считаютъ бараньимъ рогомъ, но онъ не говоритъ, раздѣляетъ ли онъ это мнѣніе; онъ упоминаетъ названіе, которое оно носитъ у киргизовъ — „бараній рогъ“, но онъ не высказывается, придаетъ ли онъ этому названію значеніе въ смыслѣ выясненія орнамента и его происхожденія. Я склоненъ думать, что онъ именно такого мнѣнія, ибо, мнѣ кажется, невозможно, занимаясь этимъ узоромъ, не признать той внутренней связи, которая раскрывается передъ тѣмъ, кто, какъ авторъ, видитъ здѣсь зачатки азіатской орнаментики.

Съ незапамятныхъ временъ овцеводство было основой среднеазіатскаго хозяйства, и ничего нѣтъ естественнѣе, что овца—радость, богатство, жизненный нервъ номада,—доставляющая ему буквально все необходимое для его питанія и другихъ потребностей, играющая первенствующую роль въ его разсказахъ и суевѣріяхъ, и въ его искусствѣ является главнымъ мотивомъ.

Едва ли можно предположить, что дуговую линію породила смутная фантазія, что, радуясь ея красотѣ, ее преобразовали затѣмъ въ столь типичную, все повторяющуюся симметричную двойную линію, избрали ее почти исключительнымъ мотивомъ для орнамента, развили въ тысячу варіацій, не измѣняя ей ни разу, удержали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ техникѣ всѣхъ производствъ, и что, только въ концѣ концовъ, въ ней было признано сходство съ бараньимъ рогомъ, и ей дали его названіе. Она, скорѣе, имѣла передъ собою образъ, а гдѣ искать его, какъ не въ этомъ именно рогѣ? Было бы натяжкой искать другой образъ — будь то какой либо существующій предметъ, мистическій символъ, или что либо другое—и предположить, что въ происшедшей изъ его изображенія орнаментной линіи уже впослѣдствіи было признано сходство съ рогомъ, и ей было дано его названіе. Удивительно было бы, если бы всѣ киргизы и туркмены повсюду открыли это сходство и всѣ безъ колебанія назвали фигуру эту бараньимъ рогомъ. Когда я спрашивалъ у нихъ о значеніи другихъ узоровъ, они или отклоняли всякое объясненіе или, не полагаясь на себя, призывали на помощь старухъ. При толкованіи ими значенія занимающаго насъ орнамента не могло быть рѣчи о какихъ либо импровизированыхъ объясненіяхъ, — названіе мотива было, напротивъ того, совершенно традиціоннымъ, укоренившимся и общеизвѣстнымъ.

Свадебные гости на скачкахъ.

Скачки.

Итакъ, я того мнѣнія, что въ этомъ мотивѣ мы имѣемъ дѣло не со спиральной линіей,—безразлично, придуманной ли или скопированной съ какого либо предмета и получившей названіе „бараній рогъ“ ради ея сходства съ этимъ послѣднимъ, а именно съ сознательнымъ изображеніемъ этого рога. Если бы вопросъ о происхожденіи киргизскаго орнамента могъ быть еще пріобщенъ къ спору о происхожденіи орнаментовъ вообще, то можно было бы спорить о томъ, былъ ли сдѣланъ первый рисунокъ дуговой линіи сознательно, съ намѣреніемъ передать контуры бараньяго рога, или же она создалась сама собою среди другихъ нечаянныхъ и неосмысленныхъ черточекъ и царапинъ. Историки примитивнаго искусства отвѣтятъ на этотъ вопросъ различно. Но даже предположивъ второй случай, пріобщеніе этой линіи къ орнаментикѣ, ея распространеніе и богатая разработка ея формъ становятся мыслимы лишь послѣ того, какъ она вылилась въ конкретный, сознательный образъ, образъ рога, который, слѣдовательно сформировался уже въ самую раннюю пору рисовальнаго искусства, до появленія какой бы то ни было сознательной орнаментики. Я, конечно, думаю, что этотъ конкретный образъ существовалъ еще до первыхъ сдѣланныхъ рисовальщикомъ штриховъ, что художникъ въ созерцаніи стоящаго передъ нимъ объекта узнавалъ знакомыя линіи и сознательно ихъ выводилъ.

Какъ это произошло, еще и теперь можно видѣть на киргизахъ Мангышлака. Всепоглощающее значеніе животнаго въ хозяйствѣ номада обезпечиваетъ ему особое вниманіе со стороны этого послѣдняго, и прежде всего того, который стоитъ съ нимъ въ непосредственномъ и постоянномъ общеніи — пастуха. Въ созерцательной праздности проводитъ онъ безконечные часы при своихъ стадахъ, отдыхаетъ на пескѣ, у колодца, подъ защитою скалъ, играя своимъ посо-

хомъ, палкою, на которой онъ отмѣчаетъ дни своей службы. Конецъ ея чертитъ образы, которые онъ видитъ передъ собою, — змѣй, верблюдовъ и чаще всего овецъ; первыя попадаются рѣдко, въ преобладающемъ же количествѣ на скалахъ Мангышлака изображены овцы, цѣликомъ въ реальной копіи или же, вмѣсто животнаго, какъ pars pro toto, его главный признакъ — рога. Въ этомъ сокращеніи изображеніе животнаго становится орнаментомъ, рогъ становится лейтмотивомъ киргизской орнаментики. Способствовали ли его дальнѣйшему распространенію на ряду съ художественными цѣлями также и религіозные моменты, какъ, быть можетъ, роль рога въ качествѣ амулета, здѣсь не мѣсто рѣшать; я думаю что дальнѣйшія изслѣдованія будутъ нѣсколько содѣйствовать рѣшенію этого вопроса, и мнѣ кажется, что мнѣ удалось найти указаніе въ этомъ смыслѣ относительно стараго Китая.

Отъ бѣглыхъ досужихъ рисунковъ на пескѣ и скалахъ рогъ получаетъ уже сознательное и прочное мѣсто въ украшеніи домашней утвари, сначала, хотя и рѣдко, какъ пластичное украшеніе, какъ, напр., на изображенномъ на рис. 12 четыреугольномъ ящикѣ, на верхнихъ углахъ котораго рога вѣнчаютъ собою переднюю и заднюю стѣнки, или на серебряныхъ украшеніяхъ сеукеле, головного убора невѣсты, изображеннаго на рис. 17; однако, оба эти образца остались единственными экземплярами, которые мнѣ пришлось встрѣтить. Настоящею областью его распространенія и основаніемъ къ дальнѣйшему развитію его формъ является плоскій орнаментъ.

Рис. 28. Дощечка киргизскаго ткацкаго станка.

Простой его силуэтъ мы видимъ на рис. 28, представляющей рѣзную деревянную дощечку описаннаго уже нами ткацкаго аппарата, состоящаго изъ четырехъ такихъ

дощечекъ и служащаго для изготовленія узкихъ лентъ. Слѣдующимъ шагомъ развитія этого орнамента является рядъ связанныхъ между собою роговъ, получающійся при вырѣзываніи орнамента на кругѣ или кольцѣ. Такой случай представляется, напр., въ конической формѣ пряслицы; быть можетъ, именно этотъ наиболѣе распространенный и самый характерный предметъ киргизскаго домашняго обихода и далъ толчекъ къ развитію орнаментной линіи.

Рис. 29. Развернутый орнаментъ киргизской пряслицы.

На рис. 29 изображенъ развернутый узоръ деревянной пряслицы, состоящій изъ трехъ расположенныхъ въ рядъ роговъ. Удлиненіемъ этихъ роговъ отъ основанія по спирали внизъ и соединеніемъ продолженій каждыхъ двухъ сосѣднихъ роговъ получается непрерывная орнаментная кайма.

Рис. 30. Киргизскій ящикъ съ выдвижной крышкой.

Рога могутъ располагаться не только въ рядъ, но и другъ надъ другомъ, какъ мы это видимъ на верхней сторонѣ и на выдвижной крышкѣ стариннаго ящичка для инструментовъ на рис. 30. Мы имѣемъ также примѣры, гдѣ рога изображены повернутыми другъ отъ друга, такъ что они касаются своими основаніями, какъ это видно на верхнемъ косякѣ

двери на рис. 31. На мѣстѣ прикосновенія получается ромбической формы поле; по сторонамъ отъ этой фигуры оно

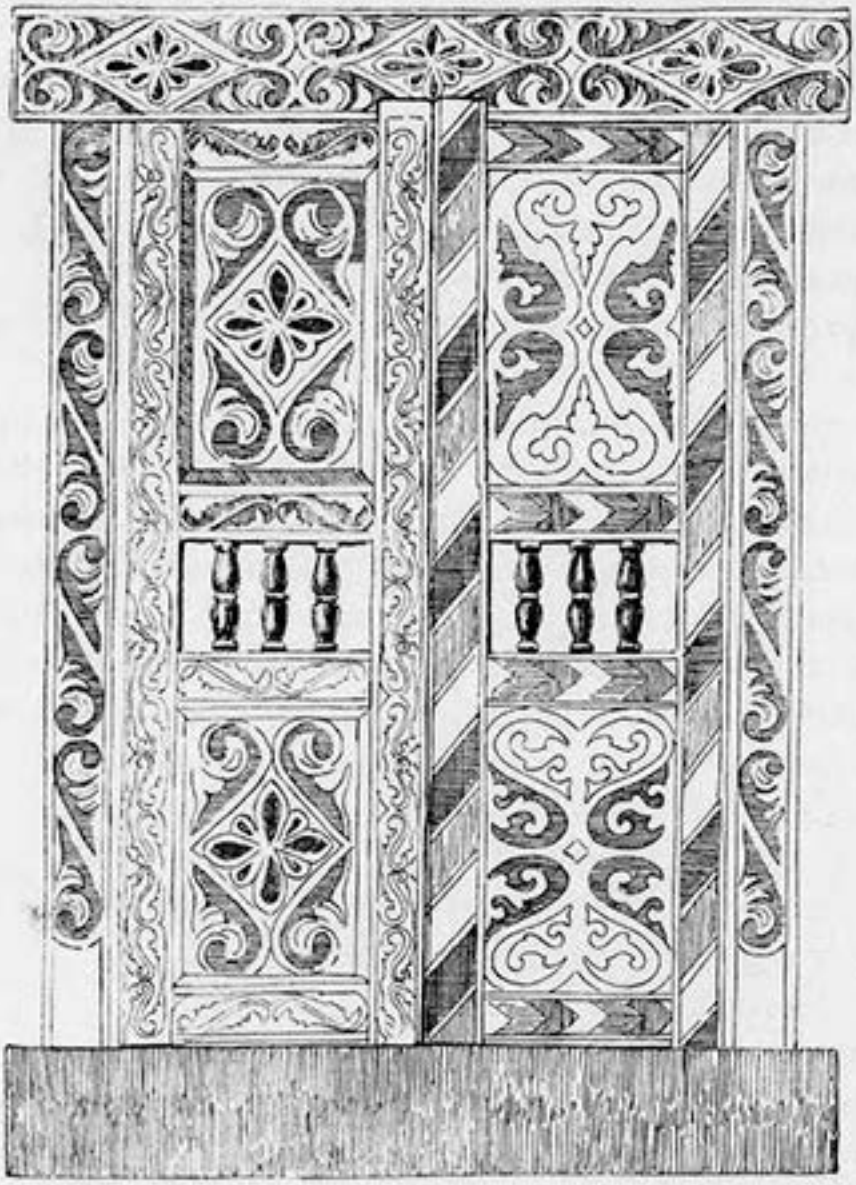


Рис. 31. Киргизская рѣзная дверь, сдѣланная въ Уральскѣ въ 1850 г.

вырастаетъ въ самостоятельный мотивъ, такъ что выглядитъ, какъ будто на боковыя вершины ромба насажены простые рога, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣется лежащій

двойной рогъ съ растянутой серединой. Мы впослѣдствіи встрѣтимъ этотъ мотивъ еще въ другомъ мѣстѣ.

Филенки этой двери, которая изображена здѣсь такъ, что лѣвая створка представляетъ — наружную — рѣзную сторону, правая — внутреннюю — раскрашенную, показываютъ намъ двойные рога въ нѣсколькихъ варіантахъ. Налѣво мы ихъ видимъ въ вертикальномъ положеніи и растянутыми въ серединѣ большимъ ромбическимъ полемъ, какъ на верхнемъ косякѣ; на право они расположены горизонтально и прилегаютъ прямо другъ къ другу. Кромѣ того изъ середины вырастаютъ наверхъ и внизъ еще завитки, которые также развились изъ рога или двойного рога, такъ что получаѣтся какъ бы четыре крестообразно расположенныхъ рога. На нижней вставкѣ завитки множатся, затемняютъ чистую дуговую линію разными непонятными изгибами, отягощаютъ ее всевозможными короткими уродливыми придатками, и лишь при ближайшемъ изученіи и выдѣленіи запутывающихъ деталей можно узнать старый мотивъ роговъ.

Тоже самое мы видимъ и на рис. 32, на узорѣ, взятомъ съ табакерки. Здѣсь также мотивъ затемненъ, а именно двумя скрещивающимися въ видѣ восьмерки линіями, начинающимися на концахъ роговъ. Только при сравненіи съ маленькими фигурами, изолированно размѣщенными между восьмерками и ясно представляющими рога и лобную часть черепа, становится возможнымъ опредѣлить и для остальныхъ элементовъ этого орнамента ихъ настоящій характеръ.

Рис. 32. Рѣзной орнаментъ на табакеркѣ.

Все возрастающее примѣненіе этого мотива на орнаментахъ и его модификація, благодаря капризу художе-

ственной фантазіи и необходимости приспособляться къ мѣсту, ведутъ къ отдѣленію нѣкоторыхъ его частей, которыми затѣмъ свободные промежутки заполняются уже какъ самостоятельнымъ орнаментомъ; ихъ изгибы, крючки и зубцы становятся понятными лишь въ связи съ первоначальными полными фигурами, какъ, напр., на боковыхъ косякахъ двери на рис. 31 и на пряслицѣ на рис. 33. Дальнѣйшее развитіе этого орнамента ведетъ къ перемѣщенію отдѣльныхъ его частей въ предѣлахъ того же мотива, а вмѣстѣ съ этимъ къ разнообразнымъ варіаціямъ, которыя получаютъ свой смыслъ также лишь при сравненіи ихъ съ чистыми ранними формами. Хорошимъ примѣромъ этого служитъ дверь одной туркменской кибитки, которую я видѣлъ между Александровскимъ фортомъ и Киндерли и которую я сфотографировалъ (таб. 29). Створки двери представляютъ четыре равныхъ поля, покрытыхъ рѣзьбою въ разсматриваемомъ нами стилѣ. Самое верхнее поле заключаетъ двѣ одинаковыя фигуры съ четвернымъ — поставленнымъ вкось — рогомъ. Второе поле заключаетъ тѣ же двѣ фигуры, но рога перевернуты, вслѣдствіе чего четыре внутреннихъ рога такъ приближаются другъ къ другу, что кажется, что между фигурами всунуто еще особое центральное поле; четыре нижнихъ рога соединены въ новую группу по два рога, которые несутъ уже въ себѣ зачатки распаденія частей, изолируемыхъ впослѣдствіи въ самостоятельное украшеніе. На третьемъ полѣ мы видимъ этотъ процессъ уже завершившимся, середина занята двумя расположенными горизонтально двойными рогами; вокругъ расположены части аналогично задуманныхъ, но отрѣзанныхъ рамою фигуръ, представляющія какъ бы самостоятельные элементы.

Рис. 33.
Киргизская пряслица.

Очень интересное дальнѣйшее развитіе рогового мотива показываетъ рис. 34, верхній косякъ двери одной кибитки въ Тургайской степи, который я пріобрѣлъ въ Казалинскѣ. На мѣстѣ мнѣ не могли истолковать рѣзьбу, но, мнѣ кажется, это можно сдѣлать, не боясь возраженій, на основаніи разобраннаго уже нами матеріала, а именно, если поставить рядомъ верхній косякъ двери рис. 31. Оба ромба соотвѣтствуютъ тремъ ромбамъ этого послѣдняго, къ ихъ боковымъ вершинамъ приставлено по парѣ роговъ, какъ и тамъ, съ тою только разницею, что, изъ за недостатка мѣста, они потеряли свою красивую округлую дугообразную форму и получили круглый изгибъ. О своеобразной формѣ

Рис. 34. Верхній косякъ двери.

концовъ этихъ роговъ я сейчасъ буду говорить. Сбоку и между обоими ромбами имѣются три спирали, которыя, по моему мнѣнію, представляютъ не что иное, какъ плоды игривой фантазіи при копированіи завитка роговъ*).

Чтобы объяснить упомянутые своеобразно заостренные концы роговъ, укажу на то, что въ киргизской орнаментикѣ выступаетъ отдѣльнымъ мотивомъ стрѣла; лежитъ ли тутъ въ основаніи суевѣрное представленіе, какъ разсказанное на стр. 138 или это пережитокъ изъ болѣе воинственныхъ временъ, остается нерѣшеннымъ. На рис. 6 была изображена старинная деревянная булава, которая въ мое время служила молоткомъ для сахара; на ней

*) Спирали эти представляютъ, несомнѣнно, изображеніе солнца, — очень распространенный въ Средней Азіи мотивъ. *Пер.*

были набиты тонкія костяныя пластинки, изъ которыхъ вырѣзаны фигурки стрѣлъ. Эти стрѣловидныя мѣста теперь всѣ незаполнены, такъ что въ ихъ глубинѣ видно дерево булавы; надо полагать, что прежде они были заполнены мѣдью, такъ какъ кромѣ нихъ мы видимъ другія украшенія изъ того же матеріала: пуговицы, продолговатыя палочки, которыя точно также вставлены въ кость, въ соотвѣтствующіе вырѣзы и др.; съ теченіемъ времени заполненія эти выпадали. Я считаю возможнымъ, что острые концы роговъ на рис. 34 имѣли образцомъ наконечники стрѣлъ, и что здѣсь мы имѣемъ передъ собою сплетеніе двухъ мотивовъ *).

Рис. 35. Киргизская пороховница.

Мотивъ рога, выработанный въ техникѣ рѣзьбы, переходитъ въ орнаментику другихъ производствъ.

Передъ нами на рис. 37 вязаная сумка съ узоромъ изъ красныхъ нитокъ, на которомъ можно различить какъ

Рис. 36. Боковой косякъ двери. (Принадл. къ рис. 34).

простыя, такъ и полученныя противопоставленіемъ двухъ паръ двойные рога. Характеръ техники обусловливаетъ

*) Къ верхнему косяку дверей принадлежатъ еще боковые косяки (рис. 36), которые рядомъ съ непонятною мнѣ рѣзьбою покрыты еще своеобразными цвѣтными крапинами, напоминающими подобнымъ же образомъ окрашенные черепа, изображенные на рис. 20 и служащіе предметомъ колдовства при болѣзняхъ. Возможно, что мы и въ случаѣ съ дверями имѣемъ дѣло съ магическимъ значеніемъ этихъ крапинъ, съ колдовствомъ, которое должно защищать кибитку отъ дурного глаза и т. д.

Киргизская супружеская чета.

собою извѣстную неуклюжесть и угловатость дуговой линіи рога. Тоже самое происходитъ и на циновкахъ, изображенныхъ на рис. 38 и 39, на которыхъ узоръ получается оплетеніемъ отдѣльныхъ стеблей цвѣтною шерстью. Первая изъ нихъ служитъ для покрытія снаружи стѣнъ кибитки, вторая полкой, которая подвѣшивается шнурками къ рѣшеткѣ кибитки. Здѣсь также сама техника работы обусловливаетъ отклоненіе отъ дуговой линіи,—она здѣсь изломанная; округленіе рога достигается приставкой другъ къ другу многихъ прямыхъ линій; картина получается такая же, какъ на вышивкахъ по канвѣ.

Рис. 37. Вязаная сумка.

Я считаю возможнымъ, что техника изготовленія этихъ циновокъ, распространенныхъ по всему Мангышлаку, привела къ узору съ угловатыми крючками на коврахъ номадовъ; происхожденіе этого узора я веду, вмѣстѣ съ Almàsy, отъ мотива рога или, какъ онъ говоритъ, спирали. Въ строгомъ смыслѣ, и въ ковровой техникѣ дуговая линія становится изломанной: но нитки, благодаря мягкому, податливому матеріалу, прилегаютъ здѣсь такъ плотно другъ къ другу, что, конечно, полное закругленіе здѣсь легко достижимо. Въ циновкахъ при твердости матеріала и при отстояніи другъ отъ друга стеблей достигнуть этого закругленія невозможно,—каждая дуга выходитъ неизбѣжно угловатой.

Въ общемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя не узнать дуговой линіи, и наряду съ этимъ мы видимъ обѣ половины роговъ уже какъ самостоятельные элементы орнамента. Это произошло такимъ образомъ, что сначала рисо-

вали извѣстные уже намъ ромбы съ рогами на вершинахъ,

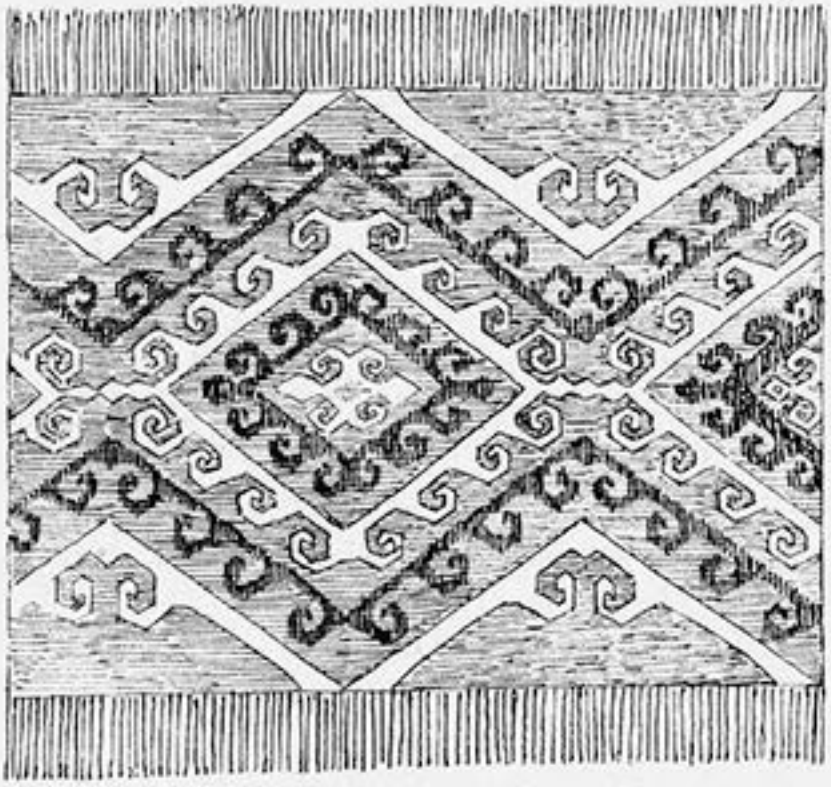


Рис. 38. Часть циновки со стѣны кибитки.

а затѣмъ (см. рис. 38) украшали ихъ края простымъ повтореніемъ соотвѣтствующей, обращенной въ эту сторону, дуги рога. Столь знакомые намъ по переднеазіатскимъ коврамъ ряды параллельныхъ крючковъ вытекаютъ изъ такого развитія орнамента, при чемъ совершенно не важно, будутъ-ли изъ за техниче-

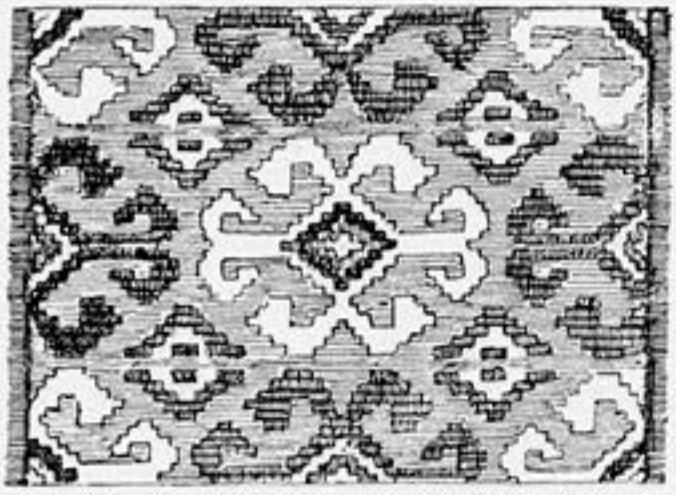


Рис. 39. Стѣнная полка изъ циновки изъ оплетенныхъ шерстью стеблей камыша.

скихъ условій, о которыхъ мы говорили, эти крючки изогнуты или угловаты. Обусловленные законами одной тех-

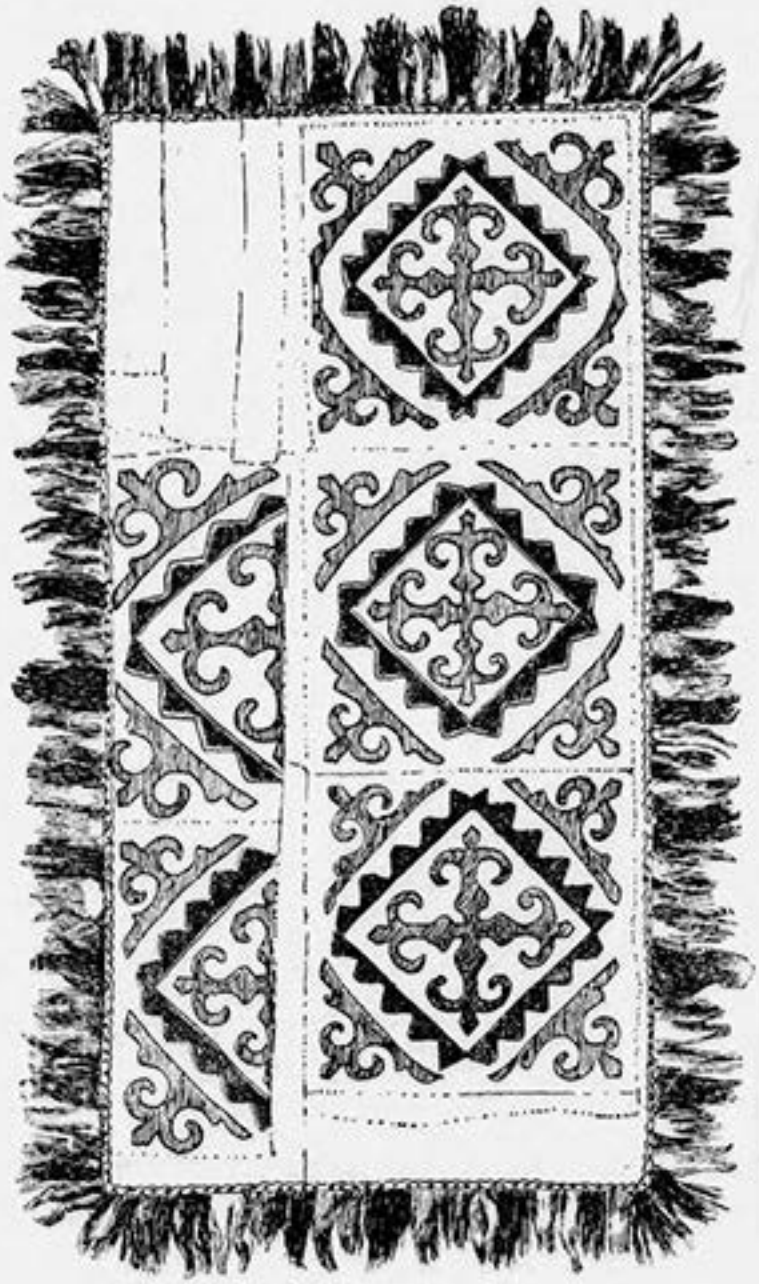


Рис. 40. Кошма съ нашивнымъ узоромъ.

ники, они переносятся на другія производства, техникѣ которыхъ не присуще вліяніе на ихъ форму, и мы видимъ

тутъ рядомъ, безъ всякаго выбора, и тотъ, и другой родъ крючковъ.

Въ самомъ старинномъ киргизскомъ войлочномъ производствѣ господствуетъ первоначальная дуговая линія рога.

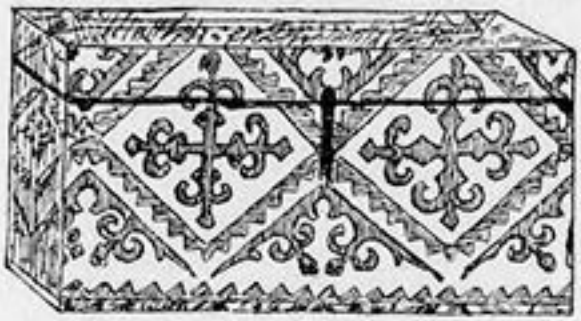


Рис. 41. Сундукъ съ войлочной обивкой.

Узоръ, какъ мы уже упоминали, вырѣзывается, либо изъ войлока, въ какомъ случаѣ онъ долженъ уваляться въ остальной войлокъ, либо изъ матеріи, и въ этомъ случаѣ узоръ нашивается. Рис. 40 и 41, кошма и обивка сундука, показываютъ образцы послѣдняго рода; на орнаментѣ мы видимъ знакомые намъ варіанты простыхъ и четверныхъ роговъ, равно и отдѣлившіяся отъ нихъ детали въ видѣ отдѣльно стоящихъ крючковъ. Рис. 42 даетъ образецъ ваяннаго узора; это не-

Рис. 42. Войлочный коврикъ съ ваяннымъ узоромъ.

большой коврикъ, который кладется вмѣсто скатерти на полъ кибитки, когда подаютъ чай или баранину. Мы видимъ на немъ три такія же спирали, какъ на верхнемъ косякѣ дверей на рис. 34, являющіяся, какъ мы признали, одной изъ ступеней развитія рогового мотива, какъ конечный продуктъ игриваго удлиненія дуговой линіи рога.

Способъ аппликаціи (накладного узора) не ограничивается однимъ только войлочнымъ производствомъ, къ ней прибѣ-

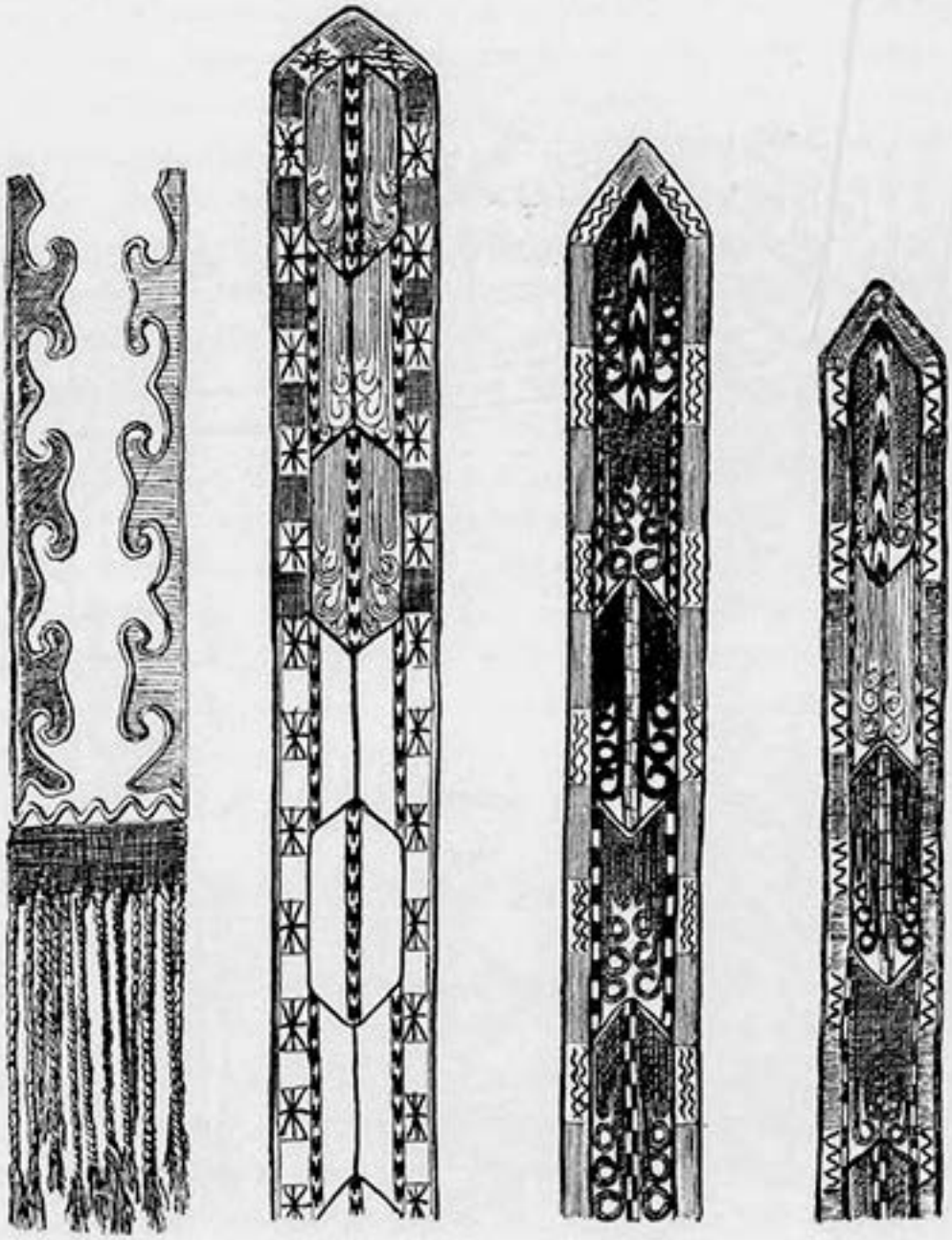


Рис. 43—46. Киргизскіе пояса.

гаютъ и для украшенія тканей. Рис. 43 представляетъ одинъ изъ поясовъ, которые протягиваются — узоромъ внутрь —

по рѣшеткамъ кибитки и, туго натягиваясь, даютъ большую устойчивость легкой постройкѣ. Это тканый поясъ, съ на-

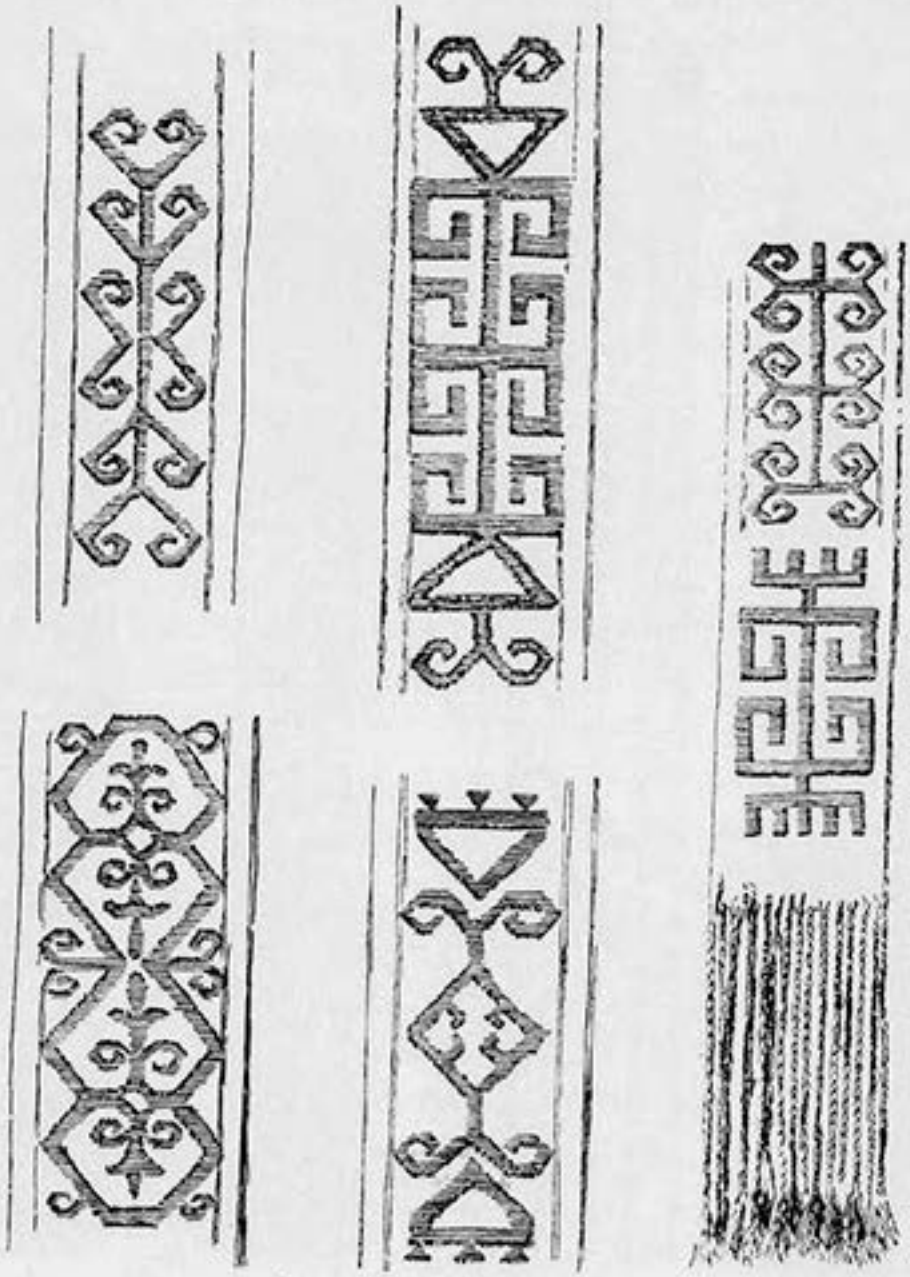


Рис. 47. Киргизскіе пояса.

шитой на него матеріей, которая вырѣзана цѣльной полосой, и представляетъ орнаментъ, совершенно ясно составленный

изъ роговъ, т. е. изъ фигуръ, представляющихъ двойные рога.

Рис. 47 представляетъ поясъ, котораго узоръ не нашитъ, а сотканъ. Онъ отличается своими многочисленными варіаціями одного мотива; здѣсь на небольшомъ пространствѣ дается какъ бы перечень всѣхъ стадій развитія, которыя мы до сихъ поръ прослѣдили. Мы видимъ тутъ простые рога въ ихъ естественной округлости, противолежащіе двойные рога и ромбъ съ двумя рогами на вершинахъ. Этотъ послѣдній является здѣсь въ новомъ измѣненіи: въ одномъ мѣстѣ онъ распадается на два треугольника, въ другомъ становится доминирующимъ мотивомъ и представляетъ непрерывную ленту ромбовъ, которые воскрешаютъ внутри своихъ контуровъ рога, сдѣлавшіеся излишними снаружи; здѣсь зачатки первыхъ отступленій отъ чистой дуговой линіи и перехода къ ломанной, ведущихъ въ крайнихъ своихъ формахъ къ прямолинейному зигзагу, сходному съ меандромъ; наконецъ, не отсутствуютъ также и отдѣльныя части, отрѣзанныя отъ цѣлаго и превратившіяся въ ничего не значущія фигуры, потерявшія всякую органическую съ ними связь.

Въ противоположность войлочному производству, техника котораго безспорно является изобрѣтеніемъ номадовъ, вышивку я считаю городского, туркестанскаго, и прежде всего—староперсидскаго происхожденія. Къ ея узорамъ, первоначально персидскимъ, заимствованнымъ изъ растительнаго царства, у номадовъ примѣшиваются, со времени заимствованія этой техники, ихъ собственные, развившіеся изъ рога, мотивы. Изображенная на рис. 48 попона въ своей верхней части имѣетъ три поля, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ. Линіи круговъ расширены въ узкія полосы, орнаментъ которыхъ напоминаетъ упомянутыя

раньше стрѣлы. Большой кругъ заполненъ шестью цѣликомъ вышитыми фигурами роговъ, малый кругъ — четырьмя фигурами; цвѣта въ большомъ кругѣ желтые и синіе, въ маломъ темно — и свѣтло синіе; контуры вышиты яркимъ, краснымъ цвѣтомъ, такъ что промежутки между рогами рѣзко очерчены и пластически выдѣляются, какъ негативное изображеніе роговъ, такъ что получается перевитой, почти сбивчивый хороводъ, великолѣпіе красокъ котораго производитъ поразительное и при всемъ этомъ удивительно мягкое впечатлѣніе. Попона окаймлена двумя бордюрами, идущими параллельно ея краямъ и вдающимися острымъ угломъ въ ея нижній конецъ. Въ наружномъ бордюрѣ персидскія розетки чередуются съ двойными рогами, которые намъ уже такъ часто попадались: внутренній бордюръ состоитъ изъ крючкообраз-

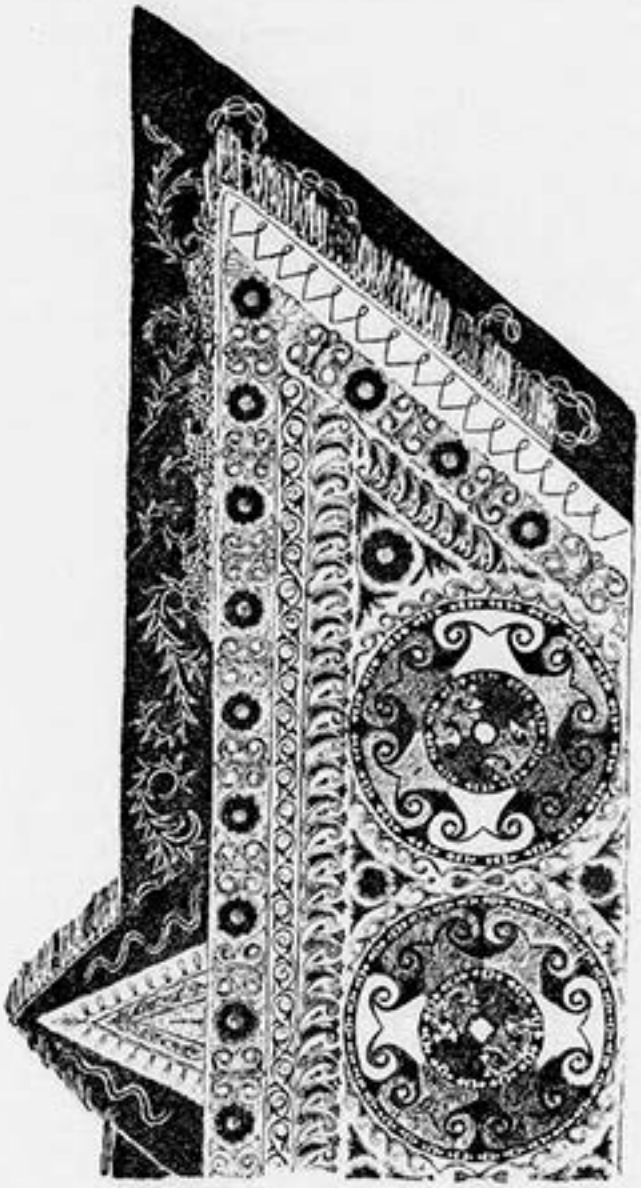


Рис. 48. Киргизская попона.

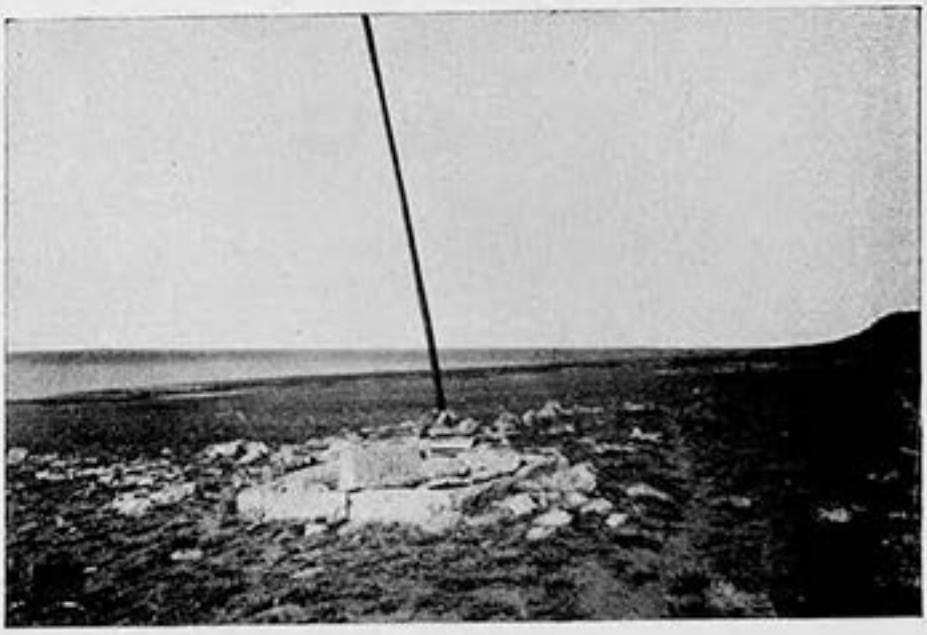
Туркменскій надгробный камень.

Туркменское кладбище.

Библиотека СССР

Туркменскія могилы.

Гос. Б-ка СССР им. В. И. Ленина



Туркменскія могилы.

Гос. Б-ка СССР им. В. И. Ленина

ныхъ элементовъ, которые могли произойти изъ перерѣзанныхъ пополамъ простыхъ роговъ. Окаймляющая большіе круги полоса, вѣроятно, того же происхожденія.

Рис. 49 представляетъ намъ другую попону. Въ ней преобладаютъ растительные элементы персидской орнаментики, но въ болѣе узкомъ, внутреннемъ изъ обоихъ параллельныхъ, краю остроугольныхъ бордюръ удержались еще полурога—и въ связной линіи образуютъ кайму изъ крючковъ.

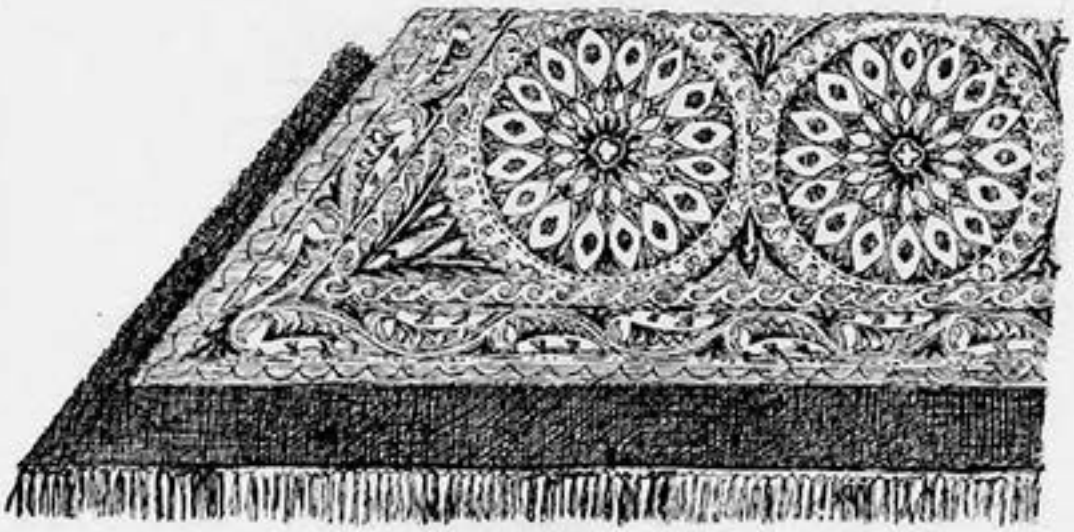


Рис. 49. Киргизская попона.

Одинокое явленіе представляютъ рога на головномъ платкѣ, изображенномъ на рис. 50, гдѣ, несмотря на ихъ отдѣленіе отъ своего основанія, они производятъ реальное впечатлѣніе. Въ орнаментальной стилизаціи и группировкѣ рога владѣютъ линіями великолѣпныхъ вышивокъ на поясахъ кибитокъ на рис. 44—46. На высотѣ прежней мощи и значенія мы видимъ ихъ на каймѣ туркменскаго халата на рис. 51; здѣсь они достигаютъ той сложной группировки и разносторонней варіаціи мотива, какая присуща техникѣ рѣзьбы и войлока, и даютъ новое доказательство связи между нашими узорами.

Вмѣстѣ съ вышивками и ковровое производство обязано своимъ происхожденіемъ городской культурѣ: оно незнакомо киргизамъ, но путемъ торговли продукты его проникаютъ въ кибитки номадовъ, гдѣ ихъ цѣнятъ, какъ украшеніе, и обращаются съ ними, какъ съ цѣннымъ предметомъ, почти, можно сказать, какъ съ деньгами.

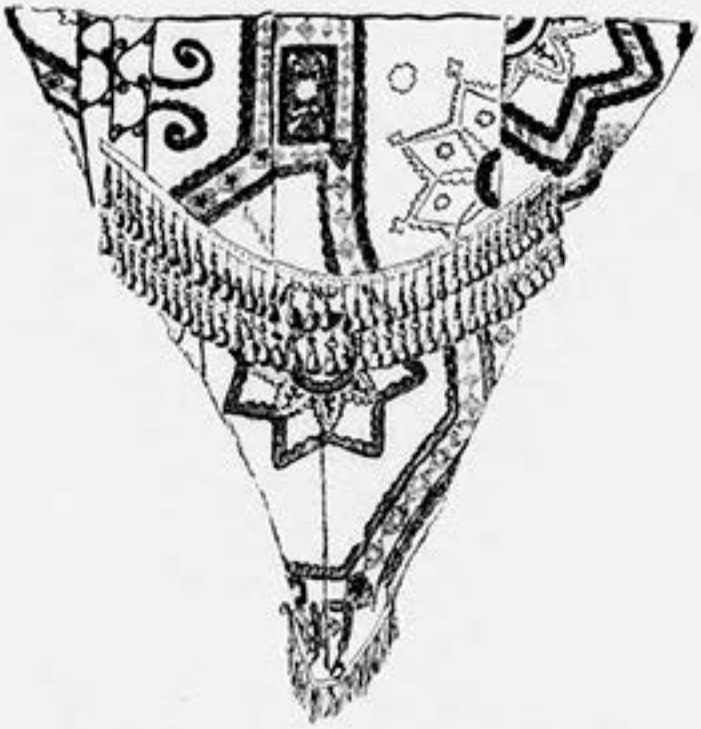


Рис. 50. Киргизскій головной платокъ.

Но хотя киргизы сами и не изготовляютъ ковровъ, они тѣмъ не менѣе оказали вліяніе на ихъ орнаментацію: какъ перемѣшивались оба стиля на вышитыхъ попонахъ, о которыхъ была рѣчь, такъ мы находимъ снова—повидимому подъ тюркскимъ вліяніемъ — на туркменскихъ и другихъ, такъ называемыхъ, коврахъ номадовъ, а дальше и на кавказскихъ и переднеазіатскихъ коврахъ мотивъ роговъ въ чистомъ видѣ или во всевозможныхъ измѣненіяхъ. Чѣмъ больше

обращать на это вниманія, тѣмъ чаще его находишь и тѣмъ рѣже встрѣтится коверъ этихъ странъ, на которомъ бы его не было.

До сихъ поръ я говорилъ объ орнаментировкѣ, лишь поскольку она находитъ примѣненіе въ домашнихъ издѣліяхъ и въ прикладномъ искусствѣ; и мы видимъ въ дѣйствительности, какъ я уже вначалѣ упомянулъ, что этимъ и ограничивается ея область. Я знаю только одинъ случай, когда объ орнаментировкѣ, можно, пожалуй, говоритъ, какъ о свободномъ искусствѣ, — я имѣю въ виду живопись на стѣнахъ

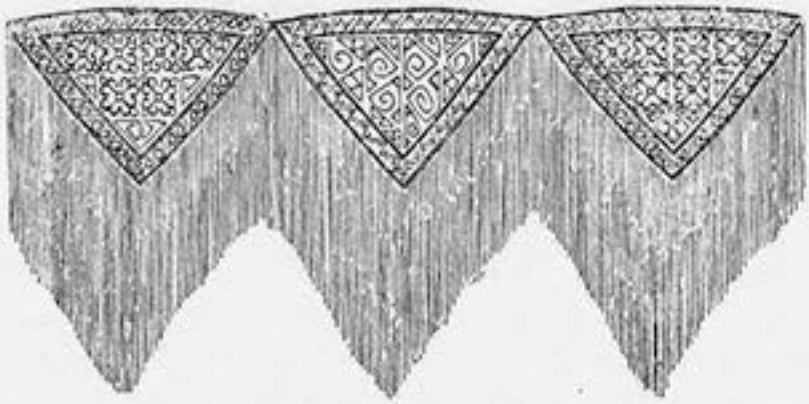


Рис. 51. Кайма туркменскаго халата.

мавзолеевъ. И здѣсь доминируетъ нашъ мотивъ, какъ мы видимъ изъ таб. 29.

Я считаю важнымъ и въ тоже время многообѣщающимъ изученіе этого мотива на болѣе обширномъ матеріалѣ, который прежде всего долженъ обнять всѣ имѣющіяся на лицо киргизскія коллекціи, а затѣмъ распространиться и на другія тюркскія народности монголовъ, сѣверныхъ азіатовъ и родственныя имъ племена. Я вынужденъ былъ ограничиться собственнымъ матеріаломъ, въ его главныхъ чертахъ, такъ какъ большія русскія собранія, которыя должны явиться въ этомъ вопросѣ рѣшающими, въ настоящее время недоступны;

но я надѣюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ найду возможность расширить сравнительное изученіе этого вопроса. Будущее покажетъ, должно ли опредѣленіе „киргизская линія" обобщиться въ „тюркскую линію", и не является ли эта линія на самомъ дѣлѣ кореннымъ азіатскимъ мотивомъ въ смыслѣ Almàsy. Далѣе я надѣюсь, что приведенный здѣсь матеріалъ уже теперь на столько возбудитъ интересъ, что вызоветъ и съ другихъ сторонъ изслѣдованія въ указанномъ направленіи, и я былъ бы счастливъ, если бы исполнились мои надежды на успѣхъ даннаго мною толчка.

Киргизскіе мавзолеи.

ГЛАВА IX.

Тысяча и одна ночь.

Кому приходилось видѣть въ арабской кофейнѣ разсказчика сказокъ и наблюдать за его слушателями, тотъ знаетъ, какая тѣсная связь устанавливается между ними, и понимаетъ все значеніе изустныхъ преданій для народовъ, лишенныхъ газеты, всю цѣнность сказокъ для жителя восточныхъ странъ. Киргизы въ этомъ отношеніи настоящіе сыны Востока. Правда, у нихъ нѣтъ публичныхъ кофеенъ, въ которыхъ въ пріятномъ ничегонедѣланіи крадутся у жизни цѣлые часы, но и за очагомъ кибитки собирается весь аулъ послушать странствующаго пѣвца, который умѣетъ наполнять душу родными исторіями и чужими сказками. Мой проводникъ Уразъ былъ полонъ такихъ исторій и забавныхъ разсказовъ, въ долгіе переѣзды по уединенной степи верхомъ онъ помогалъ намъ коротать время и никогда не уставалъ плести нить мельчайшихъ подробностей и въ пластичной наглядности вести своихъ героевъ черезъ цѣлый міръ чудесъ и духовъ. Его репертуаръ состоялъ изъ басенъ, гдѣ фигурировали животныя, небольшихъ забавныхъ повѣстей, геройскихъ пѣсенъ Махдункули,

разсказовъ Насръ-эддина и сказокъ, явно заимствованныхъ изъ „Тысячи и одной ночи".

Привожу одну изъ басенъ, какъ образецъ.

Исторія о глупомъ волкѣ.

Одинъ голодный волкъ отправился поискать себѣ чего-нибудь на жаркое. Тутъ ему повстрѣчалась коза. Волкъ ей говоритъ: „Иди-ка сюда, я долженъ тебя съѣсть". А коза ему отвѣчаетъ: „Если ужъ этому не миновать, то нечего дѣлать, но видишь, какая я худая, во мнѣ немного толку, а вотъ я побѣгу домой и принесу своего ягненка, тогда ужъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, будетъ чѣмъ полакомиться". Волкъ согласился, а коза убѣжала, — только ее волкъ и видѣлъ.

Волкъ, прождавъ ее напрасно, наконецъ, отправился дальше, чтобы поискать опять чего-нибудь поѣсть. Ему на встрѣчу идетъ овца. „Овца, я долженъ тебя съѣсть". Овца отвѣчаетъ: „Развѣ ты не можешь взять кого-нибудь другого? вѣдь я лучшій танцоръ, и было бы очень жаль, если бы я погибла" — „А ты умѣешь танцовать?" спрашиваетъ волкъ. „Какже, я тебѣ это сейчасъ покажу". Овца стала танцовать, и, танцуя, дѣлать все большіе круги, пока не убѣжала. Тогда волкъ разсердился и пошелъ дальше. Тутъ ему попадается лошадь. „Лошадь, я долженъ тебя съѣсть", сказалъ онъ. А лошадь отвѣчаетъ: „А ты развѣ знаешь, можешь ли меня съѣсть?" — „Какъ такъ? спрашиваетъ волкъ". А лошадь въ отвѣтъ: „Тамъ, подъ моимъ хвостомъ есть записка, на ней написано, можешь ли ты меня съѣсть или нѣтъ". Волкъ заглянулъ подъ хвостъ, а лошадь такъ лягнула его по головѣ, что онъ съ воемъ пустился бѣжать прочь.

Примѣромъ маленькихъ веселыхъ разсказовъ можетъ служить слѣдующая

Исторія объ обманщикѣ и богатомъ человѣкѣ.

Одинъ богатый человѣкъ услышалъ объ обманщикѣ, который умѣлъ перехитрить весь свѣтъ, и сказалъ: „Я лучше отправлюсь самъ и посмотрю, какъ онъ это дѣлаетъ, меня то ужъ онъ, навѣрное, не проведетъ". Сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Онъ засталъ обманщика у колодца, гдѣ тотъ стерегъ овецъ.

„Это ты тотъ человѣкъ, который обманываетъ весь свѣтъ?"

„Это я".

„А какъ же это ты, собственно, дѣлаешь?"

„Это я тебѣ охотно покажу, только не теперь".

„А почему же не теперь?"

„Для обмана мнѣ необходима моя палка, а она осталась дома".

„Ну, такъ бѣги и принеси ее".

„Но вѣдь я долженъ стеречь своихъ овецъ и не могу ихъ бросить".

„Ну, я тѣмъ временемъ постерегу ихъ; возьми мою лошадь, отправляйся домой и скорѣе возвращайся съ палкой".

„Охотно", сказалъ обманщикъ, взялъ лошадь и уѣхалъ, а человѣкъ остался у колодца стеречь овецъ. Но ни коня, ни сѣдока ему ужъ больше не пришлось увидѣть.

Насръ-эддинъ Ходжа, шутки, анекдоты и веселые разсказы котораго изъ Индіи и Персіи перешли черезъ арабовъ къ тюркамъ и берберамъ, а затѣмъ дальше въ Европу, хорошо знакомъ также и нашимъ киргизамъ на Мангышлакѣ. Привожу здѣсь лишь три образца:

Однажды Насръ-эддинъ сказалъ своей женѣ: „Дорогая жена, мы бѣдны, и намъ плохо живется. Хорошо было бы, если бы Богу вздумалось подарить намъ 100 рублей. Но

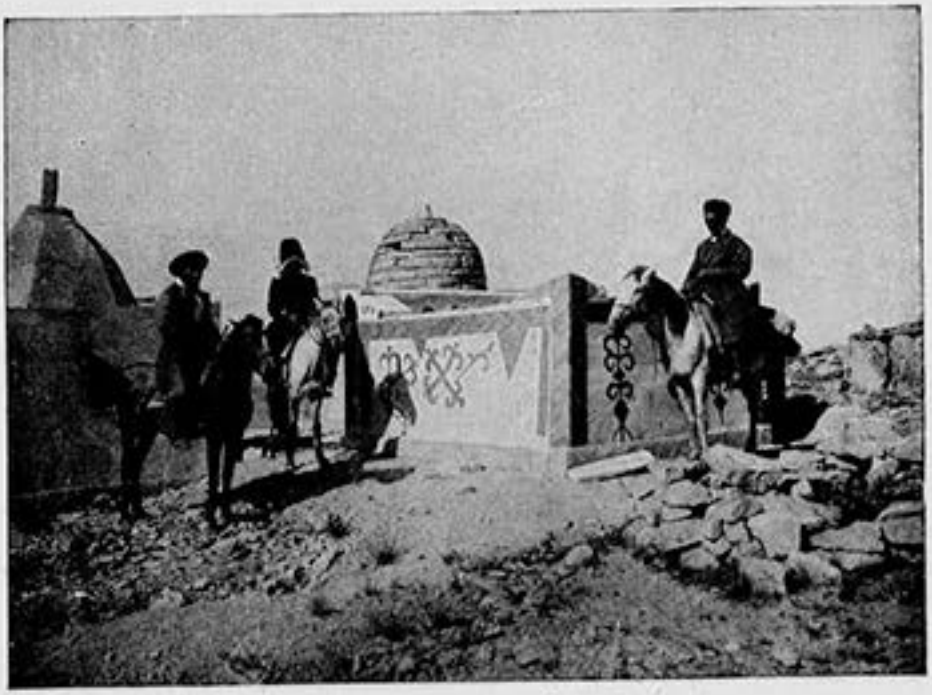
это должно быть какъ разъ 100 рублей: если онъ дастъ меньше, я ихъ не приму". Это услыхалъ богатый еврей; онъ вздумалъ испытать Насръ-эддина и подкинулъ ему подъ ноги кошелекъ съ 99 рублями. Насръ-эддинъ поднялъ деньги и позвалъ свою жену: „жена, жена, Богъ услышалъ меня, и послалъ намъ деньги", и онъ спряталъ къ себѣ кошелекъ. Еврей, само собою, былъ увѣренъ, что Насръ-эддинъ не оставитъ у себя денегъ, т. к. въ кошелькѣ было только 99 рублей, и пожаловался на него хану. Послѣдній призвалъ къ себѣ Насръ-эддина и спросилъ его: „Получилъ ты отъ этого еврея деньги?" — „Нѣтъ, я просилъ Бога, чтобы онъ мнѣ подарилъ сто рублей, и онъ мнѣ ихъ подарилъ". Тогда еврей воскликнулъ: „Да вѣдь тамъ было только 99 рублей, а ты сказалъ, что оставишь у себя деньги только въ томъ случаѣ, если получишь ровно 100 рублей! „Это правда, отвѣтилъ Насръ-эддинъ, но вѣдь это и было 100 рублей, одинъ рубль Богъ оставилъ себѣ за кошелекъ".

Этотъ же разсказъ встрѣчается въ нѣсколько измѣненной формѣ въ собраніи A. Mouliéras „Les fourberies de Si Djeh'a"*), который основывается на турецкихъ, арабскихъ и берберійскихъ источникахъ и приводитъ также европейскія аналогіи. Два другихъ анекдота, изъ того же собранія**), я услыхалъ здѣсь въ слѣдующей версіи:

Нѣсколько молодыхъ людей по дорогѣ въ баню встрѣтили Насръ-эддина. Они рѣшили посмѣяться надъ нимъ и пригласили его пойти съ ними. Въ банѣ они сговорились, чтобы каждый изъ нихъ положилъ яйцо, а кто не сможетъ этого сдѣлать, долженъ заплатить другимъ. Но у каждаго изъ нихъ было по яйцу, которое они приготовили для мытья головы, и Насръ-эддинъ долженъ былъ проиграть.

*) Paris 1892, стр. 31 и 93.
**) Стр. 52 и 87.

Туркменская кибитка.



Туркменская гробница.

Насръ-эддинъ согласился на условіе. Молодые люди поднимались одинъ за другимъ съ мѣста, кудахтали по куриному, и затѣмъ изъ подъ платья вытаскивали яйцо. Когда очередь дошла до Насръ-эддина, онъ всталъ, закричалъ, какъ пѣтухъ, и воскликнулъ: „Я пѣтухъ, и мнѣ не нужно класть яицъ!“ — Въ другой разъ его встрѣтило нѣсколько молодыхъ людей сидящимъ подъ фиговымъ деревомъ; имъ вздумалось его подразнить, и они попросили его снять съ дерева нѣсколько фигъ. Они думали при этомъ, что онъ сниметъ свои башмаки, а они ихъ унесутъ, пока онъ будетъ наверху. Насръ-эддинъ согласился, снялъ башмаки, положилъ ихъ себѣ подъ мышку и полѣзъ на дерево. „Зачѣмъ ты берешь съ собою башмаки?“, спросили молодые люди, „оставь же ихъ внизу!“ — „я, можетъ быть, найду наверху дорогу, и мнѣ не придется опять слѣзать внизъ“, отвѣтилъ Насръ-эддинъ.

Сказки, которыя мнѣ разсказывалъ мой проводникъ, имѣли въ большинствѣ случаевъ фабулы, знакомыя намъ изъ „Тысячи и одной ночи“; правда, здѣсь эти фабулы были перепутаны и вставлены въ другія рамки, но сходства со своими прообразами онѣ, тѣмъ не менѣе, не потеряли. Уже вступительный разсказъ, который, какъ бы въ видѣ предисловія, устанавливаетъ внѣшнюю связь между разсказами, имѣется также и здѣсь: и тутъ, и тамъ ханъ поймалъ свою жену на томъ, что она ему измѣняетъ, а затѣмъ убѣждается на опытѣ, что всѣ женщины въ этомъ отношеніи одинаковы. Обѣ версіи отличаются всевозможными варіантами и особенно интересенъ конецъ, который отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, переходы отъ старыхъ кровавыхъ, деспотическихъ временъ къ болѣе мягкимъ, снисходительнымъ новымъ временамъ:

Нѣкогда жилъ ханъ, который очень гордился своею красотою и считалъ себя самымъ красивымъ человѣкомъ въ государствѣ. Однажды ему разсказали, что въ сосѣднемъ

городѣ живетъ человѣкъ, утверждающій, что онъ красивѣе хана. Ханъ приказалъ привести къ нему тотчасъ же этого человѣка. Посланные люди явились къ нему позднимъ вечеромъ, передали ему приказаніе хана и сказали, чтобы онъ немедленно собрался въ путь. Человѣкъ нѣжно простился со своей молодой женой и отправился къ хану. Черезъ нѣкоторое время онъ спохватился, что впопыхахъ забылъ что-то дома и возвратился. Когда онъ очутился снова передъ своимъ домомъ, онъ увидѣлъ тамъ свѣтъ; удивленный этимъ обстоятельствомъ, онъ заглянулъ черезъ щель въ ставняхъ въ комнату и увидѣлъ, какъ его жена, которую онъ только что оставилъ неутѣшной и въ слезахъ, обманываетъ его въ объятіяхъ другого мужчины. Внѣ себя отъ бѣшенства, онъ бросился бѣжать, приказаніе хана не терпѣло промедленія, и вотъ на утро онъ предсталъ предъ ханомъ съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, искаженнымъ лицомъ. Ханъ накинулся на него: „Какъ, ты, такой уродъ, хочешь считаться красивѣе, чѣмъ я? Въ темницу тебя за твою дерзость!“, велѣлъ его запереть въ павильонѣ въ саду, а самъ, довольный собою и своею красотою, отправился на охоту. Бѣдный обманутый мужъ сидѣлъ между тѣмъ въ своей темницѣ, которая освѣщалась только маленькимъ рѣшетчатымъ окошечкомъ высоко въ стѣнѣ, и думалъ о своей горькой судьбѣ. Тутъ онъ услышалъ снаружи шумъ и голоса, вскарабкался къ окошечку и выглянулъ. Какъ разъ напротивъ былъ колодезь. И вотъ онъ увидѣлъ, какъ изъ колодца вылѣзъ уродливый, старый, изувѣченный человѣкъ, и какъ жена хана нѣжно обняла его и начала цѣловать. Вечеромъ ханъ возвратился съ охоты, вспомнилъ о бѣднягѣ, котораго онъ велѣлъ запереть, приказалъ привести его къ себѣ и сталъ его спрашивать, какъ это онъ вздумалъ считать себя самымъ красивымъ человѣкомъ въ государствѣ. Тогда тотъ отвѣ-

чалъ: „Вообще я красивѣе, но вчера мнѣ пришлось пережить столько ужаснаго, что я сразу сталъ такимъ некрасивымъ. Если бы и съ тобою случилось то же самое, то и ты сталъ бы выглядѣть точно такъ же, какъ и я, и потерялъ бы свою красоту". — „Это невозможно", сказалъ ханъ. „Даю тебѣ слово, что это такъ и будетъ" возразилъ тотъ. „Какъ это случится? — „Объяви, что ты завтра рано утромъ отправишься на охоту и не вернешься раньше вечера. А затѣмъ, когда ты уже отъѣдешь немного, возвратись тайкомъ и приходи ко мнѣ въ мою темницу, я тебѣ тамъ покажу, на сколько я правъ!" Ханъ согласился, велѣлъ приготовить все къ утру для охоты и на слѣдующій день отправился со своею свитою на охоту, а затѣмъ съ дороги возвратился одинъ и тайкомъ пробрался въ павильонъ. Прождавъ нѣкоторое время, онъ услыхалъ шумъ. Ханъ спросилъ своего узника, что это означаетъ. „Полѣзай самъ наверхъ и выгляни въ окно", отвѣтилъ тотъ. Ханъ это сдѣлалъ и увидѣлъ, какъ его жена стояла на колѣняхъ у колодца, и какъ оттуда вылѣзъ уродливый старикъ, съ которымъ она стала обниматься. Блѣдный, какъ мертвецъ, и самъ не похожій на себя, ханъ спустился внизъ. „Вотъ видишь", сказалъ другой, теперь ты точно такъ же выглядишь, какъ я, ты потерялъ тоже твою красоту, какъ и я, когда мнѣ пришлось пережить такую же исторію съ моей женой". — „Прости меня, сказалъ ханъ, ты былъ правъ, мы оба уйдемъ отсюда, гдѣ женщины такія скверныя". Оба отправились въ путь и пришли въ лѣсъ, а въ этомъ лѣсу было озеро. Тутъ они увидали на берегу огромную змѣю и отъ страха влѣзли на дерево. Но по ту сторону озера стояла дивной красоты женщина и приглашала ихъ сойти и провести съ нею время. Змѣя — говорила она — чародѣй, который держитъ ее въ плѣну, но теперь она спитъ и не будетъ мѣшать имъ. Но оба человѣка на

деревѣ отъ страха не шевелились. „Если вы не спуститесь ко мнѣ, я разбужу чародѣя“, стала имъ грозить красавица; тогда они сошли съ дерева и пошли къ ней. Когда они разсказали, что съ ними случилось дома, она сказала имъ: „женщины повсюду невѣрны, вы нигдѣ не найдете лучшей, чѣмъ ваши жены, вернитесь, поэтому, домой“; и они послѣдовали ея совѣту.

Однажды жила вдова, которая имѣла сына. Она часто уговаривала его жениться, но онъ каждый разъ отвѣчалъ: „Мать моя, зачѣмъ я долженъ жениться, когда мнѣ и у тебя такъ хорошо“. Наконецъ, она сказала ему: „Хорошо, поступай, какъ знаешь; но когда ты самъ надумаешь жениться, то сообщи мнѣ объ этомъ, ты услышишь тогда одну исторію“.

Черезъ нѣкоторое время сынъ пришелъ къ ней и сказалъ: „Мать, я хотѣлъ бы теперь жениться, разскажи мнѣ свою исторію.—„Хорошо, отвѣтила та, я сама тебѣ эту исторію разсказать не могу, но слушай, иди въ городъ къ хану и проси его разсказать тебѣ исторію про Гуль и Саванаръ“. Сынъ отправился въ путь. Дорогою онъ усталъ и сѣлъ отдыхать на большой камень. При этомъ онъ нечаянно толкнулъ камень; подъ камнемъ онъ увидѣлъ глубокую яму, изъ которой вылѣзла большая змѣя, такая большая, какъ тѣ змѣи, что ѣдятъ людей.

„Я должна съѣсть тебя“, сказала змѣя.

„Зачѣмъ?“ спросилъ сынъ.

„Богъ приказалъ мнѣ сдѣлать это“.

„Въ такомъ случаѣ нечего дѣлать, но какъ мнѣ узнать, говоришь-ли ты правду?“

„Богъ посадилъ меня въ эту яму, положилъ сверху камень и сказалъ, что кто подыметъ этотъ камень, того я должна съѣсть“.

„Какъ, ты сидѣла въ этой маленькой ямѣ"?

„Ну, конечно".

„Этому я не вѣрю".

„Ты этому не вѣришь? Я тебѣ сейчасъ покажу", и съ этими словами она влѣзла опять въ яму. Сынъ тогда быстро накрылъ яму камнемъ и ушелъ *). Немного спустя, онъ пришелъ въ городъ и отправился на базаръ, гдѣ въ это время было много народа, такъ какъ ханъ творилъ судъ. Ханъ замѣтилъ чужого, велѣлъ привести его къ себѣ и спросилъ, что ему нужно. „Я сюда явился, чтобы услышать отъ тебя исторію про Гуль и Саванаръ". При этихъ словахъ ханъ поблѣднѣлъ и возразилъ: „Приходи потомъ въ мой дворецъ, тамъ я тебѣ ее разскажу". Когда сынъ пришелъ во дворецъ, ханъ разсказалъ ему слѣдующее: „Я былъ женатъ и имѣлъ жену дивной красоты по имени Гуль **), которую я очень любилъ и съ которой былъ очень счастливъ. Въ одно прекрасное утро я, противъ обыкновенія, всталъ рано и пошелъ въ конюшню, чтобы повидать свою любимую лошадь. Я нашелъ ее всю покрытую пѣной, какъ если бы она только что возвратилась съ долгой поѣздки. Я спросилъ конюха, что это значитъ, и кто это такъ рано уже ѣздилъ на ней. Онъ не могъ мнѣ ничего отвѣтить, а когда я пригрозилъ ему и заставилъ говорить, то онъ, заикаясь, заявилъ мнѣ, что онъ не смѣетъ ничего говорить: ему это запрещено подъ угрозою смерти. Я еще разъ строго приказалъ ему сказать всю правду, и тогда онъ сознался:

„Твоя жена, повелитель, является сюда каждую ночь въ то время, какъ ты спишь, садится на лошадь, уѣзжаетъ и

*) Этотъ мотивъ встрѣчается въ „Тысячѣ и одной ночи", гдѣ (въ 11-омъ разсказѣ) такъ же точно перехитрили духа, который находился въ бутылкѣ.

**) Ср. „Тысячу и одну ночь": Гули — вампироподобныя вѣдьмы, которыя питаются мясомъ покойниковъ.

возвращается лишь подъ утро. Ты это самъ увидишь, если нынѣшнею ночью представишься спящимъ, а затѣмъ посмотришь, что происходитъ". Я такъ и сдѣлалъ, представился спящимъ и дѣйствительно увидалъ, какъ моя жена тихо встала и вышла изъ комнаты. Я прокрался за нею, видѣлъ, какъ она вошла въ конюшню, сѣла на лошадь и ускакала. Я бросился во дворъ, сѣлъ на другую лошадь и погнался за нею. Ея лошадь была быстрѣе моей, и я скоро потерялъ ее изъ виду. Все-таки я старался не терять слѣда, который привелъ меня, наконецъ, въ большой лѣсъ; въ лѣсу былъ домъ, передъ которымъ вся въ пѣнѣ стояла лошадь моей жены. Въ домѣ былъ свѣтъ, я заглянулъ туда черезъ щелку и увидѣлъ, что мою жену бьетъ старый, уродливый чародѣй. Я вбѣжалъ въ домъ и убилъ чародѣя. Но моя жена вскрикнула, осыпала меня самыми дикими бранными словами, выбѣжала изъ дому и ускакала прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться. Пораженный и печальный, я поѣхалъ домой. Лошадь моей жены была уже въ конюшнѣ, вся въ мылѣ, какъ и наканунѣ. Моя же жена была дома, встрѣтила меня бранью, произнесла затѣмъ заклинаніе, и въ тотъ же мигъ я превратился въ собаку. Моя жена избила меня до полусмерти и приказала своимъ министрамъ убить въ тотъ же день всѣхъ собакъ въ городѣ. Когда я услыхалъ это, я бросился бѣжать; мнѣ удалось выбраться изъ города, и, послѣ долгихъ блужданій, я добрался въ одномъ лѣсу къ дому охотника. Охотникъ и его жена сидѣли въ это время какъ разъ за столомъ; они меня радушно приняли и накормили. Но по моему поведенію они догадались, что тутъ дѣло не такъ просто; жена посмотрѣла на меня внимательно и сказала своему мужу: „Это ханъ, моя сестра Гуль заколдовала его, я знаю ея талисманъ. Но и я владѣю талисманомъ, и могу превратить хана опять въ человѣка". При

этомъ она произнесла заклинаніе, и я снова сдѣлался ханомъ. Я поблагодарилъ Бога, что онъ привелъ меня къ этой женщинѣ, которая звалась Саванаръ, получилъ отъ нея талисманъ, которымъ могъ превратить чародѣйку Гуль въ птицу, и возвратился въ городъ. Дома Гуль очень удивилась, увидѣвъ меня, но я быстро произнесъ заклинаніе, и она превратилась въ птицу, которую я заперъ въ клѣтку.

Было два брата; они заблудились въ горахъ. Наконецъ, они устали и нашли убѣжище въ пещерѣ. Тамъ они открыли большое помѣщеніе, снизу доверху наполненное книгами; тутъ же лежала записка, на которой стояло: „Кто прочтетъ всѣ эти книги, узнаетъ въ послѣдней заговоръ, который доставитъ ему всѣ блага земныя“. Братья начали читать, но одинъ изъ нихъ скоро отказался отъ этого и ушелъ, другой же выдержалъ до конца, все читалъ и читалъ цѣлый годъ, пока не дошелъ до послѣдней книги. Тутъ онъ узналъ заговоръ, при помощи котораго могъ становиться невидимымъ и исполнять всѣ свои желанія. Тогда онъ отправился въ городъ, чтобы поискать работы и пришелъ къ торговцу фруктами, который принялъ его къ себѣ въ услуженіе. Торговецъ держалъ хорошій товаръ, и потому у него не было недостатка въ покупателяхъ. Въ одинъ прекрасный день товаръ его не прибылъ, и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, такъ какъ долженъ былъ отказывать покупателямъ. Тогда слуга его сказалъ: „Ничего не можетъ быть проще, я знаю заговоръ и могу тебѣ достать самыя лучшія яблоки“; при этомъ онъ произнесъ заклинаніе, и передъ ними появились цѣлыя корзины, наполненныя прекрасными яблоками. Купецъ былъ, само собою, очень счастливъ; теперь каждое утро у него былъ самый лучшій товаръ, и

покупатели все прибывали. Однажды къ нему пришла дочь хана, чтобы купить яблокъ. Это была красавица, и купецъ въ нее влюбился, но какимъ образомъ могъ онъ приблизиться къ ней? Тогда слуга сказалъ: „Я знаю заговоръ, который дѣлаетъ человѣка невидимымъ, я тебѣ скажу его. Съ нимъ ты можешь расхаживать по всему ханскому дворцу, и тебя никто не будетъ видѣть, но не забудь слова, а не то ты погибнешь". Купецъ отправился во дворецъ и дивился, какъ это его никто не замѣчаетъ; такъ онъ дошелъ, наконецъ, до комнаты хана. На порогѣ лежала большая собака, купецъ испугался и убѣжалъ. На слѣдующій день, однако, онъ снова набрался храбрости, отправился во второй разъ во дворецъ и незамѣтно дошелъ до комнаты принцессы. Такъ продолжалось нѣкоторое время, и купецъ переживалъ счастливые часы съ дочерью хана. Но въ одинъ прекрасный день, когда онъ былъ съ нею, онъ вдругъ забылъ волшебное слово, и его схватили. Когда его привели предъ лицо хана, онъ разсказалъ о заговорѣ, которымъ владѣлъ его слуга. Ханъ приказалъ доставить къ нему этого человѣка, но слуги не могли найти домъ купца. Три раза возвращались люди на указанное имъ мѣсто, но дома какъ будто и не бывало. Тогда ханъ приказалъ убить купца. Палачъ уже готовился отрубить ему голову, какъ появился слуга, котораго разыскивали, и сказалъ хану: „Отпусти этого человѣка, это я далъ ему заговоръ" и при этомъ онъ разсказалъ хану всю свою исторію. Ханъ все еще не вѣрилъ и потребовалъ доказательства. Слуга исполнилъ его желаніе и сдѣлался невидимымъ, а черезъ минуту принялъ опять свой образъ. Это заинтересовало хана, и онъ пожелалъ на себѣ испытать заговоръ. Тогда слуга велѣлъ ему заглянуть въ колодезь *), и вдругъ ханъ исчезъ на гла-

*) См. „Тысяча и одна ночь", четырнадцатый разсказъ.

захъ у всего народа; онъ очутился въ чужомъ городѣ, гдѣ его никто не зналъ, и долженъ былъ стать носильщикомъ и зарабатывать тяжелымъ трудомъ свое пропитаніе; затѣмъ онъ женился, сдѣлался отцомъ восьмерыхъ дѣтей и продѣлалъ цѣлый рядъ приключеній. Наконецъ, освобожденный отъ колдовства, онъ снова появился на площади передъ своимъ народомъ, возмущенный, что чужой человѣкъ унизилъ его, превративъ изъ хана въ носильщика, и страшно удивился, когда узналъ, что на самомъ дѣлѣ онъ исчезъ только на одно мгновеніе. Тогда онъ простилъ купца и его слугу.

Жилъ нѣкогда богатый купецъ; онъ далъ своему сыну 1,000 рублей и послалъ его въ городъ за покупками. Сынъ прибылъ туда къ вечеру и засталъ на постояломъ дворѣ человѣка, который спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

„Я хочу сдѣлать покупки".

„Это ты можешь потомъ сдѣлать, а покуда побудемъ вмѣстѣ".

„А кто ты такой?"

„Я учитель танцевъ".

„Учитель танцевъ? танцовать я бы тоже хотѣлъ умѣть"

„Ты можешь остаться у меня и научиться этому".

„А что это будетъ стоить?"

„Тысячу рублей".

„Хорошо, я у тебя останусь".

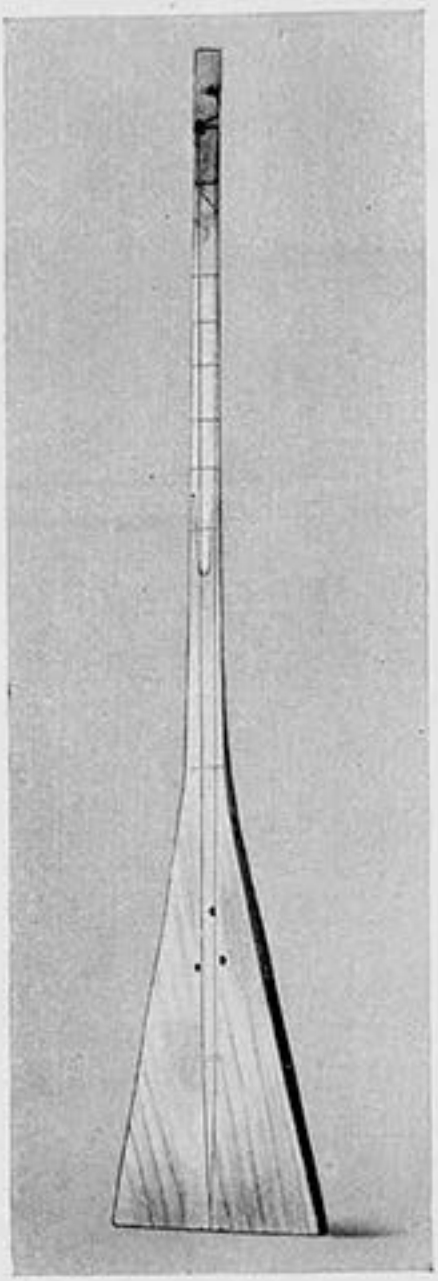
Черезъ годъ онъ закончилъ свое ученіе и возвратился домой. Отецъ спросилъ его, что онъ купилъ. „Цѣлую массу вещей", отвѣтилъ сынъ, „караванъ придетъ завтра". Но когда никакой караванъ не пришелъ, сынъ сказалъ отцу, что, по всей вѣроятности, караванъ былъ дорогою ограбленъ. Черезъ годъ отецъ снова послалъ его въ городъ, давъ опять

1,000 рублей. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ учителя музыки, который научилъ его играть на струнномъ инструментѣ, и черезъ годъ онъ возвратился домой опять безъ денегъ. Это повторилось еще въ третій разъ, при чемъ сынъ научился играть въ шахматы. Послѣ этого онъ остался уже дома. Спустя нѣкоторое время, родители обѣднѣли. Тогда сынъ оставилъ домъ родителей, чтобы заработать для нихъ и для себя денегъ, и нанялся въ работники при караванѣ. Караванъ былъ на пути къ столицѣ хана. Однажды вечеромъ караванъ расположился у колодца, который оказался пустымъ. Рѣшили, что колодезь засорился и велѣли новому работнику спуститься внизъ, чтобы его прочистить. Тотъ полѣзъ внутрь и нашелъ на днѣ колодца кучу самыхъ прекрасныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, наполнилъ себѣ ими карманы и снова вылѣзъ наверхъ. Тамъ онъ показалъ каравану свою находку. Министръ, который велъ караванъ, смотрѣлъ съ жадностью и завистью на камни; потомъ онъ сталъ кричать, что работникъ ихъ укралъ, и отнялъ ихъ у него. Послѣ этого онъ написалъ хану письмо, въ которомъ онъ обвинялъ подателя въ кражѣ и совѣтовалъ казнить его тотчасъ же; съ этимъ письмомъ онъ отправилъ работника къ хану. По дорогѣ работникъ снова спустился въ колодезь и увидѣлъ, что колодезь переходитъ въ большія пещеры; онъ сталъ итти по нимъ, пока не пришелъ въ послѣднюю пещеру, гдѣ засталъ стараго, страннаго на видъ, волшебника, всего въ слезахъ. Тотъ разсказалъ, что потерялъ сына, котораго очень любилъ, и который помогалъ ему коротать время танцами и музыкой. Тогда работникъ сказалъ: „Это я тоже могу дѣлать“, и сталъ танцовать и играть, какъ его этому научили; волшебникъ забылъ свое горе и попросилъ его остаться жить у него. „Этого я не могу сдѣлать“, возразилъ работникъ „Я долженъ отправиться къ хану“.—„Ну тогда приходи послѣ

снова ко мнѣ, но не забудь, а не то тебѣ придется плохо". Работникъ далъ обѣщаніе и отправился своею дорогою. Уже стемнѣло, когда онъ пришелъ въ городъ, но на улицахъ стояло еще много народа, и всѣ казались въ большомъ волненіи. „Что случилось?", спросилъ работникъ. Тутъ ему разсказали, что дочь хана дала клятву выйти замужъ только за того, кто побѣдитъ ее въ шахматной игрѣ, тѣхъ же, которые этого не могли сдѣлать, приказывала убивать, и уже много погибло такимъ образомъ юныхъ и прекрасныхъ принцевъ. „Хочу попытать свое счастье", сказалъ работникъ, вспомнивъ пройденную имъ науку, и отправился во дворецъ, побѣдилъ принцессу и женился на ней. Когда, спустя нѣсколько дней, въ городъ прибылъ караванъ, вѣроломный министръ получилъ заслуженное имъ наказаніе и былъ казненъ, а прежній работникъ и теперешній зять хана вспомнилъ про стараго волшебника, навѣстилъ его въ его колодцѣ и получилъ отъ него всѣ его сокровища.

Одному хану приснилось, что съ неба падаютъ сабли. Испуганный, онъ утромъ спросилъ своихъ министровъ, что означаетъ этотъ сонъ, но никто этого не зналъ. Тогда ханъ разослалъ по всему царству людей съ вѣстью, что всякій, кто сумѣетъ растолковать его сонъ, получитъ богатую награду. Одинъ мальчикъ шелъ въ тотъ день мимо кладбища и встрѣтилъ змѣю. Она сказала ему: „Если ты обѣщаешь принести мнѣ деньги, которыя получишь отъ хана, то я растолкую тебѣ его сонъ". Мальчикъ пообѣщалъ, и змѣя сказала ему: „Этотъ сонъ означаетъ — будетъ война". Мальчикъ отправился къ хану, растолковалъ ему сонъ и получилъ деньги, но рѣшилъ ихъ оставить у себя. Вскорѣ послѣ этого ханъ увидѣлъ во снѣ дождь изъ лисицъ. Онъ опять сталъ искать человѣка, который могъ бы ему разъяснить

сонъ и обѣщалъ на этотъ разъ вдвое больше денегъ. Но никто при дворѣ не могъ этого сдѣлать. Тутъ мальчикъ опять встрѣтилъ змѣю. Она ему сказала: „Ты меня въ первый разъ обманулъ, но я хочу снова помочь тебѣ; этотъ сонъ означаетъ — Люди будутъ хитры, какъ лисицы". Мальчикъ отправился къ хану, растолковалъ ему сонъ и получилъ деньги, но и на этотъ разъ онъ оставилъ ихъ у себя. Въ третій разъ хану приснилось, что съ неба падаютъ овцы. Снова мальчикъ встрѣтилъ змѣю, и снова змѣя сказала: „Я помогу тебѣ еще разъ, хотя ты меня опять обманулъ; этотъ сонъ означаетъ: Люди будутъ добры, какъ овцы". Мальчикъ пошелъ къ хану, растолковалъ ему сонъ и получилъ деньги. На этотъ разъ онъ отнесъ ихъ змѣѣ. Но та отвѣтила: „Мнѣ не нужно этихъ денегъ, ты былъ не хуже, чѣмъ всѣ другіе люди".



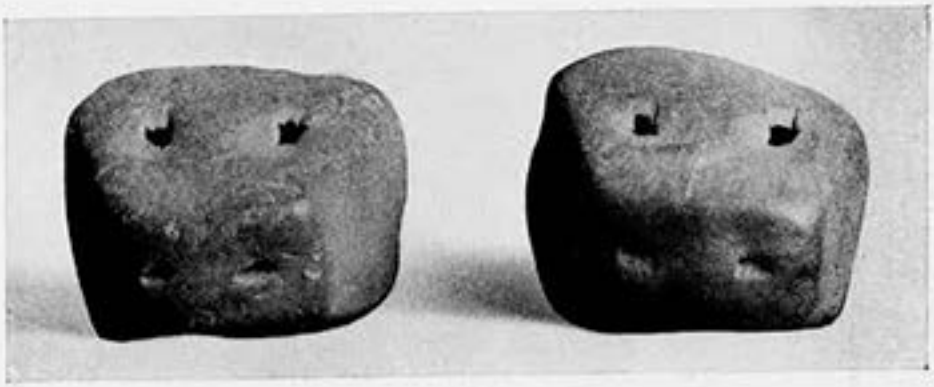
A

B

Киргизскій дутаръ или домбра

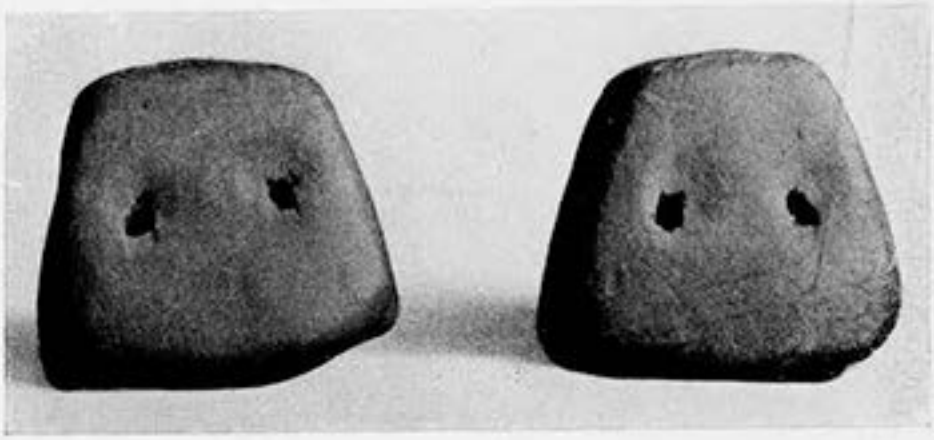
A: видъ спереди,
B: видъ въ разрѣзѣ.

D

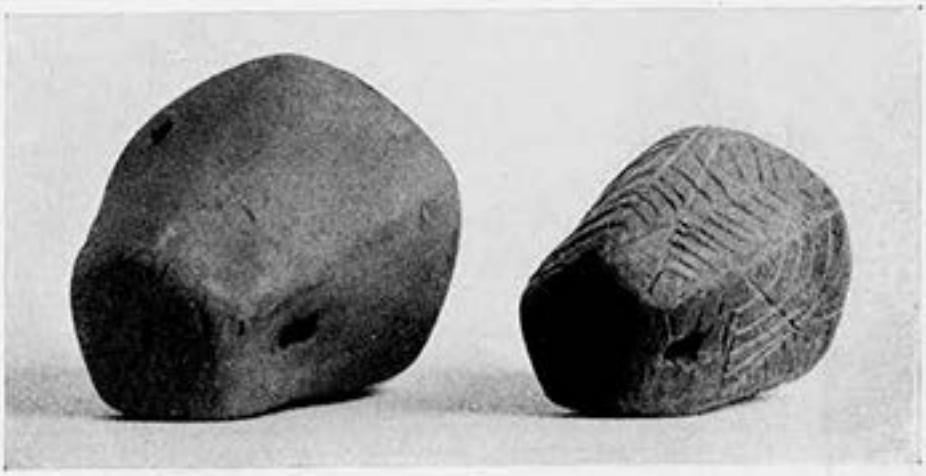


C

Киргизскія дѣтскія глиняныя свистульки.



F



E

Киргизскія дѣтскія глиняныя свистульки.

ЛЕНИНА

Изд. А.Ф. Деврiена. Г. Карутинъ. „Среди киргизовъ и туркменовъ."

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе	. . . . .	V
Отъ переводчика	. . . . .	VI
Глава I.	На Мангышлакъ	1
„ II.	Туркмены и киргизы	20
„ III.	Аулъ и кибитка	62
„ IV.	Рожденіе и дѣтство	78
„ V.	Свадьба и бракъ	95
„ VI.	Болѣзни и смерть	114
„ VII.	Изъ области вѣрованій и суевѣрій.	123
„ VIII.	Киргизская линія	140
„ IX.	Тысяча и одна ночь	173